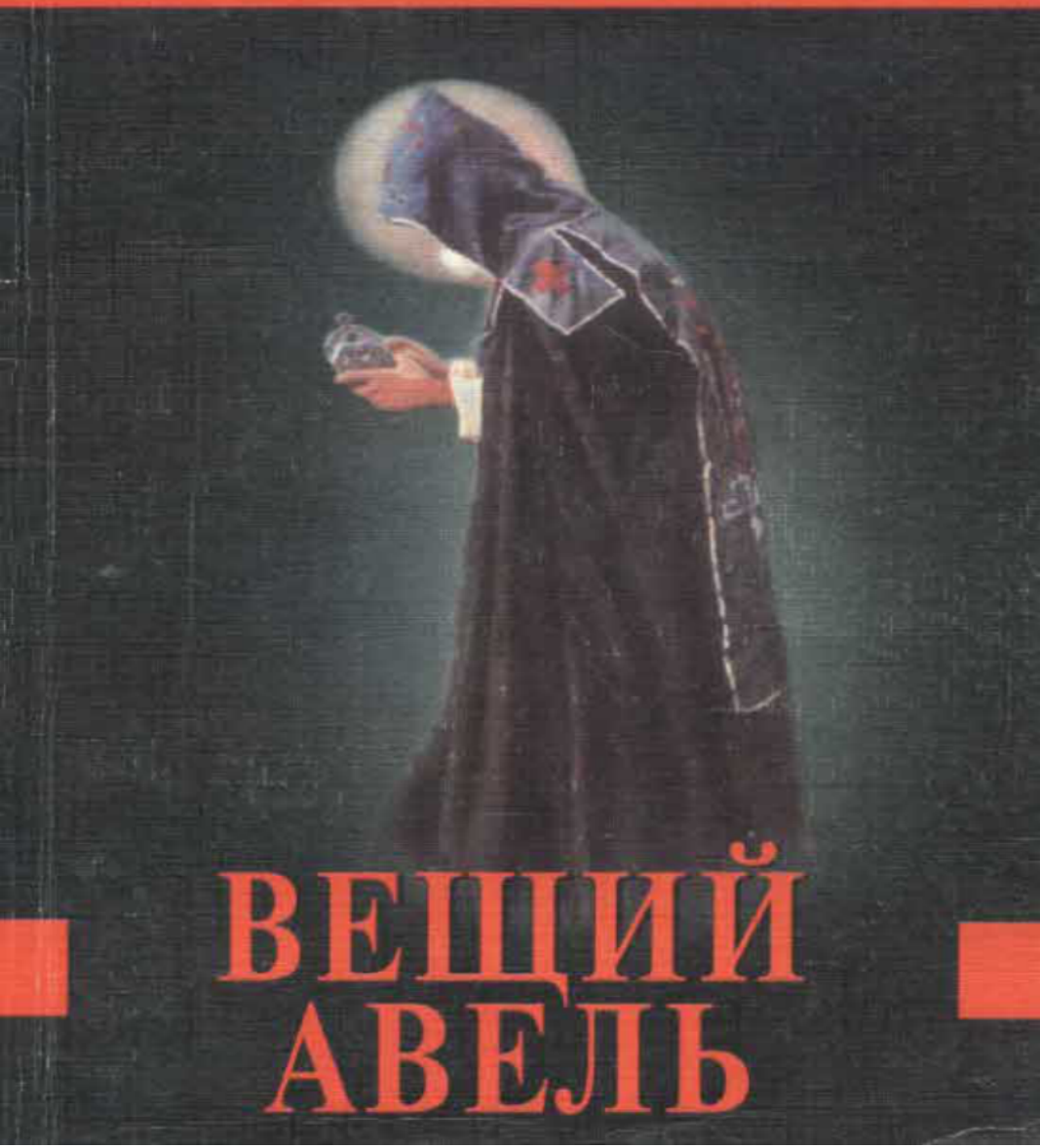
ВЕЛИКИЕ ПРОРОКИ



ВЕЩИЙ АВЕЛЬ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

ВЕЛИКИЕ ПРОРОКИ

Более двадцати лет отсидел в шести тюрьмах и трех крепостях отец Авель за свои предсказания русским монархам об их смертях и убийствах. Павел I запечатал конверт с его прогнозом «судьбы державы российской» и написал на нем: «Вскрыть Потомку Нашему в столетний день моей кончины». Его вскрыли в означенное время. Вещий Авель был прав: царскую корону последний российский император сменил на терновый венец.

О многострадальной жизни провидца, об отечественной истории как исполнении его пророчеств рассказывает эта книга.

- Роман Белоусов
  - ДОЗНАНИЕ В ТАЙНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
  - ОТ ИОАННА VI ДО ПАВЛА I
  - ОТ АЛЕКСАНДРА I ДО НИКОЛАЯ II
  -
- notes
  - 1

Роман Белоусов

ВЕЩИЙ АВЕЛЬ

ВЕЛИКИЕ ПРОРОКИ

РОМАН БЕЛОУСОВ

ВЕЩИЙ АВЕЛЬ

АСТ
Издательство
ОЛИМП
Москва
1998

ДОЗНАНИЕ В ТАЙНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В начале марта 1796 года в Тайную экспедицию доставили отца Авеля. Это был угрюмый на вид монах, неразговорчивый, одетый в простую рясу. О нем шла молва как о прозорливце, предсказывающем будущее.

Нахождение в Тайной экспедиции ничего хорошего не сулило. Она была создана в 1762 году, то есть при восшествии на престол Екатерины II, как бы в пику ее супругу Петру III, отменившему орган тайного надзора, существовавший в России со времен Петра I. Теперь Тайная экспедиция вновь являлась зловещим учреждением, где вершили следствие и суд по делам заговорщиков и смутьянов. Через нее прошли в свое время Пугачев, Новиков, Радищев и другие. Иначе говоря, это был возрожденный орган политического сыска и дознания. С теми, кто оказывался в его стенах, разговор был короткий: после следствия — в крепость.

За что же угодил монах Авель в это страшное заведение?

На этот счет сохранилось свидетельство А. П. Ермолова, впоследствии героя Бородина и Кавказа. В тот год он, тогда еще молодой, двадцатидвухлетний подполковник артиллерии, но уже георгиевский кавалер, награжденный самим Суворовым, был арестован и сослан на вечное жительство в Кострому. Здесь он пробыл под строжайшим надзором до воцарения Александра I, то есть почти пять лет. А попал он в немилость по доносу генерал-лейтенанта Ф. И. Линденера, инспектора кавалерии Московской и Смоленской губерний.

При дворе всегда находились царедворцы, рассчитывавшие приобрести милость недоверчивой Екатерины II, а потом и мнительного Павла I якобы заботой об их безопасности. Они всячески подогревали недоверие, разжигали подозрительность, надеясь выслужиться. Таковым был и Федор Иванович Линденер, поляк по происхождению. В своем верноподданническом рвении он усмотрел в словах нескольких военных крамолу и доложил о шайке разбойников. В их числе оказался и Ермолов. Если что и было крамольного, так это несколько двусмысленных фраз подгулявших офицеров в адрес правительства. Этого оказалось достаточно, чтобы заключить Ермолова в Петропавловскую крепость, а затем, через три месяца, сослать в Кострому.

Здесь-то и произошла встреча знаменитого впоследствии полководца с Авелем.

«В это время, — рассказывал потом Ермолов, — проживал в Костроме некто Авель, который был одарен способностью верно

предсказывать будущее.

Однажды за столом у костромского губернатора Лумпа *Авель во всеуслышание предсказал день и ночь кончины императрицы Екатерины II.* Причем с такой поразительной, как потом оказалось, точностью, что это было похоже на предсказание пророка. В другой раз Авель объявил, что «намерен поговорить с Павлом Петровичем», но был посажен за сию дерзость в крепость, из которой, однако, скоро вышел.

Возвратившись в Кострому, *Авель предсказал день и час кончины нового императора Павла I.* Все предсказанное Авелем, — заключал Ермолов, — буквально сбылось…»

Если же придерживаться точных, ныне известных фактов биографии Авеля, то гонения на него начались в марте 1796 года.

В Тайной экспедиции сохранился протокол дознания по делу Авеля под заглавием: «Дело о крестьянине вотчины Льва Александровича Нарышкина Василье Васильеве, находившемся в Костромской губернии в Бабаевском монастыре под именем иеромонаха Адама и потом названном Авелем, и о сочиненной им книге. Начато марта 17-го 1796 года».

Точнее говоря, это была никакая не книга, а несколько тетрадных листков числом 67.

Авелю был учинен допрос. Закованный в железы, находясь под крепким караулом, этот, как сказано в деле, «сумасброд и злодей» не выдал своих соучастников, впрочем, скорее всего таковых и не имелось. Монах признал, что «книгу» свою писал сам, не списывал, «а сочинял из видения». Это случилось еще в бытность его на Валааме. Пришел он тогда к заутрене в церковь, там и случилось ему видение об императрице Екатерине Алексеевне.

Епископ Костромской нашел в «книге» Авеля ересь и полагал, что за это его следовало бы предать светскому суду, но предпочел снять с Авеля монашеское одеяние, то есть подвергнуть его расстригу. А после под крепким караулом вместе с его писаниями отправил к генерал-прокурору А. Н. Самойлову. При арестанте, как указано в деле, найдено денег 1 рубль 18 копеек.

В Тайной экспедиции Авель дал следующие показания.

На вопросы: что он за человек, как его зовут, где родился, кто у него отец, чему обучен, женат или холост и если женат, то имеет ли детей и сколько, где его отец проживает и чем питается? — Авель отвечал, что в миру его называют Василий Васильев, родился он в марте 1757 года в деревне Акуловой в Алексинском уезде Тульской губернии. Родители — крепостные крестьяне, занимались земледелием и коновальной работой, чему научили и его, своего отрока. Крещен в веру греческого

исповедания, женат, имеет троих сыновей. Женат был против своей воли — отец принудил к тому, и потому в своем селении жил мало, а всегда хаживал по разным городам.

Когда ему было десять лет от роду, начал он размышлять о Божестве и о Божественных судьбах. Тогда-то и решил оставить дом отца своего с тем, чтобы идти в пустыню на службу Богу. Потом, слышав во Евангелии слово Христа Спасителя — «И всякий, кто оставил… или отца, или мать, или детей, или земли, ради имени Моего, во сто раз больше получит и жизнь вечную наследует», — он, внемля сему, еще больше начал думать о том и искал случая исполнить свое намерение.

Далее в деле сказано, что в семнадцать лет «начал он обучаться грамоте, а потом учился и плотничной работе. Поняв частию грамоте и того ремесла, ходил он по разным для работ городам и был с прочими в Кременчуге и Херсоне при строении кораблей. В Херсоне открылась заразительная болезнь, от которой многие люди, да и из его артели товарищи начали умирать, чему и он был подвержен; то и давал он Богу обещание, ежели его Богу угодно будет исцелить, то он пойдет вечно Ему работать в преподобии и правде, почему он и выздоровел, однако ж и после того работал там год. По возвращении же в свой дом стал он проситься у своего отца и матери в монастырь, сказав им вину желания своего; они же, не разумев его к Богу обета, его от себя не отпускали. Он же, будучи сим недоволен, помышлял, как бы ему к исполнению своего намерения уйти от них тайно, и чрез несколько времени взял он плакатный пашпорт под образом отшествия из дому для работы, пошел в 1785 году в Тулу, а оттуда чрез Алексин, Серпухов, Москву пришел в Новгород, из коего водою доехал до Олонца, а потом пришел к острову Валааму, с коего и переехал в Валаамский монастырь». Здесь и принял постриг с именем Адама.

Прожил там только год, «вникая и присматривая всю монастырскую жизнь и весь духовный чин и благочестие». Затем взял благословение от игумена «и отыде в пустыню, которая на том же острове недалеча от монастыря, и вселился един». И начал он «в той пустыне прилагать труды ко трудам, и подвиг к подвигу; и явися от того ему многая скорби и великия тяжести, душевныя и телесныя. Попусти Господь Бог на него искусы, великия и превеликия, и едва в меру ему понести; посла на него темных духов множество и многое: да искуситься теми искусами яко злато в горниле». Все это преодолел мужественный пустынник. И «Господь же видя раба Своего такую брань творяща с без-плотными духами и рече к нему, сказывая ему тайная и безвестная, и что будет ему и что будет всему миру: и прочая

таковая многая и множество».

«И от того время, — говорится с его слов в деле, — отец Авель стал вся познавать и вся разумевать, и пророчествовать. Вернулся в Валаамский монастырь, но, прожив там недолго, стал ходить по разным монастырям и пустыням. Предпринял он поход в Царьград через города Орел, Сумы, Харьков, Полтаву, Кременчуг и Херсон. За девять лет отец Авель обошел многие страны и грады, сказывал и проповедовал волю Божию и Страшный суд Его».

Наконец пришел он на реку Волгу и поселился в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии. Послушание в той обители было отцу Авелю: в церковь и в трапезу, и в них петь и читать, а между тем писать и слагать, и книги сочинять. И написал он в этой обители книгу мудрую и премудрую, хотя человек он был «простой, без всякого научения, и видом угрюмый». А написано было в ней о царской фамилии.

Книгу эту отец Авель показал настоятелю, «но никому кроме него своего сочинения не разглашал». А архиерей сказал ему: «Сия твоя книга написана под смертною казнию. Сняв с Авеля монашеское одеяние для исследования и поступления по законам, за крепким караулом представил его в Костромское наместническое правление. «Губернатор же и советники его приняли отца Авеля и книгу его и видеша в ней мудрая и премудрая, а наипаче написано в ней царския имена и царские секреты. И приказали его на время отвезть в костромской острог». Из костромского острога Авеля под караулом отправили в Петербург.

В Тайной экспедиции на вопрос: откуда был ему глас и в чем он состоял? — отвечал:

«Был ему из воздуха глас: иди и рцы ей северной царицы Екатерине: царствовать она будет 40 годов. Посем же иди и рцы смело Павлу Петровичу и двум его отрокам, Александру и Константину, что под ними будет покорена вся земля. Сей глас слышан им был в 1787 году в марте месяце. Он при слышании сего весьма усумнился и поведал о том строителю и некоторым благоразумным братьям.

Вопрос: Отобранныя у тебя пять тетрадей, писанныя полууставом, кто их писал? С каким ты намерением таковую нелепицу сочинил, которая не может ни с какими правилами быть согласна? Кто тебя к сему наставил и что ты из сего себе быть чаял?

Ответ: Означенныя полууставныя книги писал я в пустыни, которая состоит в костромских пределах близ села Колшева (помещика Исакова) и писал их наедине, и не было никого и не

советников, но все от своего разума выдумал… Девять лет как принуждала меня совесть всегда и непрестанно об оном гласе сказать Ея Величеству и их высочествам… Почему я вздумал написать те тетради и первыя две сочинил в Бабаевском монастыре в десять дней, а послед-ния три в пустыни.

Вопрос: Для чего внес в книгу свою такие слова, которые особенно касаются Ее Величества, а именно, якобы на нее сын восстанет и прочее, и как ты разумел их?

Ответ: На сие ответствую, что восстание есть двоякое: иное делом, а иное словом и мыслию, и утверждаю под смертною казнию, что я восстание в книге своей разумел словом и мыслию. Признаюся чистосердечно, что сии слова написал потому, что он, то есть сын, есть человек подобострастный, как и мы. Человек имеет различные свойства: один ищет славы и чести, а другой сего не желает, однако мало таковых, кто бы онаго избегал. Великий князь Павел Петрович возжелает сего, когда ему придет время. Время же сие наступит тогда, как процарствует мать его Екатерина Алексеевна, всемилостивейшая наша Государыня, сорок лет: ибо так мне открыл Бог… Я для того сюда и послан, чтобы возвестить вам всю сущую и истинную правду.

Вопрос: Как ты осмелился сказать в книге своей, якобы пал Петр III император от жены своей?

Ответ: Сие я потому написал, что об оном есть в Апокалипсисе. Разумею я свержение с престола за неправильные его дела, о коих слышал еще в младенчестве в Туле от мужиков, и именно: первое — якобы он оставил свою законную жену Екатерину Алексеевну и второе — будто бы хотел искоренить православную веру и ввести другую, за что Бог и попустил на него таковое искушение. Что касается сказанного мною о Павле Петровиче, то я и про него слышал, якобы он таков же нравом, как и отец его, и слышал здесь в Петербурге, чему уже прошло семь лет, от старых солдат, служивших еще при Елисавете Петровне, которые мне о сем сказали, когда спрашивал их, позвавши в кабак и поднеся в меру вина. Однако я не утверждаю, правда ли сие или нет, и не знаю, живы ли они или уже померли.

Вопрос: Из показаний твоих и в сочиненной книге твоей усматривается дерзновенное прикосновение до высочайших императорских особ, о котором мнишь ты удостоверить, якобы то происходит от таинства, в Священном Писании содержимого и тебе чрез неизвестный глас открытого. А как таковые бредни твои не заслуживают ни малейшего внимания и по испытании тебя в Священном Писании оказалось, что ты не только о нем малого сведения, но и никакого понятия не имеешь, то, отложа сии неистовые нелепости и лжи, открыть тебе самую истину без

малейшей утайки. Первое. Где о падении или свержении императора Петра III от царствования узнал, от кого, когда, при каком случае и как? Второе. Хотя ты и показываешь, что восстание Государя Цесаревича на ныне царствующую всемилостивейшую Императрицу слышал ты от старых солдат, потчевая их в кабаке, но как и сие показание твое не имеет ни малого вида вероятности, то объявить тебе чистосердечно: где именно, как и чрез какие средства, при каком случае, от кого именно узнал и для какой причины спрашивал ты о свойствах Его Высочества, так как не касающегося до тебя дела, ибо в том только единое спасение твое зависит от приуготовляемого тебе жребия».

В ответ на это сам Авель задал вопрос своему допросителю Александру Макарову (преемнику знаменитого Шешковского, сыскных дел мастера при Екатерине II, года три как умершего): «Есть ли Бог и есть ли диавол, и признаются ли они Макаровым?» И после этого Авель обещал сказать всю правду.

Несмотря на сумасбродство бедного монаха, стоявшего перед грозным судилищем, было в речах его что-то необыкновенное и внушающее. Судья Тайной экспедиции должен был смутиться перед такой напряженной волей, которая не знала страха и подвергла допросителя своему допросу.

Тут мог действовать и личный пример самой Государыни, которая с противниками своей власти считала нужным бороться орудием убеждения и умственных доводов. У членов Тайной экспедиции должно было сохраниться в свежей памяти, как она, статья за статьей, опровергала книгу Радищева и вынудила его сознаться в своем заблуждении.

Собственноручный ответ Макарова сохранился в деле за его подписью: «Тебе хочется знать, есть ли Бог и есть ли диавол, и признаются ли они от нас? На сие тебе ответствуется, что в Бога мы веруем и по Священному Писанию не отвергаем бытия и диавола. Но таковы твои недельные вопросы, которых бы тебе делать отнюдь сметь не должно, удовлетворяются из одного снисхождения, что ты конечно сею благосклонностью будешь убежден и дашь ясное и точное на требуемое от тебя сведение и не напишешь такой пустоши, каковую ты прислал. Если же и за сим будешь ты притворствовать и отвечать не то, что от тебя спрашивают, то должен ты уже на самого себя пенять, когда жребий твой нынешний переменится в несноснейший и ты доведешь себя до изнурения и самого истязания. 5 Марта 1796. Коллежский советник и кавалер Александр Макаров».

После этого объяснения между судьею и подсудимым о Боге и дьяволе Авель дал ответы по предложенным ему двум вопросам:

1. О падении императора Петра III слышал он еще из детства, по народной молве, во время бывшего возмущения от Пугачева, и сие падение разные люди толковали, кто как разумел. Когда таковые же толки происходили и от воинских людей, то он начал с того самого времени помышлять о сей дерзкой истории. Какие же именно люди о сем толковали и с каким намерением, того в знании показать, с клятвою, отрицается.

2. О восстании Государя Цесаревича на ныне царствующую всемилостивейшую Императрицу говорит, что он сие восстание разумеет под тремя терминами: 1) мысленное; 2) словесное и 3) на самом деле. Мыслию — думать, словом — требовать, а делом — против воли усилием. Сих терминов заключение и пример взял он из Библии, которую читая делал по смыслу заключения и начал описывать. Тетради его как настоятелю, так и братии были противны, и они их жгли, а сочинителя настоятель за то сажал и на цепь. Но его тревожил все тот же слышанный глас, и он решился идти в Петербург… В писании своем советников и помощников не имел и бывшее ему явление признает действием нечистого духа, что и утверждает клятвою, готовя себя не токмо жесточайшему мучению, но и смертной казни. Подписался: «Василий Васильев».

Есть известие, что Авеля водили и к самому генерал-прокурору графу Самойлову. Когда тот прочел, что Авель через год предсказывает скоропостижную смерть царствовавшей Екатерине II, ударил его за это по лицу и сказал: «Как ты, злая глава, смел писать такие слова на земного бога». «Отец же Авель стояше пред ним весь в благости, и весь в божественных действах. И отвещавая к нему тихим гласом и смиренным взором, рече: меня научил писать эту книгу Тот, Кто сотворил небо и землю, и вся яже в них». Генерал подумал, что перед ним просто юродивый, и посадил его в тюрьму, но все-таки доложил о нем государыне.

Услышав год и день своей смерти, Екатерина II была в истерике. В результате 17 марта 1796 года вышел указ: «Поелику в Тайной экспедиции по следствию оказалось, что крестьянин Василий Васильев неистовую книгу сочинял от самолюбия и мнимой похвалы от простых людей, что в непросвещенных могло бы произвести колеблемость и самое неустройство, а паче что осмелился он вместить тут дерзновеннейшие и самые оскорбительные слова, касающиеся до пресветлейшей особы Ея Императорского Величества и высочайшего Ея Величества дома, в чем и учинил собственноручное признание, а за сие дерзновение и буйственность, яко богохульник и оскорбитель высочайшей власти, по государственным законам, заслуживает смертную

казнь; но Ея Императорское Величество, облегчая строгость законных предписаний, указать соизволила оного Василия Васильева вместо заслуженного ему наказания посадить в Шлиссельбургскую крепость с приказанием содержать его под крепчайшим караулом так, чтоб он ни с кем не сообщался, ни разговоров никаких не имел; на пищу же производить ему по десяти копеек в каждый день, а вышесказанные, писанные им бумаги запечатать печатью генерал-прокурора, хранить в Тайной экспедиции».

Доклад об Авеле, по которому составлено было высочайшее повеление, состоялся 17 марта 1796 года, а сам он ранее, 8 марта, уже был отправлен в Шлиссельбургскую крепость, где и помещен 9 марта в казарме номер 22. Комендант дал ему самому распечатать конверт от генерал-прокурора, в котором написано было увещание, чтобы он во всем чистосердечно признался. Авель, выслушав сие увещание два раза, отвечал: «Я более того, что в книге написано, сказать ничего не имею, что и утверждаю клятвою».

И был заключен Авель в крепость по именному повелению государыни Екатерины. И пробыл он там десять месяцев и десять дней. Послушание ему было в той крепости: «Молиться и поститься, плакать и рыдать и к Богу слезы проливать, сетовать и воздыхать и горько рыдать; Бога и глубину Его постигать». И проводил так время отец Авель до смерти государыни Екатерины. И после того еще содержался в крепости месяц и пять дней.

ОТ ИОАННА VI ДО ПАВЛА I

Век заговоров и убийств

Чтобы лучше представить обстановку, на фоне которой случатся события, которые предрек Авель, посмотрим, что происходило в России накануне.

Пожалуй, никогда в русской истории не было замыслено и осуществлено столько заговоров, как в XVIII столетии. Это был век дворцовых переворотов и кровавых убийств. Обстоятельства некоторых из них до сих пор не вполне ясны

Долго зрел и вынашивался в начале века заговор и измена царевича Алексея, сына Петра I. Когда провели жесточайший розыск, царевича пытали, после чего были открыты его сообщники, самого Алексея «за все вины и преступления против государя и отца своего, яко сын и подданный его величества» приговорили к смерти.

Следующий акт исторической драмы о заговорах и дворцовых переворотах при русском дворе разыгрался двенадцать лет спустя. В августе 1740 года императрица Анна Иоанновна стала бабушкой. У ее племянницы Анны Леопольдовны родился сын, которого нарекли Иоанном в честь деда, царя Иоанна Алексеевича, старшего брата Петра I.

Видимо, предчувствуя свой скорый конец, Анна Иоанновна воспылала нежной любовью к внуку, преемнику престола. Она усыновила его, велела колыбель с младенцем перенести в свою спальню. Не обошла императрица лаской и вниманием и мать новорожденного, а также ее мужа, герцога Антона Ульриха Брауншвейгского.

Два месяца спустя Анна Иоанновна скончалась, как тогда говорили, от каменной болезни, и двухмесячный ребенок, согласно ее завещанию, был провозглашен императором. На подушке, прикрытой порфирой, его выносили при торжественных случаях, и вельможи лобызали его ножку. Малютку-императора показывали в окно народу и войску, которое приветствовало его раскатистым «ура». В честь царственного младенца устраивались нескончаемые придворные балы, фейерверки и иллюминации. Поэты славили его в своих одах, прочили великое царствование, жизнь долгую и спокойную. Увы, ни одно из этих предсказаний не оправдалось.

Не прошло и трех недель со дня провозглашения малолетнего наследника императором Иоанном VI, как случился переворот.

Скоро и неожиданно пресеклось недолгое регентство ненавистного всем Бирона. Началось правление Анны Леопольдовны — матери младенца-императора. Длилось оно всего год и кончилось в осеннюю ненастную ночь столь же неожиданно, как и началось.

В ночь на 25 ноября 1741 года на Красной улице в доме цесаревны Елизаветы собрались те, кто вознамерился возвести на русский престол дочь Петра I. Среди заговорщиков находился и лейб-хирург Иоганн Герман Лесток, служивший еще при ее батюшке. Он-то и являлся одним из вдохновителей и организаторов будущего переворота.

Потомок знатного французского рода, родившийся в эмиграции на ганноверской земле, подвизавшийся здесь в качестве не то лекаря, не то цирюльника, однажды решил попытать счастья в России, где требовались знающие свое дело медики. В 1713 году авантюрист и искатель приключений прибыл в Петербург.

Знание языков, приятная внешность, а главное, веселый и обходительный нрав пришлись по душе царю. И только что прибывшего чужеземца определяют хирургом к высочайшему двору. Назначение это было тем более удивительным, что одновременно с Лестоком в Россию приехали шесть хирургов из Лондона, но ни один из них не удостоился такой чести. Считают все же, что, если бы Лесток не был хорошим специалистом, если бы он являлся шарлатаном, ловко прикинувшимся знающим медиком, его непременно бы разоблачили. Сам Петр I обладал немалыми познаниями в медицине, особенно в хирургии, бывало, лично делал операции, собственноручно пускал кровь и выдирал зубы.

Карьера Лестока в России сложилась более чем удачно при жизни Петра I. Но и после смерти царя, благоволившего к своему лейб-хирургу, ловкий ганноверец сумел удержаться на поверхности и в бурные дни правления Меншикова, и при верховниках. Остался он при дворе и с началом царствования Анны Иоанновны, исполняя должность лейб-хирурга при цесаревне Елизавете Петровне. Подле нее он задумал и выносил свой план: дочь Петра должна «восприять отеческий престол». В случае успеха пятидесятилетний Лесток лелеял себя надеждой получить новые должности и титулы, не говоря о золотом дожде, который польется на него. Ради личного преуспеяния и трудился неутомимый лейб-хирург над осуществлением плана переворота.

Время выбрано было благоприятное. Новая правительница, восприняв любовь своей покойной тетки Анны Иоанновны к увеселениям, беззаботно наслаждалась маскарадами, балами и

балетами. И на все предостережения о том, что ей и ее сыну грозит опасность, не обращала внимания, так как не могла и не хотела поверить, что ее двоюродная тетка и кума станет что-либо против нее замышлять. Беспечность дорого обошлась ей и ее сыну.

Была полночь, когда лейб-хирург вошел в комнату Елизаветы и доложил, что все готово. Дочь Петра стояла на коленях перед иконой и молилась. Рядом с ней осеняли себя крестным знамением другие заговорщики. Лесток услышал, как тихим голосом цесаревна дала обет — упразднить смертную казнь, если Богу будет угодно способствовать осуществлению ее замысла.

Елизавета поднялась и, почти не помня себя от волнения, вышла со всеми на крыльцо, где ждали двое саней. В первые села Елизавета, Лесток и другие главные зачинщики. Сани тронулись в сторону преображенского съезжего двора.

В отличие от цесаревны да и некоторых других участников заговора, Лесток сохранял удивительное спокойствие. Его хладнокровие и находчивость проявились и тогда, когда дежурный барабанщик, увидев знатных гостей, готов был забить тревогу. Лесток проворно выскочил из саней и тотчас распорол кинжалом барабанную кожу. Этот небольшой хирургический надрез позволил без шума арестовать дежурного офицера, после чего Елизавета Петровна предстала перед толпой гренадеров. Восхищенные тем, что к ним обратилась сама дочь великого Петра с просьбой поддержать ее, они дружно прокричали в ответ: «Да здравствует матушка императрица Лисавета Петровна!»

Полдела было сделано. Гренадеры дружно присягнули новой царице. Лесток был доволен — все шло гладко. Во главе эскорта из двухсот новых приверженцев Елизавета и ее сподвижники направились к Зимнему дворцу. Здесь Лесток столь же ловко повторил операцию с надрезом барабанной кожи. Дворцовая охрана, как и гренадеры лейб-гвардии, с готовностью присягнули Елизавете. Тем временем Лесток с тридцатью гренадерами арестовал правительницу со всем ее семейством, в том числе и низверженным императором Иоанном VI Антоновичем. Затем всех их доставили во дворец Елизаветы Петровны и разместили в разных комнатах.

Утром Россия узнала о том, что престол заняла «законная» государыня. Пушечная пальба, прозвучавшая по этому поводу над городом, радостью отдавалась в сердце Лестока, назначенного в тот же час лейб-медиком двора. Последовали и другие назначения и награды участникам переворота. Не забыли, однако, и о тех, кто в результате его оказался низвергнут. Прежде всего было дано указание уничтожить все следы краткого правления

Иоанна. Запрещалось упоминать его имя; бумаги и документы, где оно встречалось, подлежали сожжению; были изъяты из обращения монеты с изображением свергнутого ребенка-императора.

Вместе с тем новая владычица милостиво объявила, что повелевает «всю Брауншвейгскую фамилию вместе с Иоанном отправить в их отечество с надлежащею честию и с достойным удовольствием, предавая все их предосудительные поступки крайнему забвению». Поначалу, действительно, принц Антон Ульрих, его жена Анна Леопольдовна, император Иоанн VI и сестра его Екатерина были отправлены в Ригу. Здесь, однако, их догнало распоряжение задержать семейство и впредь, до указа, содержать его под строжайшим надзором. С этого момента с бывшей правительницей и ее мужем стали обращаться как с государственными преступниками. Было запрещено допускать кого-либо для беседы с ними, получать и отсылать письма.

Что побудило изменить торжественно произнесенное ранее обещание?

Видимо, Елизавета Петровна, спохватившись, поняла, какую угрозу ее трону будет представлять бывший император, окажись он на свободе. К тому же распространился слух, будто узники дважды пытались бежать: однажды переодевшись в крестьянское платье, другой раз якобы на корабле. Тогда еще более усилили надзор за ними, запретив прогулки далее крепостного сада.

Но уже не слух о попытке бегства, а действительная попытка заговора в пользу свергнутого императора не на шутку встревожили царицу.

Не прошло и семи месяцев после переворота, как летом 1742 года был открыт заговор — первый, в ряду последующих, в пользу Иоанна VI при его жизни. Участники заговора, их было трое — камер-лакей Турчанинов, прапорщик Преображенского полка Ивашкин и сержант Измайловского полка Сновидов — замыслили умертвить Елизавету Петровну и герцога Голштинского, ее племянника (будущего императора Петра III) и возвести на престол низложенного Иоанна Антоновича. Они утверждали, что Елизавета прижита якобы вне брака и потому является незаконной дочерью Петра I. С заговорщиками скоро расправились: высекли кнутом и сослали в Сибирь, вырвав язык и ноздри у главаря, а у остальных — только ноздри.

Случай этот породил при дворе «страшную боязнь и тайное смятение», вплоть до того, что императрица опасалась спать одна и проводила ночи в обществе нескольких приближенных, а отсыпалась днем, когда, как ей казалось, она была в безопасности.

Ровно через год вспыхнуло так называемое «лопухинское дело» снова в пользу Иоанна Антоновича. На сей раз вдохновителем заговора был австрийский посланник маркиз Ботта. В числе участников оказался подполковник Иван Лопухин, заявлявший, как установило следствие, что, мол, через несколько месяцев будет перемена, намекая тем самым на возвращение низложенного Иоанна Антоновича. «Рижский караул, который у императора Иоанна и у матери его, — говорил он, — очень к императору склонен, а нынешней государыне с тремястами канальями ее лейб-компании что сделать?» А посему «перемене легко сделаться», тем паче, что король прусский поможет и маркиз Ботта «императору Иоанну верный слуга и доброжелатель».

«С пристрастием» проведенное следствие выявило тринадцать русских участников заговора и одного иностранца. Замешанными оказались и две женщины — первая статс-дама Наталья Федоровна Лопухина и графиня Анна Гавриловна Бестужева, известная красавица. Обеих их высекли на Сытном рынке при народе, в кровь рассекли тело, тянули клещами языки изо рта.

И хотя вся вина подсудимых состояла, видимо, лишь в неосторожных высказываниях, расправились с ними скоро и жестоко: высекли кнутом, урезали языки, сослали в Сибирь. Что касается Ботты, то его по распоряжению австрийской императрицы Марии Терезии посадили в замок Грац, где содержались государственные преступники.

Не успел пройти у Елизаветы Петровны страх, охвативший ее в связи с этим заговором, как новые тревожные слухи лишили сна императрицу. Доносили, что в Кенигсберге некий Штакельберг таинственно намекал на возможность в России новой революции. С юга, из Малороссии, тоже стекались донесения о разговорах, будто в столице существует сильная группа в пользу сверженного императора.

Требуются крутые меры, чтобы удержать власть в руках, нашептывали царице. Необходимо обезопасить трон — настаивал Лесток и предлагал крепко-накрепко заточить бывшего императора и его семью где-нибудь в глубине России, упрятать подальше и содержать в строгой тайне.

И Елизавета принимает решение перевести арестантов в крепость Дюнамюнде, затем следует новое распоряжение: отправить всю семью в Раненсбург — городок под Рязанью. Но и отсюда, кажется императрице, они могут угрожать ее трону. И следует новый указ. Осенью 1744 года узников переводят в Холмогоры, под Архангельском.

В здешнем остроге и суждено было провести семейству

остальную часть жизни. Здесь вскоре скончалась Анна Леопольдовна, оставив вдовцом отца пятерых детей. Антон Ульрих провел в заключении тридцать лет и умер глубоким слепым старцем. Дети его — две дочери и двое сыновей — были в 1780 году отпущены во владения их тетки, королевы датской Юлианы Марии. Остаток дней своих они прожили в городе Горзеисе, где и похоронены на местном кладбище. Иная участь, еще более горькая, суждена была их старшему брату Иоанну.

…Страх быть низложенной в результате заговора неотступно преследовал Елизавету Петровну. Заняв престол с помощью силы, она как бы ждала ответной меры. Тем более, что все еще существовал низвергнутый ею реальный претендент на российский престол, поощряя пылкие головы предпринять что-либо для его освобождения.

Новая попытка могла произойти в 1749 году. Распространилось известие, что при дворе раскрыт заговор. Его многочисленные участники ставили своей целью, когда умрет Елизавета Петровна, арестовать наследника Петра Федоровича и его жену Екатерину и возвести на престол законного императора Иоанна Антоновича.

В народе то и дело возникали разного рода слухи о судьбе Иоанна. Будто, вопреки всем предосторожностям, мальчик в двенадцать лет узнал о себе правду от одного из солдат, охранявших его темницу. В другой раз он якобы с помощью какого-то монаха пытался бежать за границу. Судачили о том, что императрица назначила наследником престола не Петра Федоровича, а Иоанна Антоновича. Иные договаривались до того, что утверждали, будто царица одно время предполагала вступить в супружество с Иоанном и тем самым уничтожить возможность всякого рода восстаний и заговоров в пользу низложенного императора.

Все эти слухи раздражали и злили царицу, побуждали принимать особые меры предосторожности. Так, тюремщикам, приставленным к узнику, содержащемуся с самого начала заточения отдельно от родителей, сестер и братьев, была вручена особая инструкция. Согласно ей офицерам, находившимся при Иоанне, вменялось умертвить узника в случае попытки освободить его из заключения. Существование подобной инструкции — важный факт, способный объяснить многое в дальнейших событиях. А они развивались следующим образом.

Умерла Елизавета Петровна, российский престол занял Петр III. Многие вельможи, сосланные при покойной царице, были возвращены ко двору, им вернули титулы и поместья. Только в жизни Иоанна Антоновича все осталось без перемен. Правда, по

некоторым данным, новый император намеревался отправить его на родину отца, в Германию. Поговаривали даже, что Петр III мечтал усыновить Иоанна и назначить наследником. Но ничего подобного не произошло. Все, на что решился молодой царь, — это посетить царственного узника в его заточении, не раскрывая перед ним свою особу.

К тому времени Иоанна Антоновича, прожившего в Холмогорах под именем Григория двенадцать лет, скрытно перевезли в Шлиссельбургскую крепость. Здесь и состоялось тайное свидание царствующего императора с царственным узником. Но кроме царя, как и прежде, никто не смел видеть арестанта.

Однако чем был вызван перевод узника из одной тюрьмы в другую? Тому были особые причины.

Дело в том, что с некоторых пор на находившегося в заключении бывшего российского императора стали делать ставку в своей политической игре соседи России Австрия и Пруссия. Нет сомнения, например, что Ботта действовал отчасти по указанию своего правительства. Особые планы связывал с Иоанном и Фридрих II. Можно предположить, что русское правительство располагало данными о том, что прусский король готов поддержать переворот в пользу Иоанна VI.

Если учесть остроту тогдашних политических отношений между двумя странами, к тому же находившимися в состоянии войны, намерение Фридриха не покажется таким уж наивным и неосуществимым. Видимо, в Петербурге учитывали такую возможность. Чтобы обезопасить себя на этот счет, захватить инициативу, выведать замыслы и переиграть политического противника, в России разработали хитроумный план.

Среди бумаг Канцелярии тайных розыскных дел находится дело о тобольском купце Иване Васильевиче Зубареве. Приключения этого авантюриста не только выделяются сложными и запутанными обстоятельствами, но и в известном смысле превосходят многие необычные судьбы, которыми так было богато тогдашнее время.

Однажды в декабре 1751 года Елизавета Петровна вышла на крыльцо Зимнего дворца, собираясь отправиться в Царское Село. В тот момент, когда царица начала спускаться по ступенькам к карете, в ноги ей бросился человек в простом армяке и подал доношение. Это был Иван Зубарев, прибывший в столицу с важным открытием.

В доношении говорилось о серебряных и золотоносных рудах, якобы добытых в известных просителю местах. Царица приказала рассмотреть дело Зубарева. Образцы руд, которые он представил,

были переданы на экспертизу в три учреждения, часть образцов попала в лабораторию к Ломоносову. Он один лишь высказал мнение, что образцы «все содержат признак серебра». Остальные эксперты категорически это отрицали. Рудознатца заподозрили в шарлатанстве. Сам Ломоносов не исключал своей ошибки из-за несовершенства инструментов, которыми пользовался.

Предположив, что тобольский купец намеревался всучить фальшивые руды и действовал со злым умыслом, его посадили в крепость. Тут он объявил «слово и дело», собираясь якобы поведать нечто особенное. Его перевели в Тайную канцелярию. Но уловка не помогла. Новые показания были признаны также ложными, а их автора приговорили высечь кнутом и вернуть в крепость. Тогда неудачливый золотоискатель задумал побег. План удался довольно легко. Попросившись в город без караула для покупки-де рубахи, арестант не вернулся, хотя ранее обычно исправно возвращался в подобных случаях.

Вскоре Зубарев объявился не дальше как в Берлине, где потребовал доставить его к самому королю. Благодаря Манштейну, бывшему прежде на русской службе, ему удалось встретиться с принцем Брауншвейгским, братом заточенного в Холмогорах Антона Ульриха, а следовательно, дядей Иоанна Антоновича. Тот и представил россиянина самому Фридриху II. О своих истинных злоключениях Зубарев скромно умолчал, а выдал себя за беглого гренадера лейб-компании, проигравшегося в карты.

Видно, лжегренадер неплохо исполнял свою роль, ему поверили. Мало того, предложили выполнить секретное и ответственное поручение. Впрочем, не сам ли Зубарев навел на мысль Фридриха и его приближенных доверить ему исполнение плана, возможно, им же самим и предложенного? В чем, однако, заключался этот план?

Зубареву предстояло вернуться в Россию, добраться до Холмогор и передать Антону Ульриху и его сыну Иоанну, что в Архангельск будет снаряжен корабль, якобы купеческий. На нем заключенные смогут бежать. Причем для обеспечения побега Зубарев должен был взбунтовать раскольников в пользу Иоанна, затем подкупить солдат и вывезти узников из Холмогор.

В Берлине, по всей видимости, серьезно готовились к этой акции. Зубарева представили капитану будущего «купеческого» судна, выдали тысячу червонцев для подкупа стражи и снабдили паролем, который показал бы холмогорским арестантам, что он действует от имени их родственников.

Для поощрения самого беглого гренадера его произвели в полковники и обрядили в пышный мундир. Скоро, правда, с ним

пришлось расстаться — щеголять по русской земле в парадной блестящей форме было опасно. Но и без нее дорога оказалась не сладкой. По пути на родину его ограбили, пришлось спасаться бегством, скитаться, прятаться. Наконец прусского шпиона изловили и доставили в ту самую Канцелярию тайных розыскных дел, где ему уже довелось бывать.

На допросе неудачник золотоискатель, лжегренадер и псевдополковник сознался и дал подробные показания. Благодаря ему в Петербурге стали известны планы прусского короля насчет освобождения Иоанна Антоновича. Невольно тобольский купец оказал важную услугу царскому двору. Впрочем, действительно ли она была такой уж невольной? А что, если Зубарев выполнял особое задание и был специально заслан в Берлин с целью выведать намерения прусского короля?

В самом деле, многие обстоятельства, связанные с его бегством и пребыванием в прусской столице, кажутся странными, как и смерть в тюрьме, где он, видимо, был отравлен. Но в том-то и дело, что и этого не было. Просто-напросто его смерть инсценировали, заменив другим, может быть, уже мертвым заключенным. Куда же девался тогда подлинный Зубарев? И почему понадобился весь этот спектакль? Для того, чтобы сохранить жизнь человеку, оказавшему важную услугу трону.

Легко предположить, что в тайну операции посвящены были немногие, поэтому Зубарева часто рассматривают как настоящего шпиона, проникшего в Россию со специальным заданием прусского короля. Тем более, что следствию, надо думать, было дано секретное указание вести дело своим порядком, не раскрывая истинной подоплеки.

В связи с этим напрашивается предположение: не был ли Зубарев, оказавшийся впервые в застенках Тайной канцелярии, выбран для выполнения особого задания? Для него это означало выход на свободу. Он соглашается. Следует инсценировка побега. Выполнив задание, возвращается, чтобы через некоторое время навсегда исчезнуть. Но не умереть.

В наши дни удалось обнаружить в фондах Тюменской воеводской канцелярии и Тобольской духовной консистории документы о некоем отставном поручике Иване Васильевиче Зубареве, проживавшем в шестидесятых — восьмидесятых годах в Тобольской губернии. Что это, спрашивает ученый, совпадение и только? Возможно. Но вместе с тем слишком много фактов заставляют думать, что Иван Васильевич Зубарев, якобы умерший в тюрьме, и поручик Иван Васильевич Зубарев, вынырнувший в Сибири через несколько лет, — одно и то же лицо. На чем, однако, основана эта гипотеза?

Смерть Зубарева могла быть инсценирована в Тайной канцелярии, а сам он награжден чином, выпущен тайно и водворен в сибирской глуши. Это возможно только в одном случае: если в Пруссии он действовал по поручению властей, если поездка в Берлин нужна была как предлог для жестоких мер против возможного претендента на престол — Иоанна Антоновича.

Дальше следует важное наблюдение. Показания И. В. Зубарева о прусском плане похищения Иоанна Антоновича были даны 22 января 1756 года, а 23 января (то есть немедленно, без затрат времени на обсуждение важной новой информации) послан указ начальнику караула в Холмогорах (написан рукой графа А. И. Шувалова, начальника Тайной канцелярии, и подписан Елизаветой): тайно отдать Иоанна Антоновича специальной команде для перевода в Шлиссельбург и продолжать создавать видимость содержания узника по-прежнему в Холмогорах — вплоть до отправки отсюда ко двору регулярных рапортов о его состояний.

Бесспорно и то, что обстоятельства мнимой смерти «колодника Ивана Васильева» (фамилия не упоминалась) были засекречены, как и само пребывание его в застенке держалось в глубокой тайне. Строго запрещалось любое общение с арестантом. В указе по этому поводу говорилось: «Не выспрашивать и разговоров никаких ни о чем с ним не иметь».

Такая секретность требовалась для того, чтобы исключить утечку информации о том, что Зубарев был агентом русского двора и действовал по его плану. Больше того, в Пруссию было направлено письмо от имени Зубарева. Тайная канцелярия рассчитывала выловить в Архангельске тех, кто явился бы за холмогорскими узниками.

Гипотеза эта тем более не покажется странной, если обратиться к истории другого заговора — последнего в ряду ему подобных, составленных в пользу Иоанна Антоновича при его жизни.

Несмотря на тщательные предосторожности и суровые распоряжения содержать Иоанна Антоновича в строжайшей тайне, следы его замести не удалось. Всякий, кто хотел и почему-либо интересовался таинственным узником Шлиссельбургской крепости, мог без особого труда узнать о нем. Знали даже о том, что кто-то намеревался освободить «безымянного колодника», о чем свидетельствовала сама Екатерина II, к тому времени занявшая российский престол, причем тоже путем дворцового переворота. В одном из своих писем, имея в виду непрекращавшиеся покушения в пользу Иоанна Антоновича, она

отмечала: «с святой недели много о сем происшествии почти точные доносы были».

Надо полагать, что эти тревожные известия весьма беспокоили императрицу, занявшую престол с помощью заговора и теперь, естественно, больше всего опасавшуюся, как в свое время и Елизавета, аналогичной ответной меры со стороны претендентов на власть. Первым из таких претендентов по-прежнему оставался Иоанн Антонович. Пока жив Иоанн VI, не быть спокойствию на Руси. И царица замыслила раз и навсегда избавиться от беспокойного узника.

Все, что будет изложено ниже, — лишь предположение, впервые высказанное сто лет назад выдающимся русским критиком и историком В. В. Стасовым в его неопубликованном исследовании «Брауншвейгское семейство». Труд этот, видимо, потому и не увидел свет, что в нем содержалась дерзкая для того времени мысль о причастности императрицы к убийству царственного узника.

Следует, однако, вкратце напомнить, что произошло в Шлиссельбургской крепости 5 июля 1764 года.

В этот день подпоручик Смоленского пехотного полка Василий Мирович, находившийся в карауле Шлиссельбургской крепости, предпринял попытку силой освободить Иоанна Антоновича. Взбунтовав команду и арестовав командира, он бросился к Светличной башне, где содержался «безымянный колодник» под охраной специальной стражи во главе с офицерами Власьевым и Чекиным. Здесь бунтовщика встретили ружейным огнем. Мирович приказал солдатам ответить залпом. Завязалась перестрелка, атаковавшие стали готовить к стрельбе пушку. Тогда офицеры, приставленные к узнику, видя безвыходность своего положения, решили действовать в соответствии с инструкцией, той самой, которая существовала еще во время Елизаветы и была возобновлена при Екатерине. Согласно этой инструкции охране вменялось в случае попытки освободить Иоанна Антоновича умертвить его.

Когда Мирович ворвался в каземат, перед ним на полу лежал труп молодого человека. Это был Иоанн Антонович. Так закончилась «шлиссельбургская нелепа».

Мирович и солдаты, обманом вовлеченные в авантюру, предстали перед судом. Прямых сообщников у него не оказалось. Правда, по показаниям Мировича, один такой заговорщик существовал — поручик Ушаков. Но накануне осуществления заговора он неожиданно утонул, и Мирович остался один. Это казалось по меньшей мере странным.

Еще современники строили всякого рода предположения и

догадки. В числе сомневающихся был и барон Черкасов, член специальной комиссии, занимавшейся разбором дела Мировича. Как пишет В. В. Стасов, он подал письменное мнение следующего содержания: «Мне невероятно, чтоб Мирович не имел сообщников в своем злом умысле, кроме Аполлона Ушакова».

Мнение Черкасова произвело сильное волнение в собрании. На заседании выступил сенатор Петр Иванович Панин, бывший покровитель Мировича, клонивший к тому, чтобы Мировича не пытать, так как из дела достаточно уже видно, что у него сообщников, кроме Ушакова, никого не было и ни о каких внушителях не может быть и речи.

Вечером 15 сентября тело Мировича, оставленное на позорище народу в продолжение целого дня, было сожжено вместе с эшафотом. В тот же самый день трех капралов и трех рядовых, помогавших Мировичу, прогнали на том же обжорном рынке сквозь строй перед тысячью человек десять раз и сослали на каторгу. Подпоручика князя Чефаридзева лишили чинов, посадили в тюрьму на шесть месяцев, потом отправили рядовым в астраханский батальон. Придворного лакея Касаткина наказали на обжорном же рынке батогами и послали рядовым в воронежский гарнизон.

Между тем значительные награды были даны офицерам Власьеву и Чекину. Сержанта произвели в прапорщики, унтер-офицера — в подпрапорщики, прочих четырнадцать рядовых — в капралы, причем каждый из последних получил по сто рублей.

Сразу после умерщвления Иоанна Антоновича много было споров относительно того, существовали ли у Мировича, кроме ничтожных людей, им выставленных, еще другие, более важные соучастники, которые подтолкнули его на совершение приписываемого ему одному предприятия и от которых он ждал поддержки, и участвовала ли сама императрица каким бы то ни было образом в этом деле. Фактов, подтверждающих положительные ответы на эти вопросы, не имеется, но тем не менее нельзя обойти без внимания несколько событий и подробностей, которые в общей сложности приводят к убеждению, что на оба эти вопроса можно почти с полной достоверностью ответить утвердительно.

Не первому Мировичу пришло в голову освобождать Иоанна Антоновича и снова возвести его на престол. В письме к генералу Веймарну от 15 июля 1764 года Панин писал: «Ее величество напоминает и примечать изволит, что с Великого поста более 1–2 раз по той же материи (об освобождении Иоанна Антоновича. — *Р. Б.)* разное вранье открылось, да и в месте перед ее отсутствием один гвардии прапорщик, выписанный ныне в армейские полки (о

котором я с вашим превосходительством уже говорил), тоже врал слышанное на кабаках от самой подлости (то есть от простого народа. — *Р. Б),* будто б принц Иоанн жил тогда в деревне под Шлиссельбургом, многие армейские штаб-офицеры и солдаты ему присягали, и много людей из города к нему туда на поклон ходят».

О других разговорах в народе известно из показаний Мировича о придворном лакее Касаткине и рейтаре конной гвардии Торопченине, наконец, и из подметного безымянного письма, поднятого нищею старухою в самый день отъезда императрицы из Петербурга в Лифляндию.

Был ли Мирович связан с теми, кто все это говорил и писал, или нет, неизвестно, но можно предположить, что он рассчитывал на каких-то помощников, во-первых, в артиллерийском корпусе, куда хотел привезти прямо из Шлиссельбурга Иоанна Антоновича (объяснения Мировича о причинах его надежд на артиллерийский корпус очень неубедительны и кажутся одной лишь отговоркой), а во-вторых, на тех, кто должен был подъехать к Шлиссельбургу ночью на лодках, для чего Мирович дал часовым приказ: пропустить прибывших на лодках. Объяснения Мировича и по этому поводу также совершенно неубедительны. Едва началось следствие над ним, открылось, что в ночь с 4 на 5 мая к Шлиссельбургу действительно подходили две шлюпки с вооруженными людьми с целью освободить Иоанна Антоновича.

Кто мог быть сообщниками или, скорее всего, подстрекателями Мировича? Уже тогда, когда совершилось убийство Иоанна Антоновича, мнения современников были разные. Одни полагали, что главным действующим лицом, душою всего предприятия была та самая знаменитая Дашкова, которая за два года перед тем задумала и совершила переворот, свергнувший Петра III и возведший на престол Екатерину II. Уже в 1763 году дружба между нею и Екатериной рушилась, императрица не выносила более ее смелого, самостоятельного ума и нрава.

Английский посланник Букингем писал своему двору 20 июля 1764 года, то есть в первые дни после шлиссельбургской катастрофы: «Захвачены печатные прокламации, которые одобряют предполагавшуюся революцию, и княгиню Дашкову подозревают в участии во всем этом. Очень вероятно, что, настойчиво требуя пытки Мировича, барон Черкасов и духовные члены верховного судилища имели в виду раскрытие виновности Дашковой, о чем тогда носилось много слухов, и что, говоря о постыдной для верховного суда роли комедиантов и машин, Черкасов разумел то, что все члены, не разоблачая Дашкову, были

послушными орудиями в руках Панина».

Можно было также предположить, что участие Дашковой осталось нераскрытым вследствие могущественного влияния Панина, поскольку, по тогдашним всеобщим слухам, она считалась не только его незаконной дочерью, но и любовницей. Но, несмотря на все это, трудно вообразить себе, чтоб какое бы то ни было влияние Панина на императрицу в состоянии было перевесить в ней страх, ненависть к предприимчивой сопернице, чтоб он в то же время в состоянии был совершенно исказить дело и закрыть от императрицы настоящие его пружины. О сообщничестве Дашковой могла бы узнать императрица из множества источников, и тогда, конечно, никакой Панин не спас бы ее. Итак, предположение об участии Дашковой в этом деле вряд ли имеет основание.

Существовало и другое мнение: план умерщвления Иоанна Антоновича произошел прямо от самой императрицы. В «Истории России» Герман, во всех своих показаниях опирающийся на свидетельства иностранных политических агентов в России, утверждает: «Уже во время волнений войска и народа 1762 и 1763 гг. все, кто при дворе имел сведения о делах, говорили (по словам одного дипломата, хорошо знакомого с тайнами того времени), что Ивану придется умереть». И еще: «Прежний великий канцлер Бестужев считал Панина исполнителем (в деле Мировичева предприятия) императрицыной воли».

Еще один иностранный автор, Гельбиг, почерпнул все свои сведения из рассказов современников, участвовавших в правительственных делах. «Умерщвление бывшего царя Иоанна дело Теплова. Этот несчастный принц, существования которого даже слабоумная и трусливая Елисавета не опасалась настолько, чтоб предать его смерти, показался слишком опасен двору Екатерины II. Все затруднение состояло только в том, каким бы образом от него отделаться. Тогда обратились к Теплову, которого злобный нрав был известен, и он действительно изобрел тот отвратительный план, которого исполнение удалось. Посредством Теплова устроили дело с одним офицером из полевых полков, которому обещали большие награды, если он произведет возмущение в пользу принца Иоанна. Этого офицера звали Мирович. Его семейство потеряло свои имения. Ему обещали многое, если он решится на восстание. Мирович был человек близорукий, которому крепко хотелось чего-нибудь добиться. Все было наперед устроено и направлено к предназначенному исходу. Потом Мировича, добровольно сдавшегося (зачем ему было бежать, когда уж наперед он был убежден в том, что никакого зла с ним не случится вследствие

сильной руки тех, кто направлял его действие?), посадили под арест, отдали под следствие».

О подобных же предположениях современников рассказывают и Бюшинг, и неизвестный автор записки «История одного тюремного заключения». И действительно, многое в деле и следствии Мировича остается загадкой. Невольно возникают вопросы. Почему осталась без всякого дальнейшего расследования смерть Аполлона Ушакова, явно не утонувшего, а убитого, и притом не разбойниками, так как он не был ограблен? Почему даже не справились о ямщике, который его вез? Далее, почему не были допрошены, кроме Чефаридзева, те четверо, которые приезжали в Шлиссельбургскую крепость утром того дня, когда Мирович предпринял свою попытку? И главное, почему избавился от всякого наказания сенатский регистратор Бессонов, который столько же слышал и говорил об Иоанне Антоновиче, как и Касаткин и Чефаридзев, и даже пригласил Чефаридзева и других ехать в Шлиссельбург и там уговаривал коменданта показать им крепость, а между тем остался потом совершенно в стороне? Почему, наконец, Панин в декабре 1763 года просил Власьева и Чекина потерпеть еще недолго, терпеливо оставаться на своих местах «до первых летних месяцев» и тут же послал им, несмотря на близость обещанной отставки, по 1000 рублей каждому от имени императрицы?

Быть может, вполне прав Герман, который, хотя и не знал всех этих подробностей, но, основываясь на донесениях иностранных дипломатов, утверждает, что Екатерина предприняла летом 1764 года путешествие в Лифляндию «для того, чтоб своим отсутствием как бы показать, что она ничуть не причастна к катастрофе, которая без нее должна была случиться в Петербурге»[1].

«Чтобы нечего было опасаться со стороны верности гвардии, — продолжает Герман, — она взяла с собою в путешествие к свите все самые горячие головы и людей, особенно уважаемых народом. Т ак что прочие офицеры, по большей части неопытные или изнеженные, всегда должны были опасаться находившейся в Лифляндии опытной армии с лучшими начальниками в главе ее».

Если допустить справедливость этих фактов, если считать, что план покушения Мировича исходил от самой императрицы и был приведен в действие Тепловым, тогда объясняется если не все, то многое. Становится понятно, почему 4 июля приезжал в Шлиссельбург сенатский регистратор Бессонов, служивший в канцелярии Теплова и уговаривавший трех своих знакомых ехать в Шлиссельбург. Почему именно он упросил коменданта устроить

прогулку по крепости и почему он потом расспрашивал Чефаридзева, о чем говорили между собой во время этой прогулки он и Мирович. Понятно, почему Мирович без спросу пустил в крепость этих людей, а потом, после их отбытия, уже поговорив с Бессоновым и Чефаридзевым, в тот же день принялся за выполнение своего предприятия и между прочим велел часовым пропустить те шлюпки, которые приедут ночью.

Не только понятны, наконец, но и вполне вероятны следующие факты, приводимые Гельбигом: «Во время следствия Мирович постоянно смеялся над допросами, потому что был убежден, что не только не будет наказан, но еще и щедро награжден. Чтоб он никого не предал, его палачи с дьявольской свирепостью не разубеждали его. Мирович продолжал хохотать, даже когда его вели на место казни и объявляли ему приговор…» Екатерина могла рассчитывать, что Мирович ее не выдаст. У него же было еще столько надежды впереди.

Добавить к сказанному можно, думается, только одно. Как и тобольский купец Иван Зубарев, подпоручик Василий Мирович, кстати родившийся в том же Тобольске, был использован в дворцовых интересах. Но в отличие от первого (если считать, что тобольский купец избежал смерти и жил в Сибири) Мирович был жестоко обманут и стал жертвой коварной интриги.

Можно представить, что ему, отпрыску разорившегося рода, внуку одного из главных приверженцев Мазепы, обещали за услугу трону вернуть имение, отобранное в свое время у его деда-предателя. Он так усердно и безуспешно добивался этого, так долго обивал пороги канцелярий и писал столько прошений, что в конце концов ему пообещали исполнить его просьбу, но с одним условием. Так Мирович стал игрушкой в руках придворных лицемеров и палачей, исполнителем их тайных замыслов.

Тревоги и заботы императрицы

Жизнь двора шла своим чередом. Все казалось устойчивым и стабильным. И только близкие к Екатерине II люди начали замечать на ее лице «верные признаки приближающейся» хвори. Но сама она упорно сопротивлялась зревшему в ней недугу и даже похвалялась, что прошла пешком две или три версты от Зимнего дворца до Эрмитажа, доказывая, как она легка и проворна. Лечиться же предпочитала домашними средствами. И то ли в шутку, то ли всерьез императрица заявляла одному из близких друзей: «Я думаю, что у меня подагра в желудке, но я ее выгоню малагой с перцем, которую пью каждый день по рюмке».

Однако настроение портили известия из-за границы — одно за другим приходили сообщения о кончине европейских монархов. Умер Фридрих II, король прусский, которого она не любила, называла «Иродом», но был он все же помазанником Божьим. За ним настал черед австрийского императора Иосифа II, давнего ее приятеля. Не стало ее друга князя Потемкина, любезного сердцу Гриши. Печальные известия нахлынули одно за другим из Стокгольма и Парижа. На маскарадном балу в опере злодей Анкарстрем из личной мести застрелил шведского короля Густава III. Хотя отношения с ним долгое время были непростыми, но он все же оставался ее другом. И уж совсем невероятной стала весть о злодейской казни несчастного Людовика XVI и королевы Марии Антуанетты.

Неудивительно, что мысли о смерти все больше тревожили ее. Но верить в пророчество какого-то безродного монаха о близкой ее кончине она не желала.

Удручало ее и положение в империи. Как писал историк, «политика Екатерины довела все пружины правительственной машины до такого напряжения, которое далеко превышает силу их сопротивления; во всех областях средства не могут удовлетворить предъявляемых к ним требований, и Россия не может выдержать той роли, которую ей навязали».

Впрочем, Екатерина гнала мрачные мысли, как не желала слышать и неприятные ей известия. И легкие грозовые раскаты на небосклоне ее судьбы приписывала скорее оптическому обману, нежели измене этой самой судьбы. Это возраст, считала она, заставляет видеть вещи в черном свете. И предпочитала быть беззаботной и веселой, выдумывала разные развлечения.

Много времени проводила с внуками. Была озабочена устройством их судьбы.

Старший, великий князь Александр, был пристроен — четвертый год как женат на Луизе Баденской, переменившей веру и ставшей в России великой княгиней Елизаветой Алексеевной. Про эту пару Екатерина скажет, что она прекрасна, как ясный день, а про супругу великого князя — что в ней пропасть очарования и ума и что это сама Психея, соединившаяся с любовью.

Другой внук, Константин, только что, в феврале 1796 года, вступил в супружество с пятнадцатилетней принцессой Юлией из Саксен-Кобургской династии. Спустя четыре месяца великая княгиня Мария Федоровна, жена Павла, сына Екатерины, разрешилась от бремени мальчиком. Третьего ее внука нарекли Николаем. О своей новой семейной радости она написала во Францию Гримму: «В жизнь свою в первый раз вижу такого

рыцаря… Если он будет продолжать, как начал, то братья окажутся карликами перед этим колоссом». Ее умиляет аппетит внука, то, как прямо он держит головку и «поворачивает не хуже моего».

После крещения цесаревича родители тотчас уехали в Павловск. А новорожденный остался на попечении бабушки, которая каждодневно навещала его. Заботила ее и судьба пятерых внучек, из которых младшей исполнился только год, а старшей пора было идти замуж. «Женихов им придется поискать днем с фонарем, — пишет Екатерина. — Безобразных мы исключим, дураков тоже; бедность же не порок. Но внутреннее содержание должно соответствовать очень красивой наружности. Если попадет такой товар на рынке, тогда и дело сладится».

И товар такой нашелся.

Летом того же 1796 года императрица Екатерина ранее обычного возвращалась из Царского Села в Петербург. Причина была в том, что сюда прибыл молодой шведский король Густав IV под именем графа Гаги. Его сопровождал дядя-регент, герцог Карл Зюдерманландский, под именем графа Вазы. Этому визиту предшествовали почти трехлетние переговоры по поводу брака короля с великой княжной Александрой, старшей внучкой Екатерины II.

Воспитание внучки с детства проходило под надзором бабки. И она с гордостью писала о ней, что Александра говорит на четырех языках, хорошо пишет и рисует, играет на клавесине, поет, танцует, понимает все очень легко и обнаруживает в характере чрезвычайную кротость. К тому же была она миловидной, хотя и выглядела чуть старше своих лет. Когда начались переговоры о замужестве, ее стали учить шведскому языку. Бабка придавала большое значение этому браку и приложила немало сил для его успешного осуществления.

В середине августа Густав IV прибыл в Петербург, чтобы просить руки великой княжны.

Официально же причина приезда, как было объявлено, состояла в том, что Швеция должна была присоединиться к коалиции, образовавшейся против республиканской Франции. Но в первую очередь, повторяю, приезд был продиктован иными обстоятельствами. Екатерина давно уже лелеяла проект брака между шведским наследным принцем и ее внучкой, старшей дочерью Павла.

Княжне сызмальства, можно сказать, внушили мысль о браке со шведским наследником. Ей было десять лет, она сидела на коленях бабушки, и они обе рассматривали альбом с портретами особ королевских родов. Бабушка предложила внучке выбрать

принца, за которого она хотела бы выйти замуж. Девочка, не колеблясь, указала пальцем на Густава. И вот настал момент осуществить мечту ребенка. Теперь ей четырнадцать лет, а ему семнадцать. Однако неожиданно возникли затруднения.

Дядя-регент, игравший в судьбе Густава немалую роль, почему-то вдруг решил, что русская императрица содействовала заговору Анкарстрема и чуть ли не организовала его. У убийцы, как выяснилось, были сообщники, хотя он их и не назвал. Поэтому установить что-либо в точности и подозревать кого-либо в организации покушения было невозможно. Родственники убийцы вообще утверждали, что не он выстрелил в короля, а один из заговорщиков, выхвативший у него из рук пистолет и нажавший на курок.

Как бы то ни было, регент стал готовить Густава к браку с дочерью герцога Мекленбург-Шверинского. Дело дошло даже до помолвки. Но Екатерина не думала так просто уступить. В интригу были вовлечены многие политики обеих стран — России и Швеции, в частности А. И. Морков, еще недавно бывший послом в Стокгольме и вообще мастер, по словам Карамзина, «в хитростях дипломатической науки». Прозвучала даже военная угроза — Екатерина готова была силой оружия заставить расторгнуть помолвку. И ей это удалось. Одним словом, русская императрица приложила немало сил, ловкости и настойчивости, чтобы сделать по-своему. И успокоилась лишь тогда, когда Густав прибыл в Петербург.

При первом же свидании Густава и Александры молодые люди понравились друг другу. С этого момента роман между ними быстро развивался.

В конце августа был бал при дворе, и всем бросилось в глаза увлечение Густава Александрой. Он ни с кем не танцевал, кроме нее. Четыре дня спустя на балу в австрийском посольстве все повторилось, и Екатерина с радостью написала Гримму, что влюбленный Густав во время танца сжал руку своей будущей супруге. Та побледнела и поспешила доложить своей гувернантке: «Вообразите, пожалуйста, что он делает! Он мне сжал руку во время танца. Я не знала, что делать». — «Что же с вами было?» — «Я так испугалась, что едва не упала».

И вот однажды, после обеда, когда все спустились в сад, где был подан кофе, Густав подошел к императрице и без всяких околичностей и предисловий, с наивностью и пылкостью своих семнадцати лет заявил, что влюблен в княжну Александру и просит ее руки. «Ну слава Богу, дело сделалось», — с облегчением вздохнула императрица.

С этого момента жених и невеста не покидали друг друга.

Целые дни они проводили вместе на глазах растроганной бабушки. Играли в карты, рассматривали камеи, гуляли по парку. А однажды Густав даже заплакал, когда узнал, что ему предстоит разлука с любимой на целых восемь долгих месяцев из-за того, что свадьба не может состояться раньше весны. На его вопрос, зачем тянуть со свадьбой, последовал ответ: не удастся так скоро собрать двор, нужно подготовить апартаменты, да и море теперь опасное… Мать Александры взялась помочь ускорить свадьбу и обещала Густаву переговорить с императрицей. В результате в бриллиантовой зале была назначена помолвка, после бал в тронной зале. На помолвке присутствовала императрица. Ждали только молодого короля.

Здесь надо сказать несколько слов о характере Густава, чтобы лучше понять то, что произойдет.

В отличие от своего отца Густава III — короля-реформатора, просветителя, учредителя шведской академии, сын отличался высокомерием и скрытностью. Был малоспособным, но с чрезмерным стремлением к абсолютизму. Должно быть, примером ему служил русский вариант самодержавия. Он даже ввел русские военные мундиры и за малейшее отступление от установленной формы строго наказывал.

…Собравшиеся вечером 11 сентября в бриллиантовой зале Зимнего дворца готовились к церемонии. Императрица терпеливо восседала на троне. Но время шло, а король-жених не появлялся. Государыня начала проявлять признаки нетерпения. Прошло четверть часа, затем еще столько же. Наконец появился Морков и со смущенным видом дрожащим голосом шепотом говорит Екатерине, что «король не хочет прийти». Сначала она даже не поняла, что ей сказали. И только когда князь Платон Зубов, ее новый фаворит, пояснил ей, что назначенное обручение следует отложить, она, онемев от неожиданности и оставаясь некоторое время с открытым от изумления ртом, потребовала наконец стакан воды. Сделав несколько глотков и как бы очнувшись от первого потрясения, Екатерина подняла руку с тростью, которой пользовалась с некоторых пор во время ходьбы, и ударила ею бедного Моркова.

К ней подбежали, подхватили под руки. Оттолкнув всех, она громко произнесла: «Я ему покажу, этому сопляку!..» Слова застряли в горле, и императрица тяжело упала в кресло. Видимо, тогда-то и случился у нее первый, легкий удар, быстро, впрочем, прошедший. Но это было зловещее предвестие.

Екатерину удручило не то, что на несостоявшуюся церемонию было зря потрачено 16 338 рублей, а то, что она столько сил напрасно положила на устройство судьбы своей любимой внучки.

Никогда императрица не испытывала подобного унижения. Ей казалось, что на карту поставлена ее собственная судьба, больше того, ее жизнь.

Но в чем же состояла причина отказа Густава?

Все дело оказалось в том, что Густав пожелал, чтобы будущая супруга сменила православную веру, то есть перешла бы в лютеранство. Без выполнения этого условия король, вдруг проявивший свой взбалмошный характер и фантастическую религиозность, не желал и слышать о браке. Александра, ссылаясь на условия брачного контракта, ранее заключенного, напоминала о том, что «свобода совести и религии великой княгини не будет стеснена». Это были запоздалые аргументы.

Правда, Екатерина попыталась путем переговоров восстановить прежнее положение. Но тут, как говорится, нашла коса на камень — Густав настаивал на своем, Александра и ее бабка ссылались на условия брачного контракта. Разрыв был неминуем, и он наступил. Несостоявшийся супруг и непримиримый лютеранин уехал восвояси, а бедная Александра через два года вышла замуж за австрийского эрцгерцога Иосифа.

Что касается Екатерины, то она, пожалуй, более близко приняла к сердцу неудачу с замужеством внучки.

Императрица как-то сразу сдала, лишилась самоуверенности, словно перенесла тяжелую болезнь. Стала еще более суеверной. И когда однажды, в октябре, разразилась страшная гроза, что было удивительно для этого времени года, ей вспомнилась такая же ночная гроза накануне смерти императрицы Елизаветы Петровны. Она сочла это за дурное предзнаменование. Точно так же отнеслась она и к появившейся комете, усмотрев в этом знак своего близкого конца.

Не могла Екатерина в этот момент не вспомнить и о предсказании того вещего монаха Авеля, который по ее распоряжению был посажен в крепость. Неужели он окажется прав со своим пророчеством и вскорости ее ждет могила?!

Ей напоминали, что раньше она не придавала значения предзнаменованиям и предсказаниям, на что она печально отвечала: «Да, раньше!..»

Екатерину все чаще и сильнее мучают колики, которыми она страдала после сильных волнений. На ногах открылись язвы, их взялся лечить Ламброс Кационис, грек, еще недавно корсар, сражавшийся на стороне русских с турками, которому позже посвятит свою поэму Байрон. Он рекомендует ножные ванны из ледяной морской воды.

И действительно, вдруг наступило улучшение. Императрица даже присутствовала в малом Эрмитаже, где Лев Нарышкин,

обер-шталмейстер и ее любимец, развеселил ее, переодевшись мелким торговцем. Вспомнилось, как много лет назад точно так же ее до слез насмешил Потемкин, подражая ее голосу. С того дня этот молодой подпоручик, красавец и умница, был допущен в интимный кружок императрицы, став со временем ее фаворитом и даже тайным супругом…

На другой день шестидесятисемилетняя императрица встала как обычно, работала со своими секретарями. Затем отослала последнего из них, попросив обождать ее приказаний в передней. Тот ждет, но проходит довольно много времени, и он начинает беспокоиться. Появляется камер-лакей Зотов, он осмеливается войти в спальню. Но там императрицы нет, нет ее и в уборной. Сбегаются люди. И наконец Екатерину находят в гардеробной лежащей без движения на полу, с пеной у рта и предсмертными хрипами в горле. Она была смертельно поражена апоплексическим ударом и находилась без чувств. Сегодня мы бы сказали, что у нее был инсульт, то есть кровоизлияние в мозг, и ее разбил паралич.

Екатерину перенесли в спальню, положили на постель. Более суток продолжалась агония. Врачи во главе с ее личным доктором Рожерсоном были бессильны. Ему ничего не оставалось, как констатировать: «Удар последовал в голову и был смертелен».

Утром «последовало сильное трясение тела, страшные судороги, что продолжалось до 9-ти часов пополудни», затем «совершенно не стало никаких признаков жизни».

Случилось это точно в срок, предсказанный вещим Авелем, — в 9 часов утра 6 ноября 1796 года.

Воцарение Павла

В то время как врачи и слуги хлопотали возле умирающей, пытаясь облегчить страдания, вытирали ей губы, с которых текла кровавая пена, ее сын и наследник Павел в соседней комнате лихорадочно разбирал ящики секретера, рылся в шкафах, шарил по полкам. Он искал завещание, по которому будто бы не ему передавала престол матушка, а своему любимцу, старшему внуку Александру.

Императрица действительно недолюбливала своего сына Павла, осуждала его восхищение Фридрихом II и часто говорила своим приближенным: «Я вижу, в чьи руки попадет империя после моей смерти! У моего преемника будет только одна цель: превратить Россию в прусскую провинцию!..» Она не скрывала своего желания отстранить сына от трона.

Существует легенда, будто бы Павел нашел шкатулку, а в ней конверт с завещанием. На нем было написано: «Вскрыть после моей смерти в Совете». Недолго думая, Павел бросил его в камин. Препятствие на пути к трону было устранено. Спешно за ночь был составлен манифест, в котором извещалось о кончине императрицы Екатерины II и о вступлении на престол его величества Павла Петровича, отныне императора Павла I. Акт этот был зачитан в Сенате, войска принесли присягу новому монарху.

И едва ли не тотчас же начались нововведения. На церемонию принятия присяги в дворцовую церковь новый император явился в прусском мундире, так же по его повелению были одеты и сыновья Александр и Константин. Но это были лишь цветочки. День спустя последовало распоряжение, что офицерам запрещается ездить в закрытых экипажах, а только верхом, или в санях, или в дрожках. В нем предписывалось всем обывателям носить косичку и пользоваться пудрой, запрещались круглые шляпы, сапоги с отворотами, длинные панталоны и жилетки, а также завязки на башмаках, вместо которых должно носить пряжки. Волосы следовало зачесывать назад, а не на лоб. Экипажам и пешеходам велено было останавливаться при встрече с высочайшими особами, и сидевшие в экипажах должны были выходить из них даже в грязь и лужу, чтобы отдать поклон августейшим особам.

Сразу же начались вахтпарады, был введен новый военный устав, новые мундиры. Говорили, что тот, кто за неделю до этого уехал, вернувшись, ничего бы не узнал. Дворец стал словно казарма: спешили офицеры с донесениями, раздавались стук сапог и звон шпор. С самого раннего утра, с шести часов, Павел уже был в кабинете, работал. Ненавидя екатерининские порядки, он принялся, как писал сенатор и поэт И. И. Дмитриев, за подвиг «исцеления» России.

Не успел он еще короноваться, как всех своих недругов при дворе сослал, зато вернул из Сибири всех гонимых при Екатерине. Отправил в отставку семь маршалов, в том числе и Суворова, и более трехсот старших офицеров за мелкие проступки или просто потому, что они ему не нравились. Сотни гражданских лиц> сочтенных якобинцами, подверглись преследованиям.

Павел сократил число губернаторов и, что совсем уж было глупо, снова объявил дворян подлежащими телесным наказаниям, от которых Екатерина II избавила их в 1785 году. Вообще все, что его мать создавала в течение многих лет своего царствования, было предано забвению. У него была одна любовь

— армия, если не считать страстного увлечения Анной Петровной Лопухиной.

Впервые он увидел эту девушку с огненными черными глазами на одном из балов в Москве в дни коронации. И был сразу же очарован. Любимец Павла, его брадобрей и советчик И. П. Кутайсов, поспешил исполнить роль, как тогда говорили, «негоциатора». Ловкий царедворец повел переговоры с родителями девицы, и вскоре вся семья переселилась в Петербург, где была осыпана царскими милостями.

Анна Лопухина пожалована фрейлиною и приглашена жить в Павловск. Для нее, как свидетельствовал в своих записках Н. А. Саблуков, было устроено особое помещение, нечто вроде дачи, в которую Павел мог незаметно пройти из Розового павильона. Император являлся туда каждый вечер, как он вначале сам воображал, с чисто платоническими чувствами восхищения.

Но со временем чувства Павла переросли в страстное желание обладания. Этому способствовало сопротивление Анны. Не разделяя чувств императора, она однажды даже решилась сказать ему, что давно любит князя Павла Гавриловича Гагарина. Это признание Анна сделала однажды вечером, когда Павел оказался более предприимчивым, чем обыкновенно. После чего разрыдалась и умоляла государя оставить ее. Павел был поражен, но решил быть рыцарем, великодушно уступить и даже дал согласие на ее брак с князем.

До самой смерти Павел оставался верен своей страсти, считал Анну единственным своим другом и часто проводил время у нее в доме, отдыхая от государственных дел. Ее именем был назван корабль, оно красовалось на знаменах гвардии, ибо в переводе с древнееврейского слово «Анна» означает «Благодать». Павел считал, что Анна была послана ему свыше, но злой рок не дал им соединиться.

Вообще говоря, император с молодых лет верил во все таинственное и чудесное, в предзнаменования и сны. Так, например, 5 ноября, накануне смерти матери, ему привиделся вещий сон. Будто некая невидимая и сверхъестественная сила возносила его к небу. Он часто просыпался и решил заглянуть к жене. Она, как оказалось, тоже не спала. Рассказав ей о своем сновидении, услышал от нее, что и она видела во сне то же самое.

Поэтому, когда А. Б. Куракин, друг детства императора и вице-канцлер, доложил, что ему в секретных делах попались прелюбопытные записки вещего монаха Авеля, заключенного покойной императрицей в крепость, Павел пожелал взглянуть на записки прозорливца. К тому же стоило Павлу услышать, что монах был посажен в тюрьму Екатериной, как он тут же повелел

его освободить и доставить во дворец. Куракин сообщил, что Авель просидел несколько месяцев за то, что предсказал год и даже день смерти императрицы Екатерины. Записки монаха поразительны, продолжал Куракин, и его величеству непременно нужно с ними познакомиться, как, впрочем, и с самим предсказателем,

В деле о крестьянине Васильеве есть отметка о том, что 12 декабря шлиссельбургский комендант Колюбякин получил письмо от князя А. Б. Куракина. В нем объявлялось высочайшее повеление прислать в Петербург арестанта Васильева, с прочих же всех, на ком есть оковы, оные снять.

На другой день, 13-го, сочиненная Васильевым «книга» взята была князем Куракиным и поднесена императору Павлу I. А вскоре и сам автор предстал пред очи самодержца. В «Житии преподобного Авеля-прорицателя» сказано, что государь беседовал с загадочным провидцем.

В начале разговора царь великодушно признал, что предсказание Авеля насчет кончины его августейшей родительницы, ныне в Бозе почивающей, сбылось, что вышла его правда. Посему он милует его и просит по секрету сказать, что ждет самого Павла.

В зале был разлит мягкий свет — за окном догорал закат. Вокруг царила торжественная тишина.

Пристальный взор Павла встретился с кротким взглядом стоявшего перед ним монаха. Царю сразу полюбился этот весь овеянный смирением, постом и молитвою, загадочный монах, о прозорливости которого он был наслышан.

Ласково улыбнувшись, Павел милостиво обратился к Авелю с вопросом, как давно он принял постриг и в каких монастырях спасался.

— Честный отец, — промолвил царь, — о тебе говорят, да я и сам вижу, что на тебе явно почиет благодать Божия. Что скажешь ты о моем царствовании и судьбе моей? Что зришь ты прозорливыми очами о роде моем во мгле веков и о державе российской? Назови поименно преемников моих на престоле, предреки и их судьбу.

— Эх, батюшка-царь! — покачал головой Авель. — Почто себе печаль предречь меня понуждаешь?

— Говори! Все говори! Ничего не утаивай! Я не боюсь, и ты не бойся.

— *Коротко будет царствование твое, и вижу я, грешный, лютый конец твой. На Софрония Иерусалимского от неверных слуг мученическую кончину приемлешь, в опочивальне своей удушен будешь злодеями, коих греешь ты на царственной груди своей. В*

Страстную субботу погребут тебя… Они же, злодеи сии, стремясь оправдать свой великий грех цареубийства, возгласят тебя безумным, будут поносить добрую память твою… Но народ русский правдивой душой своей поймет и оценит тебя и к гробнице твоей понесет скорби свои, прося твоего заступничества и умягчения сердец неправедных и жестоких. Число лет твоих подобно счету букв изречения на фронтоне твоего замка, в коем воистину обетование и о царственном доме твоем: «Дому твоему подобает святыня Господи в долготу дней…»

— О сем ты прав, — изрек Павел. — Девиз сей получил я в особом откровении, совместно с повелением воздвигнуть собор во имя святого архистратига Михаила, на месте, где ныне Михайловский замок. Вождю Небесных воинств посвятил и замок, и церковь.

Слова эти требуют пояснения. Много лет назад странное и чудное видение было часовому, у летнего дворца стоявшему. Во дворце том летом 20 сентября Павел Петрович родился. А когда дворец был снесен, на его месте и воздвигли Михайловский замок. «Престал часовому тому внезапно, в свете славы небесной, архистратиг Михаил, и от видения своего обомлел в трепете часовой, ружье в руке заходило даже. И веление архангела было: в честь его собор тут воздвигнуть и царю Павлу сие доложить, непременнейше». О происшествии доложили по начальству, оно — Павлу Петровичу. Царь отвечал: «Уже знаю». «Видать, до того ему было все ведомо, а явление часовому вроде повторения было…»

— А пошто, государь, повеление архистратига Михаила не исполнил в точности? — спросил Авель со смирением. — Ни цари, ни народы не могут менять волю Божию… *Зрю в этом замке преждевременную гробницу твою, благоверный Государь. И резиденцией потомков твоих, как мыслишь, он не будет… О судьбе же державы Российской было в молитве откровение мне о трех лютых игах: татарском, польском и грядущем еще — безбожном.*

— Что? Святая Русь под игом безбожным? Не быть сему вовеки! — гневно нахмурился царь. — Пустое болтаешь, черноризец.

— А где татары? Где поляки? И с игом безбожным то же будет, батюшка-царь.

— Что ждет преемника моего, цесаревича Александра?

— *Француз Москву при нем спалит, а он Париж у него заберет и благословенным наречется. Но невмоготу станет ему скорбь тайная, и тяжек покажется ему венец царский, и подвиг царского служения заменит он подвигом поста и молитвы, и праведным будет на очах Божиих…*

— А кто наследует императору Александру?

— Сын твой Николай…

— Как? У Александра не будет сына? Тогда цесаревич Константин.

— *Константин царствовать не восхощет, памятуя судьбу твою, и от мора кончину приемлет. Начало же правления сына твоего Николая дракою, бунтом вольтерьянским зачнется. Сие будет семя злотворное, семя пагубное для России, кабы не благодать Божия, Россию покрывающая… Лет через сто примерно после того оскудеет Дом Пресвятыя Богородицы, в мерзость запустения обратится…*

— После сына моего Николая на престоле российском кто будет?

— *Внук твой, Александр Второй, царем Освободителем преднареченный. Твой замысел исполнен будет, крепостным он свободу даст, а после турок побьет и славян тоже освободит от ига неверного. Не простят бунтари ему великих деяний, охоту на него начнут, убьют среди дня ясного в столице верноподданной отщепенскими руками. Как и ты, подвиг служения своего запечатлеет он кровию царственною, а на крови Храм воздвигнется…*

— Тогда и начнется тобой реченное иго безбожное?

— *Нет еще. Царю Освободителю наследует сын его, а твой правнук, Александр Третий. Миротворец истинный. Славно будет царствование его. Осадит крамолу окаянную, мир и порядок наведет он. А только недолго царствовать будет.*

— Кому передаст он наследие царское?

— *Николаю Второму — Святому Царю,*

Иову Многострадальному подобному. Будет иметь разум Христов, долготерпение и чистоту голубиную. О нем свидетельствует Писание: псалмы 90, 10 и 20 открыли мне всю судьбу его. На венец терновый сменит он корону царскую, предан будет народом своим, как некогда Сын Божий. Искупитель будет, искупит собой народ свой — бескровной жертве подобно. Война будет, великая война, мировая. По воздуху люди, как птицы, летать будут, под водою, как рыбы, плавать, серою зловонною друг друга истреблять начнут. Накануне победы рухнет трон царский. Измена же будет расти и умножаться. И предан будет правнук твой, многие потомки твои убелят одежду кровию Агнца такожде, мужик с топором возымет в безумии власть, но и сам опосля восплачется. Наступит воистину казнь египетская.

Горько зарыдал вещий Авель и сквозь слезы тихо продолжал:

— *Кровь и слезы напоят сырую землю.*

Кровавые реки потекут. Брат на брата восстанет. И паки:

огнь, меч, нашествие иноплеменников и враг внутренний — власть безбожная будет скорпионом бичевать землю русскую, грабить святыни ее, закрывать церкви Божии, казнить лучших людей русских. Сие есть попущение Божие, гнев Господень за отречение России от своего Богопомазанника. А то ли еще будет! Ангел Господень изливает новые чаши бедствий, чтобы люди в разум пришли. Две войны одна горше другой будут. Новый Батый на Западе поднимет руку. Народ промеж огня и пламени. Но от лица земли не истребиться, яко довлеет ему молитва умученного царя.

— Ужели сие есть кончина державы российской и несть и не будет спасения? — вопросил Павел.

— Невозможное человеку возможно Богу, — ответствовал Авель. — Бог медлит с помощью, но сказано, что подаст ее вскоре и воздвигнет рог спасения русского. — *И восстанет в изгнании из дома твоего князь великий, стоящий за сынов народа своего. Сей будет избранник Божий, и на главе его благословение. Он будет един и всем понятен, его учует самое сердце русское. Облик его будет державен и светел, и никто не речет: «Царь здесь или там», но «Это он». Воля народная покорится милости Божией, и он сам подтвердит свое призвание… Имя его трикратно суждено в истории российской. Пути бы иные сызнова были на русское горе…*

И чуть слышно, будто боясь, что тайну подслушают стены дворца, Авель нарек самое имя. Страха темной силы ради имя сие да пребудет сокрыто до времени…

— *Велика будет потом Россия, сбросив иго безбожное*, — предсказал Авель далее. — *Вернется к истокам древней жизни своей, ко временам Равноапостольного, уму-разуму научится беседою кровавою. Дымом фимиама и молитв наполнится и процветет аки крин небесный. Великая судьба предназначена ей. Оттого и пострадает она, чтобы очиститься и возжечь свет во откровение языков…*

В глазах Авеля горел пророческий огонь нездешней силы. Вот упал один из закатных лучей солнца, и в диске света пророчество его вставало в непреложной истине.

Царь Павел глубоко задумался, и в глазах его, устремленных вдаль, как бы через завесу грядущего отразились глубокие переживания.

— Ты говоришь, что иго безбожное нависнет над моей Россией лет через сто. Прадед мой, Петр Великий, о судьбе моей рек то же, что и ты. Почитаю и я за благо о том, что ныне ты предрек мне о потомке моем, Николае Втором, предварить его, дабы пред ним открылась книга судеб. Да ведает правнук свой крестный путь, славу страстей и долготерпения своего. Запечатлей же, преподобный отец, реченное тобою, изложи все

письменно. Я же на предсказание твое наложу печать, и до праправнука моего писание твое будет нерушимо храниться здесь, в Гатчинском дворце моем. Иди, Авель, и молись неустанно в келии своей обо мне, роде моем и счастье нашей державы.

И, вложив представленное писание Авелево в конверт, на оном собственноручно начертать соизволил: «Вскрыть Потомку Нашему в столетний день Моей кончины».

В конце беседы Павел спросил старца, чего тот желает. В ответ услышал: «Всемилостивейший мой благодетель, от юности мое желание быть монахом и служить Богу и Божеству Его». На эту просьбу последовал 14 декабря 1796 года рескрипт: «Всемилостивейше повелеваем содержащегося в Шлиссельбургской крепости крестьянина Васильева освободить и отослать по желанию его для пострижения в монахи (Авель был до этого, как мы помним, расстрижен. — *Р. Б.)* к Гавриилу, митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому. Павел».

Заговорщики

Заговор против Павла I начал созревать едва ли не с первых дней его царствования. Заговорщики оправдывали свой замысел сместить императора тем, что он оказался не престоле вопреки воле Екатерины, то есть занял трон незаконно и чуть ли не силой. К тому же судачили, что его отцом был вовсе не Петр III, а Салтыков, тогдашний фаворит Екатерины. Иные вообще утверждали, что еще ребенком сразу после рождения Павел был подменен чухонским младенцем.

Как ни странно, сама мать поддерживала разговоры о незаконном происхождении наследника. Ведь его права на престол были формально куда солиднее, чем у Екатерины, незаконно захватившей власть, свергнув Петра III. Его сын всячески подчеркивал свою верность памяти отца. Он и сам многим напоминал родителя — любовью к войску, организованному на прусский манер, к муштре, упрямством и вспыльчивостью, непродуманностью решении, но главное — трагическим совпадением судеб.

Верный памяти родителя, Павел приказал произвести одновременно с погребением усопшей своей матери Екатерины II перезахоронение останков убитого ее супруга Петра III. Во время отпевания два гроба стояли рядом открытыми, вместе их доставили в Петропавловский собор, причем, по воле Павла, у гроба Петра III шел его убийца Алексей Орлов, в прошлом фаворит Екатерины.

Словом, причин быть недовольными новым царем у приближенных имелось достаточно. Чего стоило одно его решение посягнуть на привилегии дворянства, не говоря о реформах, взбудораживших и озлобивших очень многих. Недаром А. Пушкин скажет: «Царствование Павла доказывает одно: что и в просвещенные времена могут родиться Калигулы».

Ко всему взбалмошный царь вздумал переориентировать внешнюю политику.

Еще недавно Павел был готов на решительную борьбу с революционной Францией. Своим монаршим долгом он считал необходимым восстановить в этой стране порядок и тем предотвратить угрозу мирового пожара. Напутствуя в поход Суворова, он произнес знаменательные слова: «Иди, спасай царей». Однако неожиданно поменял курс. То ли понял, что с приходом Наполеона к власти революция во Франции кончается, то ли не захотел и дальше жертвовать кровью русских солдат, воевавших в Европе, ради нерадивых европейских союзников и воевать с Наполеоном. Как бы то ни было, но Павел круто повернул руль, решив, что союз с Наполеоном будет много выгоднее.

Перемена в мировой политике и сближение с Наполеоном возбудили в русском обществе новый поток ярости против Павла. В этом заключался исторический парадокс. Общество, еще недавно увлекшееся французской революцией, вдруг единодушно сплотилось против союза с Францией. Противоречие это можно объяснить тем, что перемена политики, ее переориентация с Англии на Францию затрагивала узколичные интересы.

На коммерческих отношениях с Англией при росте финансовых оборотов солидно подрабатывали многие представители петербургского общества, Россия была покрыта сетью английских торговых представительств, и английское влияние в ту пору было очень велико. Для многих разрыв с Англией означал полную финансовую катастрофу.

А тут еще этот сумасбродный властитель задумал поход на Индию. Это было одно из фантастических увлечений русского монарха, означающее еще большее франко-русское сближение. Наполеон мечтал о вытеснении англичан из Индии и сразу учел, что означало иметь другом и союзником такого царя.

Экспедиция в Индию планировалась секретно. В ней должен был принять участие русский экспедиционный корпус. В поход выступил авангард числом 20 тысяч казаков под начальством атамана войска Донского генерала от кавалерии Орлова. В походе казаки испытывали страшные лишения. Морозы, метели и плохие дороги затрудняли движение, не хватало провианта. К тому же

весной начался разлив рек. Однажды при переправе через Волгу лед не выдержал, люди оказались в воде и едва были спасены. Неудивительно, что поход потерпел неудачу и войска были отозваны.

Заговорщики решили использовать «казачий поход», чтобы заручиться активной поддержкой Англии для дворцового переворота. Павла высмеивали в стишках, чернили за вредный союз с Наполеоном, обвиняли в намерении извести все казачество, называли сумасбродом и чуть ли не умалишенным.

Со временем, после открытия новых исторических фактов, прямолинейная оценка монарха как русского Калигулы претерпела изменения. Впали в другую крайность. Павла стали называть «умным, просвещенным и добрым человеком, загнанным русской историей в тупик политического безумия и истерической тирании, самым одиноким, несчастным и непонятым деятелем XVIII столетия». Царствование Павла I стали даже считать последней попыткой завершить дело Петра I, то есть силой навязать сверху спящей России европейские формы и прусский порядок. Это была утопическая мечта, и недаром Павла, романтика и рыцаря, Наполеон назвал российским Дон Кихотом.

К 1800 году заговор против Павла окончательно оформился и был разработан в деталях. Предусматривалось даже в случае неудачи укрыться на английской яхте, вошедшей в Неву за несколько дней до «часа икс». Главными зачинщиками выступали вице-канцлер тридцатилетний граф Н. П. Панин, адмирал О. М. Дерибас и петербургский военный губернатор граф П. А. Пален.

Накануне переворота Пален являлся, пожалуй, единственным особо доверенным лицом царя, а втайне его самым заклятым врагом. Этому умному и хитрому человеку принадлежала главная роль в заговоре. Ничего не подозревающий царь осыпал своего любимца наградами — пожаловал высшими орденами и даже возложил на него большой крест Мальтийского ордена.

Поначалу заговорщики собирались в дворцовой бане, где обсуждали дальнейшие действия. По словам Панина, на этих сборищах присутствовал иногда и наследник Александр. Заговорщики пытались привлечь его к участию, убеждая, какой опасностью грозит государству дальнейшее правление Павла. Пуще других старался тот же Пален, настраивая наследника против отца, пытаясь вовлечь сына в заговор и даже сделать его главой.

Следует заметить, что столь хорошо организованного заговора в России, пожалуй, еще не было. Число участников росло с каждым днем. Главари теперь собирались уже не в бане, а в доме у сестры П. А. Зубова, фаворита покойной Екатерины, а

теперь опального князя, одного из деятельных участников заговора, как, впрочем, и два других его брата.

Сестру звали Ольга Александровна, ей было чуть за тридцать, и она была замужем за камергером Жеребцовым. Муж ее оказался ничтожной личностью, хотя и очень богатым человеком. В молодые годы она слыла красавицей, отличалась красноречием, умением вести беседу и пользовалась большим успехом не только в России, но даже во Франции, где была знакома с Вольтером, графом д'Артуа, будущим королем Карлом X, Сегюром, французским послом при Екатерине II и автором известных записок о России. В Англии зналась с такими выдающимися политиками, как Гренвиль и Каннинг.

Одно время за Ольгой Александровной слегка ухаживал Павел, тогда еще наследник. Она блистала на придворных балах, замечательно танцевала. Императрица Екатерина II, по ее словам, очень любила Ольгу, а старики в орденах и лентах наперебой бросались в переднюю подать ей салоп или теплые башмаки.

Но после смерти Екатерины все сразу изменилось. Ольгу Александровну стали избегать, дом ее опустел. Она признается в беседе с А. И. Герценом, посещавшим ее в старости: «Я шла своей дорогой, не нуждалась ни в ком и уехала за море».

В те годы, когда с ней встречался Герцен, Ольга Александровна была уже старухой, высокой, со строгим лицом, как он пишет, все еще носившим следы большой красоты. В ее осанке, поступи и жестах выражались упрямая воля, сильный характер и резкий ум. И хотя в дни Герцена это была «оригинальная развалина другого века», Ольга Александровна все еще пользовалась влиянием в обществе, перед ней по-прежнему заискивали, тем более, что ее зять, знаменитый Орлов Алексей Федорович, был шефом жандармов и приближенным царя Николая I. И ей снова готовы были «подавать шубу и калоши».

В ту пору, о которой идет речь, то есть во времена Павла I, Жеребцова жила в особняке на Морской. Принадлежность к семье Зубовых создала вокруг нее культ. К тому же все помнили, что она еще недавно была любимицей императрицы.

Жизнь Ольги Александровны Жеребцовой в царствование Екатерины II и Павла I была тесно связана с жизнью английского посланника в Петербурге лорда Чарлза Уитворта.

Сэр Чарлз Уитворт принадлежал к довольно знатной семье, имевшей давние связи с Россией.

Брат его деда (тоже Чарлз) занимал в течение шести лет должность английского посланника в Петербурге и пользовался благосклонностью Петра I. Перед отъездом посланника царь подарил ему свой портрет, украшенный алмазами. Отец сэра

Чарлза (и он Чарлз) был членом парламента и публицистом. Сам Уитворт, как и оба его брата, избрал для себя военную карьеру.

Он был хорош собою. О его красоте Наполеон вспоминал на острове Св. Елены. Дамы в разных европейских столицах сходили с ума по Уитворту. «Во все периоды его жизни королевы, герцогини и графини осыпали его знаками внимания», — сообщается в статье о нем. Говорили, что в молодости он пользовался покровительством самой королевы Марии Антуанетты. Уитворт быстро дослужился в гвардии до чина подполковника, затем перешел на дипломатическую службу. Ему покровительствовал большой английский вельможа, герцог Дорсетский. Герцог был женат на молодой женщине, которая тоже очень благосклонно относилась к Уитворту, настолько благосклонно, что вышла за него замуж вскоре после смерти герцога.

В России Уитворт пробыл в качестве посланника двенадцать лет. Успех его у петербургских дам был сказочный. Но и мужчины отзывались о нем с восторгом, например Вальтер Скотт. Однако прозорливый Наполеон считал Уитворта респектабельным авантюристом.

Из-за нашумевшей связи с ним О. А. Жеребцова попала в историю, и поэтому мы вспоминаем о ней сегодня. Именно благодаря искренней и страстной любви к Уитворту она оказалась в рядах заговорщиков. На долю этого английского джентльмена выпала роль одного из вдохновителей заговора против Павла I. Жеребцова, посвященная в его секреты, помогала ему сноситься с заговорщиками. Она даже будто бы переодевалась нищенкой, ходила от одного заговорщика к другому и передавала поручения. Как говорит М. Алданов, автор единственного очерка о ней, «быть может, и не требовалось переодеваться нищенкой, но так выходило еще романтичнее. Впрочем, и без того выходило достаточно романтично. Тем более, что романтика легко могла кончиться Тайной экспедицией».

Немало способствовала Жеребцова и возвращению ко двору своих братьев. Это, с одной стороны, облегчало им задачу совершить задуманное, а с другой — усыпляло подозрения. Действовала Жеребцова через графа Кутайсова, оказавшегося доверчивым простофилей. Она уверила графа, будто брат ее, князь Платон Александрович, засиделся в холостяках и что, по ее мнению, дочь графа могла бы сделать его совершенно счастливым.

Надменный и тщеславный граф Кутайсов (каждый счел бы за счастье породниться с таким богачом, как Платон Зубов) поверил и начал действовать в пользу Зубовых. Вскоре князь Платон Зубов

был назначен директором сухопутного кадетского корпуса и его шефом, а граф Валериан Зубов занял место директора второго кадетского корпуса. Третий брат, граф Николай Зубов, удостоился звания шефа Сумского гусарского полка. Таким образом, все трое, еще недавно пребывавшие в опале, вновь появились в Петербурге и стали бывать при дворе, как и многие другие лица, недовольные заговорщики, собиравшиеся у Жеребцовой.

Во время этих встреч в гостиной Ольга Александровна открыто заявляла, что для нее английские интересы ближе русских. Ей хором вторили и все присутствующие. «Составилось общество великих интриганов, — писал в феврале 1801 года графу В. П. Кочубею граф Ф. В. Ростопчин, тогда только что назначенный генерал-адъютантом, — во главе с Паленом, которые хотят разделить между собой мои должности, как ризы Христовы, и имеют в виду остаться в огромных барышах, устроив английские дела…»

Неожиданно для заговорщиков еще в мае 1800 года Уитворт был выслан из Петербурга по приказу царя. Видимо, Павел, несмотря на переодевания и прочую конспирацию, начал догадываться о роли английского посланника. Кто-то предупредил и Жеребцову. Скорее всего сам граф Пален дал ей знать, что ею заинтересовалась Тайная экспедиция. Она бежала из Петербурга и незадолго до 11 марта оказалась в Берлине. Здесь на балу у прусского короля ее и застало известие о кончине Павла I.

Весть эта так обрадовала Жеребцову, что она тут же с восторгом объявила о ней гостям, чем вызвала большой скандал. Это до того оскорбило прусского короля, убежденного монархиста, что он приказал Жеребцовой в 24 часа покинуть Берлин. Есть, впрочем, сведения, что она летом того же года еще находилась в прусской столице. Как бы то ни было, Жеребцова вскоре после убийства Павла I оказалась в Лондоне. Поспешила сюда, где, как она надеялась, ее ожидал Уитворт, ради которого любящая женщина рисковала жизнью.

Блестящая, избалованная придворной жизнью в России и снедаемая жаждой большого поприща, Ольга Александровна, как писал Герцен, явилась львицей первой величины в английской столице. Увы, здесь ее ждал удар, перевернувший всю ее жизнь: возлюбленный лорд Уитворт женился на герцогине Дорсетской. Такое предательство она, казалось, не сможет перенести. Связь с лордом составляла с некоторых пор главное содержание ее жизни. Ради этой любви шла она на смертельный риск, участвовала в заговоре, который вполне мог кончиться эшафотом.

Русский посланник С. Р. Воронцов писал о Жеребцовой в письме к брату: «Она рассказывает каждому встречному о своей связи с лордом Уитвортом и имеет бесстыдство жаловаться, что ее любовник женился. Она утверждает, будто он ей должен деньги, и собирается взыскать с него долг… Все письма, приходящие из Берлина, рассказы прибывающих оттуда путешественников распространяют по Лондону сведения о неприличных выходках этой сумасшедшей. Здесь отказываются понять, каким образом дама из хорошего общества, замужняя, имеющая детей, сознается в своей любовной связи и выражает отчаяние по тому случаю, что не может продолжать прежних отношений со своим любовником, так как он женился».

Что затем произошло, чем закончились отношения между бывшими любовниками?

Английские биографы Уитворта упоминают, что после женитьбы лорда ему пришлось испытать немало неприятностей от Жеребцовой, которой он будто бы обещал в свое время руку и сердце. Едва ли это соответствует действительности, ведь она была замужем. Напрасно ее сторонники упрекали Уитворта и в том, что он пользовался деньгами своей возлюбленной.

«Как джентльмен, — свидетельствовал русский историк прошлого века С. Андрианов, — Уитворт считал для себя неприличным пировать на счет мужа своей любовницы и сам за все расплачивался. Благодаря неиссякаемому кошельку благородного лорда по вечерам в доме на Английской набережной шампанское лилось рекой, и гости наслаждались всеми затеями французской гастрономии».

Как неверно было и то, что он якобы чуть ли не содержал ее и всю ее семью. Это тоже напраслина. Все было как раз наоборот. Она в финансовой помощи не нуждалась, была и без того богата. А ее братья считались состоятельнейшими людьми. После смерти Платона Зубова, например, осталось двадцать миллионов рублей. Да и Уитворт не отличался особой щедростью. Так что отнюдь не из-за денег Жеребцова примкнула к заговору.

Во время пребывания Жеребцовой в Лондоне раскрылось еще одно пикантное обстоятельство, связанное с Уитвортом.

Он женился через три недели после того, как был убит Павел I. Его женой стала герцогиня Дорсетская, богатая вдова с тринадцатью тысячами годового дохода. Но вот пассаж: оказывается, кроме Жеребцовой у лорда в Петербурге был роман сначала с Е. Радзивилл, а потом еще более бурная связь с А. И. Толстой. Автор известных мемуаров В. Н. Головина говорит о лорде как о холодном совратителе. Возможно, что и Толстая, как и Жеребцова, была жертвой этого ловеласа. Хотя по другим

характеристикам едва ли этот чрезмерно респектабельный джентльмен, к тому же посол, пустился бы в столь необдуманные авантюры.

Как бы то ни было, обе его поклонницы, Жеребцова и Толстая последовали за ним за границу. Так что женитьба Уитворта спасла его сразу от двух дам, преследовавших его.

Таким образом, О. А. Жеребцова оказалась у разбитого корыта. Что было делать? Ее бы не утешила и награда, как сплетничали, в два миллиона рублей, полученная ею якобы от английского правительства и предназначенная для участников петербургского заговора. Будто бы деньги эти она оставила себе, будучи уверена, что никто не посмеет требовать такого вознаграждения.

И тогда Ольга Александровна вполне в духе международной авантюристки решила попытать счастья при английском дворе. Она обращается к русскому посланнику С. Р. Воронцову с просьбой: «Милостивый государь, граф Семен Романович. Прошу покорно Ваше сиятельство взять труд представить меня ко двору, чем много меня одолжите. Я желаю знать, когда вы назначите день, чтобы иметь время мне сделать некоторые учреждения насчет моего убора».

Воронцов категорически отказал ей в просьбе. Он придерживался правила представлять английскому двору только людей, рекомендованных ему русским правительством.

Но и не в правилах Жеребцовой было пасовать и отказываться от намеченной цели.

Ольгу Александровну не смущало, что о ее связи с Уитвортом было известно всем и каждому. Впрочем, может быть, именно это и заинтересовало английское общество, и Жеребцова была принята в свете. Отсюда до Букингемского дворца было, как говорится, рукой подать. Так она попала ко двору, где приглянулась наследнику, принцу Уэльскому, будущему королю Георгу IV, который превзошел всех английских владык по части любовных похождений.

В любовных похождёниях Георга IV его связь с Ольгой Александровной Жеребцовой, конечно, всего лишь мимолетный роман. Но он интересен своей пикантностью, как свидетельство о нравах эпохи и политических интригах, к которым оказалась причастна наша соотечественница.

Едва ли следует сомневаться в том, что любвеобильный английский наследник действительно был влюблен. Герцен говорит, что принц был «у ее ног» и будто бы «она делила его оргии». Во всяком случае, Ольга Александровна была в большой моде и в большом почете при английском дворе. А это о чем-то да

говорит. Она даже умудрилась забеременеть от будущего короля и родила сына, который получил имя Егор Егорович Норд.

О. А. Жеребцова пережила беспутного Георга, как и многих своих современников, в том числе и Уитворта, мужа, детей, братьев, почти всех участников по делу 11 марта. На восемь лет пережила она и преподобного отца Авеля. Остается только сожалеть, что такая женщина не оставила воспоминаний.

Роковая ночь

Император, словно предчувствуя измену, жил в Михайловском замке — крепости с бруствером и водяным рвом, закованным в гранит, с четырьмя подъемными мостами, которые на ночь поднимались. В этом убежище Павел чувствовал себя в безопасности.

Закладка Михайловского замка состоялась 26 февраля 1797 года, перед отъездом Павла в Москву на коронацию. Началось строительство по проекту В. И. Баженова, знаменитого зодчего, тогда вице-президента Императорской академии художеств. Но в 1799 году он скончался, и достраивал дворец архитектор Бренн. Это монументальное здание было окончено в баснословно короткий срок, менее чем в четыре года. На сооружение его (без внутренней отделки) ушло почти восемьсот тысяч рублей.

Павел не чаял скорее переехать в новый замок и навсегда покинуть ненавистное жилье его матери — Зимний дворец. С особым нетерпением император ожидал освящения Михайловского замка. Торжество состоялось в день Св. Михаила, 8 ноября 1800 года.

Шествие из Зимнего дворца началось в три четверти десятого утра, мимо войск, расставленных шпалерами, под гром пушечного салюта. Император и его сыновья, великие князья, следовали верхом, а императрица Мария Федоровна и великие княжны и придворные дамы — в парадных каретах.

После совершения обряда освящения церкви император, как отмечено в камер-фурьерском журнале 1800 года, изволил удалиться во внутренние покои. В час пополудни был дан обед в столовой комнате для узкого круга лиц — всего на восемь кувертов. Обязательного в таких случаях бала-маскарада не было. Он состоялся только 2 февраля.

Однако сразу же перебраться на окончательное житье в Михайловский замок Павлу, к сожалению, не удалось. Из-за сырости в новом здании сам император и его семья вынуждены были отложить переселение. Только 1 февраля нетерпению Павла

пришел конец и он переехал из Зимнего дворца в замок.

Здесь и развернутся в ближайшем будущем трагические события.

Вот как описал этот замок современник, кстати сказать, по поручению императора.

«Дворец этот, — пишет автор очерка, — занимает место, на котором прежде стоял Летний дворец, построенный Петром Великим в 1711 году, при слиянии Мойки с Фонтанкой. Императрица Елизавета впоследствии возобновила его; но он был деревянный и грозил падением. Теперь это феникс, возрожденный из пепла».

Трое решетчатых ворот украшает вензель императора — орлы, венки, гирлянды из вызолоченной бронзы. Средние ворота раскрываются лишь для императорского семейства. Все трое ворот ведут в аллею из лип и берез, посаженных при императрице Анне.

Проехав по подъемному мосту через ров укрепления, въезжаешь на большую дворцовую площадь. Посреди ее, на мраморном пьедестале, возвышается колоссальная бронзовая конная статуя Петра Великого. Статуя эта вылита итальянцем Мартелли при императрице Елизавете, в 1744 году, и была забыта в сарае. Благоговение правнука к прадеду извлекло ее из забвения. На передней части пьедестала начертана простая надпись: «Прадеду Правнук».

Во внутренний восьмиугольный двор дворца въезжать позволялось лишь членам императорского семейства и посланникам.

Невозможно высчитать, какое множество раз вензель императора повторяется снаружи дворца и внутри его. Во внутреннем дворе он украшает также оконные промежутки. В восьми нишах помещаются восемь статуй — самые жалкие произведения, когда-либо выходившие из рук ваятеля. Они должны представлять Силу, Обилие, Победу, Славу и т. п., но это уроды, страшилища, а не статуи; они служат новым примером тому разительному сочетанию роскоши с безвкусием, которое господствует в этом дворце.

Четыре большие лестницы и две другие, меньших размеров, ведут со двора во внутренность дворца и запираются большими стеклянными дверьми. Но, не проходя двора, можно было войти в овальную залу, в которой тридцать человек солдат и один офицер из лейб-гвардейского полка императора (Преображенского) постоянно стояли на карауле. Помещение этих тридцати караульных было удачно выбрано: никто не мог пройти к императору обыкновенным путем, не проходя мимо этого

караула. Наверху парадной лестницы перед великолепными дверями красного дерева стояли на часах два гренадера. Правая дверь — в парадные апартаменты государя. Прихожая, гостиная, библиотека, из которой одна дверь вела в кухню, а другая — в маленькую комнату для камер-гусаров, непосредственно соприкасавшуюся с витой лестницей, ставшей впоследствии знаменитой; она вела на двор, где стоял один часовой.

Из библиотеки дверь открывалась в кабинет и одновременно в спальню императора, где он обычно работал и где был убит. Посередине стояла маленькая походная кровать, без занавесок, за простыми ширмами. Над кроватью висел ангел работы Гвидо Рени. В одном углу комнаты помещался портрет рыцаря-знаменосца работы Жана Ледюка, которым очень дорожил император. Плохой портрет Фридриха II и плохая гипсовая статуя, изображающая этого же короля верхом, составляли странную противоположность с этими великолепными картинами.

На одной из стен висела картина, изображавшая все формы обмундирования русской армии…

Говорили, что у императора в спальне был трап и несколько потайных дверей. Но это не так. В комнате, правда, было двое дверей, скрытых занавесью, но одна из них вела в чуланчик, другой запирался шкаф, в которой складывались шпаги арестованных офицеров. Двойные двери из комнаты императора в опочивальню императрицы были заперты ключом и задвижкой.

Проход из библиотеки в спальню также состоял из двух дверей, и, благодаря чрезвычайной толщине стен, между этими двумя дверьми оставалось пространство, достаточное для того, чтобы справа и слева поместились две другие, потайные двери. Тут они действительно были: дверь направо (если выйти из спальни) служила для хранения знамен; дверь налево открывалась на потайную лестницу, через которую можно было спуститься в нижний этаж.

Кроме императора и императрицы, в этом этаже жили только великий князь Константин, его супруга и камер-фрейлина Протасова.

В нижнем этаже, кроме очень маленького театра, который не был еще окончен, находилась дворцовая церковь. Остальную часть нижнего этажа занимали великий князь Александр и его супруга, молодой великий князь Николай Павлович, любимец императора, князь Гагарин, обер-гофмаршал Нарышкин и граф Кутайсов.

В верхнем этаже дворца жили великие княжны Мария и Екатерина и воспитательница их графиня Ливен. Апартаменты их

были весьма просты, но изящны.

На дворе находилась большая кордегардия, в которой держала караул рота из полков лейб-гвардии. Поговаривали, что количество караулов и часовых во дворце слишком мало.

Внутренность дворца представляла истинный лабиринт темных лестниц и мрачных коридоров, в которых день и ночь горели лампы. Мудрено было научиться ходить здесь одному и не заблудиться в этом лабиринте.

Ничто не могло быть вреднее для здоровья, чем это жилище. Повсюду виднелись следы разрушающей сырости, и в зале, в которой висели большие исторические картины, несмотря на постоянный огонь, поддерживаемый в двух каминах, лежали полосы льда в дюйм толщиной и шириной в несколько ладоней, тянувшиеся сверху донизу по углам. В комнатах императора и императрицы сырости было меньше, отчасти из-за того, что стены были отделаны деревом. Дворец этот был крайне неудобен для всех, кому приходилось бывать в нем.

Император очень любил свое создание.

Самое осторожное порицание раздражало его настолько же, насколько ему льстила самая грубая похвала. Однажды он встретил на лестнице пожилую даму. «Мне говорили, будто лестницы дворца неудобны, — сказала она, — но я нахожу их превосходными». Император пришел от этой похвалы в такой восторг, что поцеловал даму. Царедворцы умели прекрасно пользоваться этой слабостью и были неистощимы в похвалах новой резиденции монарха.

Караул в замке несли поочередно гвардейские полки. Внизу, на главной гауптвахте, находилась рота со знаменем, капитаном и двумя офицерами. В бельэтаже был расположен внутренний караул, который состоял только из солдат одного лейб-батальона Преображенского полка.

Павел особенно любил этот батальон, доверял ему. По его распоряжению офицеры и солдаты батальона были одеты в богатые мундиры: офицеры — с золотыми вышивками вокруг петлиц, а рядовые — с петлицами, обложенными галуном по всей груди. Батальон этот он намеревался даже назвать «лейб-компанией» — исключительной стражей, охраняющей его лично.

В замке гарнизонную службу несли, как в осажденной крепости. После вечерней зори в замок допускались лишь доверенные лица. Они проходили по малому подъемному мостику, который опускался специально, чтобы пропустить их. В числе этих немногих был адъютант лейб-батальона Аргамаков, занимавший должность плац-адъютанта замка. Его обязанностью было лично доносить императору о чрезвычайных происшествиях

в городе.

Павел доверял Аргамакову, и тот мог входить в царскую спальню даже ночью. Вовлеченный в заговор, он стал важной фигурой во время его осуществления. Именно он, будучи дежурным адъютантом царя, провел в замок по тому самому малому мостику отряд заговорщиков.

В тот вечер 11 марта Павел был в скверном настроении. Только что пришло печальное известие из Вены. Там скончалась при родах любимая его дочь Александра, ставшая, как мы помним, супругой эрцгерцога Иосифа после неудачной помолвки со шведским королем Густавом IV. Мысли об этом еще больше подействовали на настроение Павла. К этому добавилось влияние скверной сырой погоды (была оттепель) и воспоминание о недавнем случае.

На днях во время прогулки император остановил свою лошадь и, обернувшись к шталмейстеру полковнику Муханову, сказал сильно взволнованным голосом: «Мне показалось, что я задыхаюсь и мне не хватает воздуха, чтобы дышать. Я чувствую, что умираю… Разве они хотят задушить меня?» Муханов ответил: «Государь, это, вероятно, действие оттепели». Император ничего не ответил, покачал головой, и лицо его сделалось очень задумчивым. Он не проронил ни единого слова до самого возвращения в Михайловский замок.

Об этом случае известно со слов Муханова, рассказавшего о нем полковнику Н. А. Саблукову, автору записок.

«Какое загадочное предчувствие!» — восклицает Саблуков. Однако ничего загадочного в этом не было. Павел действительно догадывался о существовании заговора. Возможно, кто-либо предупредил его.

За день до смерти он встретил графа Палена, главного зачинщика, явившегося с утренним рапортом, и грозно спросил:

— Вы были в Петербурге в 1762 году? (Год дворцового переворота, совершенного Екатериной, и убийства ее супруга Петра III, отца Павла. — *Р. Б.)*

— Да, государь, был, — хладнокровно отвечал Пален.

— Что вы тогда делали и какое участие имели в том, что происходило в то время? — продолжал расспрашивать Павел.

— Был в рядах полка, в котором служил, и являлся только свидетелем, а не действовал, — отвечал Пален.

Император взглянул на него грозно и недоверчиво и продолжал:

— И теперь замышляют то же самое, что было в 1762 году.

— Знаю, государь, — возразил Пален, нисколько не смутившись. — Я сам в числе заговорщиков!

— Как, и ты в заговоре против меня?!

— Да, чтобы следить за всеми и, зная все, иметь возможность предупредить замыслы ваших врагов и охранять вас, — спокойно сказал Пален.

Такое присутствие духа и невозмутимый вид графа не вызвали у императора ни малейшего подозрения. Но в отношении остальных, тех, кто был в заговоре, он приказал:

— Сейчас схватить их всех, заковать в цепи, посадить в крепость; в казематы, отправить в Сибирь на каторгу! — возопил Павел, быстро расхаживая по комнате.

— Ваше величество, — возразил Пален, — извольте прочесть этот список: тут ваша супруга, оба сына, обе невестки. Как можно взять их без особого повеления вашего величества?.. Взять всех под стражу и в заточение без явных улик и доказательств — это столь опасно, что можно взволновать всю Россию и не иметь потому верного средства спасти вашу особу.

Далее Пален лицемерно предложил императору довериться ему и дать своеручный указ, по которому он мог бы исполнить повеление государя, когда сочтет удобным. Тогда-то и будут схвачены все заговорщики.

Павел поддался на обман и написал указ о заключении злоумышленников в крепость.

Но и сам он не собирался сидеть сложа руки и ждать, когда с ним расправятся. Вызвал в столицу преданных людей, в том числе прежде всего начальника верных ему войск А. А. Аракчеева и генерал-лейтенанта Ф. И. Линденера.

Посылая курьера Ивашкина за Аракчеевым, царь сказал:

— Вот тебе письмо. Содержание его тайна от всех. Ты вручишь его лично графу Алексею Андреевичу в Грузине.

При проверке личности Ивашкина на заставе его спросили, по чьему приказанию и куда он едет. Тот принужден был ответить, что по приказанию императорского величества к его сиятельству графу Аракчееву в Грузино. Ивашкина пропустили, но в тот же день о поездке его было донесено военному губернатору Палену. Что речь идет о возвращении Аракчеева, догадаться было нетрудно.

Содержание письма императора было кратким: «С получением сего вы должны явиться немедленно. Павел».

Пален рассчитал, что даже если Аракчеев выедет тотчас же, все равно раньше чем вечером 11 марта приехать не сможет. И к данному вечеру все заставы получили от Палена приказание: «Ни один человек не должен быть сей ночью пропущен в С.-Петербург или выпущен из оного. Всех проезжающих надлежит без исключения задерживать до утра на заставах».

Аракчеев приехал как раз в роковую ночь цареубийства. Тщетно требовал пропустить его, как прибывшего по высочайшему повелению, тщетно грозился караульным. Ему отвечали, что сделать ничего не могут, так как имеется более позднее распоряжение — задерживать всех без исключения.

Когда Пален после разговора с царем собрался было откланяться, тот, оглядев его, вдруг спросил:

— Что это у вас вечно оттопыриваются карманы? Что в них такое? Позвольте мне проверить, ну хоть вот этот.

Пален похолодел. Ему показалось, что под ним разверзлась земля и он летит в пропасть. Как назло, в этом кармане у него был полный список всех заговорщиков.

— Ваше величество, — смущенно промолвил он, — там у меня просыпан табак.

Зная особое отвращение царя к нюхательному табаку, Пален рассчитал точно.

— Какая гадость, — брезгливо поморщился царь. — Ступайте скорее прочь.

В течение всего дня 11 марта царь то и дело подходил к зеркалу и, удивляясь, произносил: «Посмотрите, какое смешное зеркало. Я вижу себя в нем с шеей на сторону». И еще за полтора часа до рокового события он, стоя перед зеркалом, заметил: «Мне кажется, будто у меня сегодня лицо кривое».

Придворные решили, что после такого замечания князю Н. Б. Юсупову, министру уделов и заведующему дворцами, несдобровать.

Уже поздним вечером у царя была беседа с М. И. Кутузовым, тогда временно исполняющим должность столичного военного губернатора. Зашел разговор о смерти. «На тот свет ид-тить — не котомки шить», — сказал на прощанье Павел и направился в спальню.

Но прежде чем лечь, долго молился на коленях перед образом. Впрочем, похоже, он и не собирался ложиться, иначе почему не снял одежду? Видно, тревожное предчувствие одолевало его душу, преследовали мрачные мысли.

Что произошло в ту ночь с понедельника на вторник, известно по многим воспоминаниям участников события.

…Вечером 11 марта заговорщики разделились на небольшие кружки. Ужинали у Хитрово, у двух генералов Ушаковых, у Депрерадовича (Семеновского полка) и у некоторых других. Поздно вечером все соединились вместе за одним общим ужином, на котором присутствовали генерал Бенигсен и граф Пален. Было выпито много вина, и многие выпили более, чем следует.

Говорят, что за этим ужином лейб-гвардии Измайловского

полка полковник Бибиков, прекрасный офицер, находившийся в родстве со всею знатью, будто бы высказал во всеуслышание мнение, что нет смысла стараться избавиться от одного Павла, что России не легче будет с остальными членами его семьи и что лучше всего было бы отделаться от них всех сразу.

Около полуночи большинство полков, принимавших участие в заговоре, двинулись в замку. Впереди шли семеновцы, которые и заняли внутренние коридоры и проходы.

Согласно выработанному плану, сигнал к вторжению во внутренние апартаменты и в кабинет императора должен был подать тот самый Аргамаков, адъютант гренадерского батальона Преображенского полка, обязанность которого заключалась в том, чтобы докладывать императору о чрезвычайных происшествиях, происходящих в городе.

Аргамаков вбежал в переднюю государева кабинета и закричал: «Пожар!» В это время заговорщики, числом до ста восьмидесяти человек, бросились в дверь. Марин, командовавший внутренним пехотным караулом, удалил верных гренадеров Преображенского лейб-батальона, расставив их часовыми, а тех из них, которые прежде служили в лейб-гренадерском полку, поместил в передней государева кабинета, сохранив, таким образом, этот важный пост в руках заговорщиков.

Два камер-гусара, стоявшие у двери, храбро защищали свой пост, но один из них был заколот, а другой ранен. Найдя первую дверь, ведущую в спальню, незапертою, заговорщики сначала подумали, что император скрылся по внутренней лестнице (что легко бы удалось, как графу Кутайсову). Но когда они подошли ко второй двери, то нашли ее запертою изнутри: это доказывало, что император, несомненно, находился в спальне.

Взломав дверь, заговорщики бросились в комнату, однако императора в ней не оказалось. Начались поиски, но закончились они безуспешно. Дверь в опочивальню императрицы также была заперта изнутри. Поиски продолжались несколько минут, пока не вошел генерал Бенигсен. Он подошел к камину, прислонился к нему и в это время увидел императора, спрятавшегося за экраном. Указав на него пальцем, Бенигсен сказал по-французски: «Le voila», после чего

Павла тотчас вытащили из его укрытия.

Князь Платон Зубов, действовавший в качестве оратора и главного руководителя заговора, обратился к императору с речью. Отличавшийся обыкновенно большою нервностью, Павел на этот раз, однако, не казался особенно взволнованным и, сохраняя полное достоинство, спросил, что им всем нужно.

Платон Зубов отвечал, что деспотизм его сделался настолько

тяжелым для нации, что они пришли требовать его отречения от престола.

Император, преисполненный искреннего желания доставить своему народу счастье, сохранять нерушимо законы и постановления империи и водворить повсюду правосудие, вступил с Зубовым в спор, который длился около получаса и который в конце концов принял бурный характер. В это время те из заговорщиков, кто слишком много выпил шампанского, стали выражать нетерпение, тогда как император, в свою очередь, говорил все громче и начал сильно жестикулировать. Шталмейстер, граф Николай Зубов, человек громадного роста и необыкновенной силы, будучи совершенно пьян, ударил Павла по руке и сказал: «Что ты так кричишь?»

При этом оскорблении император с негодованием оттолкнул левую руку Зубова, на что последний, сжимая в кулаке массивную золотую табакерку, со всего размаху нанес правою рукою удар в левый висок императора. Он без чувств повалился на пол. В ту же минуту француз-камердинер Зубова вскочил с ногами на живот императора, а Скарятин, офицер Измайловского полка, сняв висевший над кроватью собственный шарф императора, задушил его им. Таким образом его прикончили.

По другому свидетельству, шарфом воспользовался уже известный нам Аргамаков, он-то и набросил его на шею Павла. Уже хрипя и теряя сознание, Павел молил о пощаде.

Но что делала тогда дворцовая стража? Караульные на нижней гуаптвахте и часовые Семеновского полка во все это время оставались в бездействии, как бы ничего не видя и не слыша. Ни один человек не тронулся на защиту погибавшего царя, хотя все догадывались, что для него настал последний час. Один из офицеров караула, прапорщик Полторацкий, был в числе заговорщиков и, предуведомленный о том, что будет происходить в замке, вместе с товарищем арестовал своего начальника и принял начальство над караулом.

Во внутреннем карауле Преображенского лейб-батальона стоял поручик Марин. Услыша, что в замке происходит что-то необыкновенное, старые гренадеры, подозревая, что царю угрожает опасность, громко выражали свое подозрение и волновались. Одна минута — и Павел мог быть спасен ими. Но Марин не потерял присутствия духа, громко скомандовал: смирно! И во все время, пока заговорщики расправлялись с Павлом, продержал своих гренадеров под ружьем неподвижными, и ни один не смел пошевелиться. Таково было действие приказа на тогдашних солдат: они становились машинами, говорит современник.

Что касается верных Павлу придворных, бывших в ту ночь в замке, то они спасались кто как мог. В их числе оказался и любимец императора граф Иван Павлович Кутайсов. Был приказ арестовать его и певицу Шевалье, его любовницу. Накануне вечером за ужином она пела перед императором. Но в замке Кутайсова не нашли и решили, что он у своей пассии. Пронырливый Фигаро, как называли этого бывшего брадобрея, сделавшего головокружительную карьеру при дворе, скрылся из замка по потайной лестнице. В панике, без башмаков и чулок, в одном халате и колпаке, он бежал по городу и укрылся в доме графа С. С. Ланского, который, как человек благородный, не выдал его.

Утром следующего дня статс-секретарь Трошинский написал манифест о восшествии на престол Александра I. Заговорщики ликовали: новый самодержец обещал царствовать по духу и сердцу своей великой бабки и не притеснять дворянство. И первым шагом нового императора на рассвете был переезд со всем двором из промозглого и ненавистного Михайловского замка обратно в Зимний дворец. Тем самым он как бы порывал с правлением своего батюшки.

Михайловский замок представлял грустное и отвратительное зрелище. Труп Павла, избитого, окровавленного, с проломанной головой, одели в мундир и ботфорты, какой-то мастикой замазали израненное лицо. Чтобы скрыть глубокую рану на левом виске, надели на него шляпу и, не бальзамируя его, как это обычно делали с особами императорской фамилии, положили на великолепное ложе.

Последняя сцена трагического спектакля произошла вечером следующего после убийства дня, когда проститься с мужем явилась императрица Мария Федоровна. Опираясь на руку С. И. Муханова, она направилась к роковой комнате, причем за нею следовал ее сын Александр с женой Елизаветой, а графиня Ливен несла шлейф. Приблизившись к телу, императрица остановилась в глубоком молчании, устремила свой взор на покойного супруга и не проронила при этом ни единой слезы.

Александр Павлович, который сам впервые увидел изуродованное лицо отца, накрашенное и подмазанное, был поражен и стоял в немом оцепенении. Тогда императрица-мать обернулась к сыну и с выражением глубокого горя сказала: «Теперь вас поздравляю — вы император». При этих словах Александр, как сноп, упал без чувств, так что присутствовавшие на минуту подумали, что он мертв.

Императрица взглянула на сына без всякого волнения, взяла снова под руку Муханова и, поддерживаемая им и графиней

Ливен, удалилась в свои апартаменты. Прошло еще несколько минут, пока Александр пришел в себя, после чего он немедленно последовал за своей матерью.

Вечером того же дня императрица снова вошла в комнату покойного, причем ее сопровождали только графиня Ливен и Муханов. Там, распростершись над телом убитого мужа, она лежала в горьких рыданиях, пока едва не лишилась чувств, невзирая на необыкновенную телесную крепость и нравственное мужество. Два верных спутника увели ее наконец, или, вернее, унесли обратно в ее апартаменты.

Посещения повторились, причем приезжал и Александр. После этого убитую горем вдовствующую императрицу перевезли в Зимний дворец, а тело покойного императора со всей торжественностью было выставлено для прощания.

Заговор против Павла, которым завершился век дворцовых переворотов, стал последним из удавшихся. Так Россия отметила вступление в новое столетие.

Сбылось предсказание преподобного Авеля, предвещавшего лютый конец императора Павла I. Все случилось так, как и предрек вещий монах: царь принял мученическую смерть в день памяти патриарха VII века Софрония Иерусалимского.

ОТ АЛЕКСАНДРА I ДО НИКОЛАЯ II

Благодетельница

После вступления на престол Александра I была создана комиссия по пересмотру уголовных дел. Несколько сот человек увидели свет Божий и были возвращены из заключения. Тюрьмы вдруг опустели.

Пересмотрели и дело Авеля, который с 26 мая 1800 года «за разные сочинения его» содержался в Петропавловской крепости.

Почти сразу же после 11 марта Авеля доставили к митрополиту Амвросию, чтобы тот определил по своему усмотрению, в каком монастыре тому пребывать. Митрополит отослал беднягу прозорливца от греха подальше снова под присмотр в Соловецкий монастырь. Однако пробыл он здесь недолго. 17 октября архангельский гражданский губернатор сообщал, что Авель по указу Синода из-под стражи освобождается. Но пользоваться свободой ему долго не пришлось.

В 1802 году отец Авель написал свою так называемую «третью книгу». В ней было сказано, что *Москва будет взята французами и сожжена. Указал предсказатель и время, когда это произойдет, — 1812 год.*

На беду Авеля, слова его пророчества дошли до нового императора Александра I. И тот повелел оного Авеля снова заключить в Соловецкую тюрьму и «быть ему там, доколе сбудутся его предсказания».

На сей раз пришлось Авелю провести в заточении более десяти лет.

За это время произошли наполеоновские войны. Французский император покорил чуть ли не всю Европу и подступил к Москве. Состоялось грандиозное сражение русских и французских войск под Бородином — одно из самых великих сражений. У Наполеона было примерно 127 тысяч войска и 580 орудий, у Кутузова, назначенного Александром I главнокомандующим, — 120 тысяч солдат и значительное количество артиллерии. Битва началась грозной канонадой 1200 орудий, слышимой за сотню километров, после чего в дело вступила пехота и кавалерия.

Но сражение это не принесло ни одной из сторон решающей победы. Русские отступили, сохранив армию, и Кутузов отошел в полном порядке к Москве. 13 сентября на военном совете в Филях Кутузов сказал: «Доколе будет существовать армия и находиться в состоянии противиться неприятелю, до тех пор сохраним надежду

благополучно довершить войну, но когда уничтожится армия, погибнут Москва и Россия».

Русские войска в течение 12 часов проходили через город. Из 200 тысяч жителей в нем осталось не более 10 тысяч, а остальные ушли, унося с собой все самое ценное. Были эвакуированы государственная казна и архивы, вывезены ценности, реликвии.

Когда последние солдаты русского арьергарда, которым командовал генерал Милорадович, покидали Москву, в ней уже начались пожары. Днем 14 сентября Наполеон верхом въехал на Воробьевы горы. У ног его лежал город, который, как он думал, покорен им.

В тот же вечер Москва заполыхала. На другой день французский император появился в Кремле. Кругом был огонь и дым — город горел. Он воскликнул: «Какое ужасное зрелище: это они сами поджигают город; сколько прекрасных зданий, какая необычайная решимость. Что за люди! Это скифы».

В конце концов Наполеона вывели из горящего Кремля. Маршал Сегюр писал, что, немного поблуждав, они все же нашли потайной ход, выводивший к Москве-реке. По этому узкому лазу Наполеон, его офицеры и охрана сумели вырваться из Кремля. Они покинули его с досадой. Надо было спешить — всюду бушевало пламя, угрожая спалить все вокруг. По узкой улочке, охваченной пламенем, император выбрался на сравнительно безопасное место и укрылся в Петровском дорожном дворце, где у него не было ни стула, ни кровати.

Наполеон долго смотрел на пожар, а потом сказал: «Это предвещает нам великие бедствия». Много позже, уже в ссылке на острове Св. Елены, он признается, что выдумки о пожаре Трои нельзя сравнить с пожаром Москвы. Город построен из дерева, а ветер был очень сильный. Все пожарные насосы русские увезли. Это был настоящий океан огня.

К 18 сентября Наполеон вернулся в Кремль, часть которого удалось спасти. Огонь чуть стих. Начались грабежи и мародерство. Наполеон писал своей супруге Марии Луизе: «Уже четыре дня огонь пожирает город. Маленькие дома построены из дерева и поэтому вспыхивают, как спички. В злобе своей губернатор и русские подожгли этот красивый город…»

Пожар продолжался с вечера 14 до 18 сентября. Но почему он произошел? Кто его организовал? На этот счет до сих пор нет однозначного ответа. Считали, что русские специально подожгли город. Будто главную роль при этом сыграл генерал-губернатор Ростопчин, организовавший поджоги. Ему даже дали прозвище «герой-поджигатель Москвы».

Впрочем, через несколько лет Ростопчин опубликует

брошюру «Правда о пожаре Москвы». В ней он постарается освободиться от нелестного эпитета «поджигатель». «Я отказываюсь, — писал он, — от прекраснейшей роли эпохи и сам разрушаю здание моей знаменитости».

Но как бы то ни было, московский пожар, ставший чуть ли не главной причиной отступления французов, а затем и поражения их, скорее всего явился делом рук Ростопчина.

Когда о пожаре Москвы узнал Александр I, он разрыдался и воскликнул: «Я вижу, что

Провидение требует от нас великих жертв. Я готов подчиниться его воле!» И поклялся продолжать войну. Всегда настроенный мистически, он изрек: «Я отращу себе бороду и скорее буду питаться черствым хлебом в Сибири, нежели подпишу позор моего отечества и дорогих мне подданных, жертвы которых умею ценить…»

В эти дни, когда французы вступили в Москву и пожар пожирал город, Александр I вспомнил о предсказании Авеля. Царь повелел освободить вещего монаха, «ежели жив-здоров», и доставить в Петербург.

Письмо царя пришло на Соловки 1 октября. Но соловецкий архимандрит, боясь, что Авель расскажет о его «пакостных действиях», отписал, что Авель болен, хотя тот был здоров. Только в 1813 году Авель смог явиться в столицу. После встречи и беседы с обер-прокурором и министром духовных дел А. Н. Голицыным Авеля велено было полностью освободить, снабдить паспортом, деньгами и одеждой.

«Отец Авель, — сказано в его житии, — видя у себя пашпорт и свободу во все края и области, и потече из Петербурга к югу и к востоку, и в прочия страны и области. И обшед многая и множество. Был в Цареграде и во Иерусалиме, и в Афонских горах; оттуда же паки возвратился на Российскую землю». Он поселился в Троице-Сергиевой лавре, жил тихо, разговаривать не любил. К нему стали было ездить московские барыни с вопросами о дочерях да женихах, но Авель отвечал, что он не провидец.

Однако писать Авель не бросил. К этому времени относится и его переписка с графиней Прасковьей Андреевной Потемкиной. В одном из писем он говорит, что сочинил для нее несколько книг, которые вскоре вышлет. Но это уже были не книги пророчеств.

Авель сетует в письме к ней: «Я от вас получил недавно два письма и пишете вы в них: сказать вам пророчество то и то. Знаете ли, что я вам скажу: мне запрещено пророчествовать именным указом. Там сказано, ежели монах Авель станет пророчествовать вслух людям или кому писать на хартиях, то брать тех людей под секрет и самого монаха Авеля и держать их в

тюрьме или в острогах под крепкими стражами. Видите, Прасковья Андреевна, каково наше пророчество или прозорливство, — в тюрьмах ли лучше быть или на воле, размысли убо. Я согласился ныне лучше ничего не знать да быть на воле, а нежели знать да быть в тюрьмах и под неволею. Писано есть: будите мудры яко змии и чисты яко голуби; то есть буди мудр, да больше молчи; есть еще писано: погублю премудрость премудрых и разум разумных отвергну и прочая таковая; вот до чего дошли с своею премудростию и своим разумом. Итак, я ныне положился лучше ничего не знать, а если знать, то молчать».

П. А. Потемкина в ту пору была уже полувековая старуха, приверженная мистике и чудотворству. А когда-то это была блестящая светская красавица, кузина (по мужу) самого Потемкина. Светлейший князь отличался тем, что запросто влюблялся в своих племянниц, с некоторыми становился даже близок. Так, он не на шутку увлекся в свое время Варенькой Энгельгардт. Это, видимо, была первая его возлюбленная, помимо, конечно, самой императрицы. Любвеобильный дядя посылал страстные записки Вареньке через лакея императрицы. В них он признавался племяннице в бесконечной любви, в том, что он «никого никогда так не любил!». И заканчивал такими словами: «Ты спала… Перед уходом я был в твоих объятиях… и я тебя много раз целовал…»

Когда Варенька увлеклась молодым и блестящим князем Голицыным, дядя, не очень рассердившись, обратил благосклонный взор на другую племянницу — Александру. С ней нашего селадона связывало более долгое и более серьезное чувство. Но и она вышла замуж, покинув своего дорогого дядю.

Тогда-то он, завоеватель Крыма, и покорил сердце молоденькой Прасковьи Закревской, ставшей позже женой одного из Потемкиных. Дядя и ей писал страстные письма: «Приезжай, моя любовь! Спеши, мой друг! Моя радость, мое бесценное сокровище, несравненный дар, самим Богом данный мне. Я живу только тобой и всю жизнь готов доказывать тебе свою привязанность. Матушка, голубушка, доставь мне удовольствие тебя видеть, дай мне наглядеться на красоту твоего лица и твоей души… Я нежно целую твои прекрасные ручки и твои прекрасные ножки…»

Потом у нее появились сразу две соперницы — прекрасная гречанка София Витт и красавица княжна Долгорукая. Но забыть влюбленного дядю она долго еще не могла.

Прасковья Потемкина пережила возлюбленного своей молодости на много лет и заканчивала жизнь благочестиво, погрузившись в мистику, зачитываясь «книжками» подвижников,

подобных Авелю.

Во всех письмах к ней отца Авеля встречаются мистические рассуждения. В одном он приводит молитву «Отче наш», в другом выписаны разные нравоучения из Евангелия, в третьем приведена молитва собственного сочинения.

Упоминает он и так называемые книжки, писанные еще в бытность его на Соловках. «Книжки» эти состояли из символических кругов и фигур с приложением к ним «толкований», с таблицами «Планет человеческой жизни», «Годы от Гога», «Годы от Адама», «времена всей жизни», «рай радости, рай сладости» и др.

Была еще «Книга Бытия» Авеля. В ней говорилось о возникновении Земли, сотворении мира и человека. Он ее проиллюстрировал собственными таблицами и символами и дал краткие пояснения к ним: «На сей странице изображен весь сей видимый мир и в нем изображена тьма и земля, луна и солнце, звезды и все звезды, и все тверди, и прочая таковая, и проч. Сей мир величеством тридцать миллион стадей, окружностию девяносто миллион стадей; земля в нем величеством со всю третию твердь; солнце — со всю вторую твердь; луна — со всю первую твердь, тьма — со всю мету. Земля сотворена из дебелых вещей и в ней и на ней — воды и леса и протчия вещи и вещество. Солнце сотворено из самаго сущаго существа. Такожде и звезды сотворены из чистаго самаго существа, воздухом не окружаемы; величина звездам не меньше луны и не меньше тьмы. Луна и тьма сотворены из воздуха, тьма вся темная, а луна один бок темный, а другой — светлый и проч. таковая».

Все эти «книги» Авель обещал выслать Потемкиной в скором времени, так как в тот момент их при нем не было, а хранились они в сокровенном месте. «Оныя мои книги, — писал он, — удивительные и преудивительные, те мои книги достойны удивления и ужаса, и читать их токмо тем, кто уповает на Господа Бога и на пресвятую Божию Матерь. Но только читать их должно с великим разумением и с великим понятием».

Впрочем, он обещал помочь графине в уразумении таинственных его книг при личном с нею свидании. Они свиделись и беседовали. После чего Авель отправился на принадлежащую ей суконную фабрику в Глушково, которая находилась под Москвой. Здесь он прожил некоторое время, «обшел, и вся видел, и всех начальников познал». Нашел все в отличном порядке. Вот только жалованье фабричным ему показалось маловатым. Он просил графиню увеличить его всем, особенно управляющему.

Не забыл и о подаянии монашествующей братии, а кстати и о

себе. Попросил денег для путешествия в Иерусалим и на Афонскую гору. Нужны были для этого лошади и повозка, шленское сукно на рясу. Всем этим по распоряжению графини Авеля снабдили, дали триста рублей на его нужду и еще двести для иерусалимских монахов. Он покорнейше благодарил графиню за такое ее великое благодеяние. Особенно радовался лошадям и повозке, так как был «стар и болели ноги».

Но тут в отношения между графиней и старцем вмешался ее сынок Сергей Павлович. Между матерью и сыном возникло дело об опеке над фабрикой. Сначала отец Авель старался помирить их, увещевал ее быть чадолюбивой. Но когда сын, опасаясь влияния монаха на мать, стал нелестно отзываться о нем, о примирении матери с сыном не могло быть и речи. К тому же мать восстала против женитьбы сына на Елизавете Петровне Трубецкой. Свадьба состоялась лишь после смерти графини в 1817 году. А за год до этого сын ее, игрок и мот, в пух и прах проигрался в карты. Поправить дела и выплатить долг он намеревался за счет доходов с фабрики.

Авель писал о нем, что он «товарищ развратникам и причастник самых распутных людей». Называл его лгуном, обещавшим отдать долг и ему, Авелю, но не исполнившим обещания. Старец «сказал ему не малое число божественных тайн» и открыл ему глубину премудрости, а он «все сие ни во что вменил, и семя благое не дало плода в сердце его».

Одно время, когда Авель жил в Москве, он часто захаживал к Сергею Павловичу. Его удивляла расточительность этого модника. Например, монах не понимал, как это так можно платить 25 рублей в день за карету, которая ради гордости и тщеславия днями впустую простаивала перед подъездом.

Нас же удивляет другое: причастность святого отца к меркантильным, земным денежным делам, его соображения насчет опекунства сына графини, который скорее являлся разорителем, а не попечителем.

К слову сказать, и кончил С. П. Потемкин бесславно. Обладатель огромного состояния, он после смерти матушки женился и стал довольно известным поэтом и музыкантом, скульптором и архитектором, автором новых куплетов к знаменитому романсу Алябьева «Соловей», затем промотал все свое состояние, скрывался от кредиторов и в конце концов угодил в тюрьму.

После смерти своей благодетельницы П. А. Потемкиной отец Авель попросил водворить его в Шереметевский странноприимный дом — тогда богадельню, а ныне больницу имени Склифософского. Но царь высочайше повелел объявить

монаху Авелю, чтобы избрал непременно какой-либо монастырь, где по согласию настоятеля и водворился бы.

Авель избрал Пешношский монастырь в Дмитровском уезде, но туда не явился и из Москвы скрылся.

Кающаяся грешница

Однажды Александр I скажет, что «пожар Москвы освятил мою душу, и я познал Бога». Действительно, в религиозных настроениях нового императора происходили изменения. И если до 1812 года он без особого рвения, чуть ли не равнодушно соблюдал обряды православной церкви, то после наполеоновского нашествия пал на колени и от всего сердца воззвал к Господу.

Но только ли один пожар был тому причиной?

На следующее утро после цареубийства И марта 1801 года некоторые гвардейские полки отказались принести присягу новому императору Александру I, пока не увидят мертвое тело Павла I. Это объяснялось неизвестно откуда взявшимся слухом, что он вовсе не умер, а кем-то захвачен в плен. И лишь после того, как к телу убитого были допущены выборные из солдат, полки присягнули.

Но общая атмосфера была тревожной. В народе говорили, что «бары извели царя и украли Золотую грамоту». Опасались вспышек недовольства. На улицах столицы появились наряды из гвардейцев.

На третий день после цареубийства хоронили убитого камер-гусара, охранявшего в ту роковую ночь вход в спальню Павла. Сам Александр возложил на гроб цветы, а вдова-императрица прислала крест из белых роз, среди которых выделялось несколько пунцовых, означавших жертвенно пролитую кровь верного слуги.

Тело покойного царя перевезли из Михайловского замка в Петропавловский собор, где и выставили на поклонение народу. В день похорон на Страстную субботу, как и предсказывал Авель, люди валом валили отдать последний долг самодержцу. «Было словно мощам святым поклонение». Задерживаться у катафалка не разрешалось. Можно было лишь поклониться царским останкам и быстро пройти мимо.

Через шесть месяцев после убийства отца Александр I торжественно въехал в Москву. Здесь по давнему обычаю состоялась его коронация. Толпы народа приветствовали своего царя-батюшку. Люди бросались на колени, исступленно целовали его сапоги и ноги его коня. Это походило на безумие. Молодой

царь приветствовал толпу, силился улыбаться, но наедине с самим собой часто впадал в такое уныние, что боялись за его рассудок.

Очевидец торжеств коронации писал, как юный царь «шел по собору, предшествуемый убийцами своего деда, окруженный убийцами своего отца и сопровождаемый, по всей видимости, своими собственными убийцами».

Угрызения совести, горечь упреков самому себе мучили его все больше. И все больше с годами в нем проявлялись мистические настроения. Он стал знаться с гадалками и ворожеями, встречался с квакерами, молился с ними и, как и они, верил в духовное совершенствование человека. Александр I почитал проповедника и пророка Квирина Кульмана, заживо сожженного как еретика в срубе. Жестокая казнь над несчастным поборником божественной справедливости состоялась в 1689 году в Москве.

Александра привлекало стремление квакеров к добру, вера в то, что в каждом вечно пребывающий Бог отдаляет от греха и никогда не противоречит Священному Писанию и разуму. По душе ему было и то, что молились они без алтарей и образов, без пения и музыки, не признавали никаких церемоний, обрядов и таинств.

В России император будет посещать радения ясновидящей Е. Ф. Татариновой, которые, кстати говоря, проводились в Михайловском замке. Знаменитая тогда пророчица, возглавлявшая секту хлыстов, своими откровениями приводила царя «в сокрушение, и слезы лились по лицу его».

Словом, религиозное рвение Александра I, с годами развившееся, было, несомненно, следствием убийства отца и его участия в этом злодеянии. Проще говоря, он стремился искупить вину и замолить грех. Недаром он скажет: «Я должен страдать, ибо ничто не может смягчить моих душевных мук». Он не сказал «угрызений совести», а так было бы точнее.

В дни таких душевных мук ему однажды повстречалась примечательная женщина — баронесса из Риги. Звали ее Юлия Крюденер, она считалась русской (была внучкой фельдмаршала Миниха, дочерью сенатора и женой посла. — Р. Б.), но русский язык абсолютно не знала. Ее нельзя было назвать красавицей, но она отличалась редкой выразительностью и грацией. Муж ее, дважды вдовец, был на двадцать лет старше, это, можно сказать, оправдывало ее многочисленные романы. Один из них оставил заметный след в ее сердце.

Случилось это в Копенгагене, куда муж Юлии вскоре после их свадьбы был назначен русским посланником. Жизнь баронессы

проходила в светских развлечениях, балах и домашних спектаклях. Она увлекалась чтением модных сентиментальных романов, особенно Бернардена де Сен-Пьера. Тут как на грех в нее страстно влюбился молодой секретарь посольства Александр Стахеев. Она ничего не подозревала. Ей он так и не открылся, а рассказал о своем чувстве в письме к ее мужу. Тот не нашел ничего лучше, как показать письмо Стахеева жене.

Юлия нисколько не удивилась. Она уже знала, что способна своим кокетством внушать мужчинам пылкие чувства. Случай со Стахеевым лишь еще больше вскружил ей голову. Она поняла/ что сгорает от желания любить и быть любимой. Увы, Стахеев не вызывал в ней ответной симпатии. Скоро он вообще покинул посольство, исчез. Но огненное дыхание его страсти уже коснулось ее сердца.

Эту любовную историю Юлия Крюденер опишет в романе «Валерия», где Стахеева выведет под именем Гюстава. Это будет ее первая книга, написанная отчасти в подражание гётевскому «Вертеру». Позже она получит положительную оценку А. Пушкина: «Задушевный, изящный и прекрасно написанный роман».

Затем последовали новые сочинения, романы и пьесы в сентиментальном стиле. Успех некоторых из них вскружил ей голову, распалил светское тщеславие. Юлии захотелось большего — играть заметную роль в обществе, в политических кругах. Она жаждала публичного успеха, поклонения толпы. Достичь этого, полагала она, можно только в Париже.

И Юлия отправляется в Париж. Здесь сходится с такими выдающимися людьми, как госпожа де Сталь, Шатобриан, Делиль, Бернарден де Сен-Пьер, Мишо. У нее завязался роман с молодым офицером графом де Фрежвилем.

Но тут грянула революция. Ей и графу как аристократам грозила гильотина. Тем паче, что она была знакома с русской госпожой Корф, способствовавшей бегству короля Людовика XVI. Юлия тоже предпочла тайно бежать. Граф де Фрежвиль, переодетый кучером, вывез ее из Парижа. Она уехала к родным в Ригу, граф остался в Берлине. Разлука с ним причиняла ей много горя, она скучала и стала искать утешения в религиозных размышлениях, в уединении и чувствительных мечтаниях.

Вот тогда-то и стала проявляться в ней преувеличенная сентиментальность и мечтательная экзальтация. В этот момент она заметила, что время начало оказывать свое действие на ее красоту. У нее все еще были любовники, но мысль остаться без поклонников угнетала ее все больше. Надо привлечь к себе внимание, организовать поклонение, если хочется популярности.

И Юлия действительно публикует в прессе некоторые материалы о себе. Добивается того, что ей посвящают стихотворные, восхваляющие ее послания поэты Делиль, Дюси. Она рассчитывает на старых знакомых — Шатобриана, Сен-Пьера, которые будут хвалить ее роман.

Что это было — шарлатанство, мошенничество? Сегодня мы бы сказали, что она занималась организацией рекламы на саму себя. Чего, например, стоил такой рекламный трюк. Она отправилась по модным магазинам и всюду спрашивала дамские шляпки, шарфы, ленты a la Валерия, которых не существовало и в помине. Но Юлия требовала их с такой настойчивостью, что приказчики и модистки наконец предлагали элегантной иностранке что-нибудь, уверяя, что это и есть то, что она желает. Если же ей отказывали, она упрекала в незнании популярного романа и в отсутствии последних модных вещей. И как ни удивительно, в магазинах появлялись шляпки a la Валерия, а в книжных лавках чаще спрашивали этот роман.

Но тут с Юлией Крюденер внезапно произошла поразительная метаморфоза. Светская львица обращается к Богу, становится религиозной фанатичкой. И с той же страстью, с какой когда-то отдавалась своим любовникам, теперь она служит Спасителю. Вся прежняя жизнь показалась ей заблуждением и безрассудством. Теперь все ее помыслы, скажет она, «направлены к тому, чтобы служить и принести себя в жертву Ему, даровавшему мне желание дышать одной с ним любовью ко всем моим ближним и указавшему мне в будущем одно лишь сияние блаженства». И дальше Юлия восклицает: «О, если бы люди только знали, какое счастье дает религия, как бы они тогда остерегались всех других забот, кроме заботы о собственной душе!» Она избирает путь религиозного совершенствования, сама наставляет на путь истинный других.

Среди ее учителей появляется известный мистик Юнг-Штиллинг — сын деревенского портного, глазной врач и теософ. Она настолько увлеклась его проповедью очень модного тогда пиетизма, что и сама начала проповедовать в его духе и пророчествовать. Ханжески объявляла греховными многие радости человеческой жизни — веселое общество, посещение театров, карточную игру — на том основании, что жизнь истинного христианина должна проходить в покаянии.

Одно время Юлия Крюденер даже жила в семье своего кумира в Карлсруэ. Вокруг нее объединились религиозные единомышленники, фанатичные мечтатели-мистики. Среди них королева Гортензия, герцогиня Стефания и даже сама королева прусская Луиза, другие знатные дамы. Но главными адептами

стали пастор Фредерик Фонтэн, считавшийся чудотворцем, а на самом деле оказавшийся пошлым шарлатаном, и девица Мария Куммрин — простая крестьянка, славившаяся тем, что изрекала якобы пророчества и предсказания. Это она предсказала баронессе Крюденер великую миссию в царстве Божием и указала на Фонтэна как на апостола.

Цель баронессы отныне — жить и умереть ради славы Божией и любви к ближним. Жизнь она понимает не иначе как исполнение Божественных указаний, то есть считает прямым делом Провидения. Она уверена, что пережила настоящее чудо.

Похоже, что баронесса в религиозном мистическом ослеплении так и не поняла роли, которую при ней играли Фонтэн и Куммрин — наглые обманщики. Она все больше впадала в религиозную экзальтацию, беспрестанно твердила, что счастлива оттого, что оказалась посвященной в «глубочайшие тайны вечности», говорила о своем спокойствии, о радостях молитвы.

Крюденер, странствуя по Германии и Швейцарии, предрекала бедствия, угрожающие Европе в 1809–1810 годах, которые уподобятся ночи ужасов. Ее предсказания, как и пророчества Куммрин, были достаточно туманными. «Приближается великая эпоха, — предрекала она, — все будет ниспровержено — школы, человеческие науки, государства, троны…» Однако светопреставления не произошло.

В тот момент, когда ее проповедь «чистой любви» привлекала все большее число последователей, она встречается с Александром I. В Карлсруэ жила в ту пору Р. С. Стурдза, фрейлина императрицы Елизаветы, жены Александра I, женщина, по отзывам современников, замечательного ума. К тому времени она была замужем за веймарским министром графом Эдлингом.

У Крюденер завязались с ней дружеские отношения, главным образом на почве религиозной. Баронесса давала религиозно-наставительные сеансы желающим, в числе которых оказалась и Стурдза, а также полицейский генерал-комиссар Майнца Беркгейм. Кстати говоря, после встречи с Крюденер он оставил службу в полиции, к великому сожалению своего семейства, «отказался от всяких повышений и посвятил себя царству Божию». Вскоре он женился на дочери баронессы Крюденер, которую тоже звали Юлией.

Баронесса Крюденер убеждала Стурдзу предаться ее «учению», посвятить себя Христу, обратиться к «океану любви». Вещала она и об Александре и предсказывала, что Господь даст ей радость его видеть. «Если я буду жива, это будет одной из счастливых минут моей жизни… Я имею множество вещей

сказать ему… И хотя Князь тьмы делает все возможное, чтобы удалить и помешать тем, кто может говорить с ним о божественных вещах, Всемогущий будет сильнее его…»

Стурдза не преминула рассказать о Крюденер царю. И тот пожелал увидеть свою почитательницу. Встреча состоялась, и Крюденер удалось своей экзальтированной речью увлечь склонного к мистике Александра.

Баронесса убеждала императора углубиться в самого себя, изжить заблуждения прежней жизни и побороть гордость, замолить грехи прошлого.

— Нет, государь, — резко заявила она, — Вы еще не приближались к Богочеловеку как преступник, просящий о помиловании. Вы еще не получили помилования от Того, кто один на земле имеет власть разрешать грехи. Вы еще остаетесь в своих грехах. Вы еще не смирились пред Иисусом, не сказали еще, как мытарь, из глубины сердца: «Боже, я великий грешник, помилуй меня!» И вот почему Вы не находите душевного мира. Послушайте слова женщины, которая также была великой грешницей, но нашла прощение всех своих грехов у подножия креста Христова.

Царь молча внимал ее речи, и слезы навернулись на его глаза. Она даже встревожилась тем, в какое состояние повергла его.

— Не беспокойтесь, — сказал Александр, — все сказанное нашло место в моем сердце. Вы помогли мне открыть в себе самом вещи, о которых я ранее не думал.

С этих пор Александр все больше проникался убеждением в своей греховности, чувство вины перед убитым отцом преследовало его. Ему казалось, что беседы с Крюденер приближают его к покаянию и смиренной молитве. Он все чаще стал видеться с ней, их беседы продолжались далеко за полночь. Он говорил ей: «Не бойтесь ничего, браните меня: с Божьей помощью я буду слушать все, что вы мне скажете».

Под влиянием этих бесед царь стал чаще уединяться, избегал праздников и увеселений. Им все больше овладевало чувство всепрощения, стремление освободиться от тяжести грехов.

Постепенно баронесса Крюденер приобрела огромное влияние на царя. Они подолгу беседовали наедине, вместе молились, читали Библию. Во время похода русской армии на-Париж в 1815 году Крюденер наняла крестьянский домик на берегу Неккара. Здесь русский царь проводил вечера в поучительных беседах с ней. Когда Александр жил в Париже, она поселилась в отеле Моншеню по соседству с его резиденцией, и он мог никем не замеченным приходить к ней через потайную

садовую калитку.

«Брат мой во Христе, — говорила она при встрече с царем, — благодарю Вас за то, что Вы пришли. Помолимся же! Помолимся за то, что Вы пришли. Помолимся же! Помолимся же за то, чтобы милосердие Божие было с нами!»

Однажды Александр пригласил австрийского министра иностранных дел Меттерниха отобедать с ним и с госпожой Крюденер. На столе стояло четыре прибора. На вопросительный взгляд министра царь пояснил: «Он для Господа нашего Иисуса Христа».

В салоне предсказательницы можно было тогда увидеть не только царя и министра, но и весь цвет парижского общества.

Считалось, что именно Крюденер внушила царю мысль о создании Священного союза — политической организации, оказавшей немалое влияние на европейскую политику.

Перед отъездом из Парижа Александр пригласил Крюденер приехать в Петербург. И шесть лет спустя она приехала. Увы, к тому времени Александр I изменил свое к ней отношение. Дело было главным образом в том, что баронесса выступала ярой поборницей освобождения Греции от турецкого ига и уповала, что русский царь возглавит поход против неверных.

Но Александр вовсе не помышлял о роли заступника греков, тем более о войне. К тому же на неистовую сектантку пожаловался архимандрит Фотий. В своих доносах на нее царю он говорит о ней как о злейшем враге православия и престола. А может быть, до Александра дошли ее слова о нем: «Я знаю каждую мелочь, скажу больше — почти каждую мысль царя…» Самолюбие самодержца было задето, и он изречет, как отрежет: «Возможно, у нее добрые намерения, но сколько же непоправимого вреда она нанесла…» Какого вреда — так и осталось неясным.

Как бы то ни было, Александр написал ей длинное, на восьми страницах, письмо. В нем объяснил, почему не может помочь грекам, и дал понять, что отныне не намерен подчиняться ее воле. В заключение он разрешил ей проживать в Петербурге, но лишь с тем условием, что она «будет сохранять благоразумное молчание относительно положения дел, изменять которые он не желает вследствие ее досужих мечтаний».

После столь сурового внушения, поняв, что лишилась царской милости, Крюденер впала в религиозный экстаз, изнуряла себя постом и молитвами. Вновь занялась мистически-экзальтированными пророчествами, заявляла о великой миссии, порученной ей Богом, предвещала великие бедствия, которые падут на Европу, и близкое пришествие Страшного суда.

Выдавала себя за Божью посланницу.

В это беспокойное время она познакомилась и сошлась с религиозной кликушей княгиней Анной Сергеевной Голицыной. Они подружились. Княгиня была оригинальной женщиной. С молодых лет отличалась эксцентричностью и экзальтированностью. Замуж вышла, будучи уже не первой молодости.

Супруг князь И. А. Голицын оказался бонвиваном и мотом. Был к тому же большим шутником и весельчаком. Проиграв все свое состояние, он решил женитьбой на богатой невесте поправить положение. Анна Сергеевна его не любила, но замуж пошла — пора было. Однако сразу же после бракосочетания, еще на выходе из церкви, она отдала ему портфель со словами: «Вот половина моего состояния, а я — княгиня Голицына, и теперь все кончено между нами!»

После этого они расстались навсегда. Княгиня стала вести свободный образ жизни, оригинальничала: ходила в мужском костюме и в чепце, увлекалась мистицизмом. Чтобы не возвращаться к светской жизни, остригла себе волосы. Вокруг нее собралась компания таких же заблудших душ.

Они объединились в колонию и решили обосноваться в Крыму. Ф. Вигель в своих воспоминаниях называет их «обществом мечтательниц». К этой группе примкнули баронесса Крюденер, ее дочь Юлия Беркгейм с мужем и загадочная графиня Гаше, французская эмигрантка, при которую говорили, что это та самая Жанна де Ламотт, знаменитая похитительница ожерелья королевы Марии Антуанетты.

На большой барке по Волге вся компания отправилась в Крым. На реке барка едва не потерпела крушение в бурю. Спастись удалось только благодаря находчивости и смелости княгини Голицыной — она вовремя срубила мачту.

Колонисты поселились в Кореизе на земле, принадлежащей княгине. Она и здесь продолжала оригинальничать — в длинном сюртуке скакала верхом на лошади с плетью в руках. Перед деспотичной сумасбродкой трепетали местные власти, боялись ее и татары, жившие тогда в Крыму. Здесь она и умерла в 1837 году.

Но еще раньше, в 1824 году, скончалась баронесса Крюденер. Перед смертью она впала в мрачное настроение, ее пугала смерть. От былой красоты ничего не осталось. Теперь это была иссушенная постоянным недоеданием, терзаемая телесно и духовно аскетка. Но она не производила, как считали современники, впечатления шарлатанки, не была религиозной обманщицей, а имела вид мечтательницы и «с одинаковой ревностью проповедовала новое Евангелие бедным и богатым,

императору и нищему», говорит ее немецкий биограф.

Похоронили баронессу Крюденер в Кореизе, близ Ялты. В ее биографии, сегодня малодоступной, сказано, что «ее жизнь полна драматизма благодаря странному сочетанию похождений страстной и честолюбивой искательницы приключений с христианскими подвигами самоотвержения и милосердия искренней энтузиастки».

Кара небесная

Все эти годы Авель скитался по России, переходил из монастыря и монастырь. Однажды он был представлен самому министру А. Н. Голицыну и имел с ним беседу.

Всесильный вельможа, друг детства царя встретил монаха в неизменном своем сером фраке, который носил, невзирая на переменчивость моды. Князь был, как обычно, приветлив и обходителен. Они оба отстояли службу в домашней церкви, где по воскресеньям собиралось много публики, а сейчас было свободно. Затем перешли в залу, украшенную портретами знаменитостей минувшего века, оттуда — в кабинет с богатой библиотекой из французских и итальянских книг.

Разговор зашел о сектантках, растущее влияние коих сильно беспокоило министра духовных дел. Авелю доводилось слышать и о ворожее Крюденер, и о модных карточных гадалках Буш и Кирхгофше, и эмигрантке княгине Тарант, и о Креверше, проповедовавшей «католическую, но не римского обряда» религию, и, конечно, о Татариновой — хлыстовке, радения которой одно время посещал даже сам царь. Это было до того, как с ней случился скандал и ее заключили в монастырь. Открылось, что в ее секту заставляли вступать принуждением, обращали силой — секли до крови розгами, морили голодом, держали строптивых в холодном чулане.

Надо заметить, что историю хлыстовства, возникшего на Руси еще в XVII веке, всегда сопровождали уголовные дела. Первое такое дело возникло в 1733 году. Тогда были казнены трое за то, что утверждали, будто бог Саваоф может воплощаться в праведных сектантах — «христах» и «богородицах» — неопределенное количество раз и так за одним Христом явится другой. Таинства православной церкви, мол, преобразуют хлыстовские радения, во время которых произносятся пророчества чаще всего в состоянии умоисступления, религиозного экстаза.

Никакие ходатайства об освобождении Тата-риновой успеха

не имели. Тем более, что она не изъявляла желания отречься от своих религиозных заблуждений. Наконец она все же согласилась дать подписку о том, что пребудет верною дщерью православной церкви, после чего ей дозволено было жить в Москве.

Но она нарушила свое обязательство и снова составила тайную секту из прежних и новых последователей. В ее сети угодил даже генерал-губернатор Остзейского края Головин. За его перепиской с Татариновой следила тайная полиция. Было известно, что, получая послания от руководительницы секты, он набожно крестился и целовал, как святыню, ее письма. Свои же послания к ней, которые удалось перехватить, он адресовал возлюбленной во Христе сестре, и они тоже были полны религиозных настроений. Подражая своей кумирше, он устроил в собственном доме молельню, наподобие той, что имелась у Татариновой и где он участвовал в ее радениях.

В конце беседы Голицын задал вещему Авелю — истинному, как он сказал, пророку — вопрос о том, что ждет, например, царствующего императора да и всю Россию в будущем. И Авель ответствовал, что *государя нарекут Благословенным, но ждет его в скором времени кончина. На престол взойдет его младший брат Николай, но накануне этого произойдет бунт.*

Вещие слова Авеля дошли до царя, но на этот раз прорицатель остался без преследования. Единственное, что последовало, — это определение поместить «монаха Авеля в Высотский монастырь». На сей счет архимандрит этой обители Амвросий получил указ из консистории.

Может показаться странным, что дерзкое предсказание Авеля на этот раз не прогневало царя. Но похожую судьбу предрек ему и преподобный Серафим, когда он посетил его в Сарове. Все это способствовало углублению мистического настроения у монарха. Мрачные, тревожные мысли не покидали его. И все чаще он мечтал удалиться куда-нибудь, чтобы долгим тяжелым подвигом добровольного отшельничества искупить свои вольные и невольные прегрешения. Возможно, хотел искупить грех прелюбодеяния.

Александр любил поволочиться за женщинами. У него были постоянные любовницы и множество мимолетных связей, например с мадемуазель Жорж, с актрисой Филис, с певицей Шевалье. Но настоящую страсть он испытал, пожалуй, лишь к Марии Нарышкиной. Связь с одной из первых красавиц двора началась, когда он был еще наследником, и продолжалась чуть ли не двадцать лет. Ходили слухи, что царь даже собирался на ней жениться, разорвав свой брак. Но и она была замужем за Д. Л. Нарышкиным, «князем каламбуров», тем самым, кстати говоря, в

вотчине которого родился преподобный Авель.

Царь не скрывал свою связь с Нарышкиной, открыто посещал ее дворец на Фонтанке, бывал на роскошной ее даче на Крестовском острове. Словом, это была большая, взаимная любовь, подарившая им дочь Софью. Конец наступил в 1814 году, когда Мария Антоновна влюбилась в князя Гагарина и уехала с ним в Италию.

О тогдашнем психологическом состоянии царя близкие к нему люди говорили, что бросалась в глаза смесь скрытности и искренности, величия и унижения, гордости и скромности, твердости характера и уступчивости, царственного величия и сознания собственной ничтожности. Иначе говоря, полное смятение души. Только глубокий разлад с самим собой, писал современник, только затаенное, не могущее быть высказанным кому бы то ни было горе, несчастье, только сознание вольной или невольной, но какой-то ужасной вины могут объяснить то, что произойдет после смерти Александра Благословенного, — возникновение знаменитой легенды о старце Федоре Кузьмиче, будто царь вовсе и не умер, а скрылся от мирской суеты в образе отшельника.

Именно в этот момент, когда драма мятущейся души царя обострилась как никогда, скончалась его дочь Софья от Марии Нарышкиной. Александр удалился в Грузино — имение своего любимца Аракчеева, чтобы там в одиночестве выплакать свое горе. Подолгу молился, стоя на коленях, да так усердно, что на ногах, как отметил врач, «образовались обширные затвердения». Уставший, разочарованный невозможностью сочетать власть и человечность, недоверчивый, отрешенный от света, царь жил затворником. Он говорил: «Провидение послало мне суровое испытание в этом году. Вера повелевает нам подчиниться, когда рука Божия наказывает нас: страдать не жалуясь — вот что Бог предписывает нам. Я стараюсь смириться и не боюсь показать мою слабость и страдания».

Осенью того же года Нева вышла из берегов, и страшная буря обрушилась на Петербург. Погибло более пятисот человек. Стихия повредила даже Зимний дворец, целые жилые кварталы были разрушены.

Во время заупокойной службы кто-то прошептал: «Бог нас наказал!» На что Александр, услышав эти слова, ответил: «Нет, это за грехи мои Он послал такое наказание!» Александр был убежден, что смерть дочери и бедствие — это кара небесная.

И еще одна напасть обрушилась на царя. Тяжело заболела его супруга Елизавета Алексеевна. Она сильно похудела, и врачи никак не могли поставить диагноз. Ей рекомендовали юг

Франции или Италию, но она отказалась покинуть Россию. Тогда предложили пожить в Таганроге на берегу Азовского моря.

Александр решил сопровождать жену и заодно произвести смотр военных поселений на Юге. В этот момент царю стало известно о тайном заговоре против него в среде военных, то есть о будущих декабристах. Но Александр не захотел что-либо менять в своих планах. «Предадимся воле Божией!» — сказал он и тронулся в путь. Перед самым отъездом приватно заявил принцу Оранскому: «Я решил отречься и жить как частное лицо». Вид у него при этом был, как вспоминал австрийский посол, «хмурый и переменчивый».

В конце сентября императорская чета прибыла в Таганрог. В свиту входило человек двадцать, не считая охраны. Но и здесь печальные новости настигали царя. Сначала пришло известие об убийстве любовницы Аракчеева, знаменитой Настасьи Минкиной, которую граф обожал. Она была зарезана дворовыми за издевательства и жестокие побои, которые приходилось от нее терпеть.

Александр содрогнулся, узнав подробности. Будто утром 10 сентября несколько человек дворовых вошли во флигель, где Настасья спала. Первым ее ударил ножом в шею повар Василий Антонов, сестра которого, Прасковья, накануне подверглась жестокому истязанию. Минкина отчаянно сопротивлялась, но была убита. Труп ее был найден с отрезанной головой, руки и пальцы были изрезаны, рот разорван, и все тело страшно изуродовано.

Обезумевший от горя и ярости граф остервенело вел следствие, выявляя участников и сообщников преступления. Когда Минкину хоронили, Аракчеев порывался броситься за нею в могилу. По делу привлекли более двадцати человек. Приговор был скор и суров: наказание кнутом и ссылка в каторжные работы. Повар и его сестра умерли на месте во время экзекуции, не вынеся «несоразмерное число ударов», которыми с 1754 года заменяли отмененную тогда смертную казнь.

Затем поступило новое донесение о заговоре. Несмотря на это, Александр решил возвратиться в столицу лишь в конце года и отправился в инспекционную поездку по Крыму. Посетил могилу недавно умершей баронессы Крюденер и помолился за упокой ее души.

Тогда же состоялась встреча Александра с начальником военных поселений на Юге графом И. О. Виттом. По совместительству этот генерал-лейтенант исполнял особые обязанности, возлагаемые на него царем. Он руководил, как мы теперь сказали бы, шпионской сетью на юге России, следил за

недовольными и строптивыми.

С некоторых пор графу стало известно, что на Юге зреет измена. Всю свою энергию генерал-шпион направил на то, чтобы выявить и уничтожить крамолу. Верный себе, он замыслил крупную провокацию. Этого жаждало его сердце, здесь могло развернуться его стремление к сенсации и реализоваться влечение к драматическим эффектам.

Когда осенью 1825 года царь прибыл в Таганрог, Витт рассчитывал быть вызванным для доклада лично к Александру I, у которого пользовался «абсолютным доверием». Чем этот хитрец пленил царя, точно сказать трудно, но факт остается фактом — император был к нему весьма расположен. Даже крупные финансовые злоупотребления, грозившие серьезными неприятностями, сошли ему с рук.

Одним словом, царь удостаивал его своим доверием и возлагал на него обязанности особой важности, «большей частью никому, кроме его величества и меня, не известные», признавался сам Витт. Раза два в год он встречался с царем, докладывал ему лично «о нужном», «принимал словесные государя приказания» и разного рода «изустные поручения».

Что это были за приказания и поручения? Витт туманно говорил, что они касались «разнообразных предметов». Ответ, как видим, весьма неопределенный. Дело, вероятно, требовало соблюдения абсолютной секретности. Впрочем, об одном таком задании известно: царь вменил

Витту в обязанность наблюдать за самим новороссийским генерал-губернатором М. С. Воронцовым, поскольку тот-де был «склонен к либерализму».

В этот раз при встрече с царем Витт рассчитывал преподнести ему «дорогой подарок»: выложить на стол сведения о существующем антиправительственном заговоре. И сообщить свой план его ликвидации и захвата участников «с бумагами и архивом». Лучше всего, мыслил он, сделать это во время киевских «контрактов», когда, по обычаю, на ярмарку съезжалась масса народа. Здесь же встречались и заговорщики.

Оставалось довыяснить некоторые детали, чтобы представить масштабы замысла и размах деятельности смутьянов. Это позволило бы составить полную картину заговора с его разветвлениями.

Все зависело от ловкости и умения виттовских агентов. Одному из них Витт поручил выдать себя за единомышленника заговорщиков и войти к ним в доверие. Этим агентом был Бошняк.

Судя по собственному его признанию, он согласился вполне

добровольно и сознательно, взвесив свои способности и «польстившись успехом». Немного, правда, беспокоила мысль, не будет ли память о нем очернена презренным именем шпиона. Но он быстро убедил себя, что бывают случаи, когда приходится жертвовать доброй славой.

В апреле 1825 года началась активная деятельность Бошняка на поприще тайного сыска как агента и провокатора.

Среди его знакомых находился В. Н. Лихарев — офицер, член тайного Южного общества, не очень заботившийся о том, чтобы скрывать свои взгляды. Приняв «личину отчаянного и зверского бунтовщика», Бошняк довольно скоро втерся в доверие к Лихареву, и тот открылся ему. «Операция» обрела реальность.

Позже, на следствии, офицер показал, что Бошняк со слезами сознался, что хотел бы «быть участником людей, которые думают и желают свободы». Поверив в его искренность, Лихарев рассказал о своей связи с В. Л. Давыдовым, одним из руководителей Южного общества.

Тогда, войдя в роль, Бошняк от имени Витта предложил, если потребуется, содействие подчиненных тому войск. Более того, граф дал ему указание при случае предложить в члены общества самого начальника военных поселений.

Само собой, агент тут же обо всем информировал своего шефа.

Успех превзошел все ожидания. Достоверно стало известно, что общество заговорщиков существует, притом немалое. Судя по «Записке А. К. Бошняка», представленной им позже следственной комиссии по делу декабристов, он получил сведения не только о структуре общества, но и о некоторых его руководителях. Подручный Витта сообщил, что «душой их скопища» является полковник П. И. Пестель, занимающийся сочинением конституции, что к заговору причастны В. Л. Давыдов, С. Г. Волконский, Рылеев, Муравьев, Бестужев (полные имена которых пока еще не были известны: речь шла о С. И. Муравьеве-Апостоле и П. М. Бестужеве-Рюмине. — *Р. Б.)*.

В первой половине мая Витт и Бошняк основательно проанализировали ситуацию и наметили способы «дальнейших действий в столь важных, сколь и необыкновенных, обстоятельствах».

Однако Витт не спешил. Было бы весьма эффектно, мыслил он, представить царю полный список членов организации. Но понимал, что это невозможно — интерес к именам второстепенным мог возбудить подозрение. Впрочем, «открытие главных злоумышленников влечет за собою открытие и прочих». Надлежит узнать, когда и в какое время назначены открытые

действия. Неплохо также разузнать, велика ли сумма, хранящаяся в кассе бунтовщиков, и в чьих руках она находится.

Бошняк получает приказ действовать решительно, но осторожно, чтобы не спугнуть дичь и до конца разоблачить «злодейскую шайку».

Тем временем заговорщики спохватились. Бошняку категорически запретили сообщать Витту о существовании заговора, поскольку были получены сведения, что тот является «агентом правительства».

На всякий случай приняли решение объявить, что общество будто бы распущено, а Лихареву (в чем он сам и признался Бошняку) «за излишнюю опрометчивость при открытии тайны приверженцу графа Витта» сделано порицание и воспрещались всякие действия.

Тем не менее провокатору, прибегнувшему «к якобинским беснованиям», удалось вернуть доверие. Вновь почувствовав себя уверенно, он продолжал убеждать, что граф Витт может быть полезным и преданным членом тайного общества, что он даже «готов подвинуть весь свой корпус на помощь возмутителям». При этом добавлял, что ручается за него, ибо «судьба графа связана с его судьбою, и что связь их такого роду, что разорваться не может». Больше того — за погибелью одного, заявлял он, последует погибель другого.

Известно, что полуправда опаснее откровенной лжи, ибо реже вызывает недоверие. Именно по этому рецепту действовал Бошняк. То, что он говорил, было, собственно, даже не полуправдой, а самой правдой, перевернутой и представленной в ином смысле. Он действительно был прочно связан с Виттом, впоследствии не один год неизменно находился при графе, служил ему до самой своей смерти.

Предполагаемая встреча Витта с царем, если бы об этом стало известно, несомненно, насторожила бы заговорщиков. Он это понимал и поначалу намечал отправиться в Петербург якобы в отпуск. Когда же Витт узнал, что Александр I намерен посетить Таганрог, он попросил разрешения представиться царю в этом городе, расположенном в губернии, где находились военные поселения. Таким образом, встреча носила бы чисто служебный характер: неожиданно вызвали для отчета. Он настоятельно просил царя о встрече, уверяя в письме, что дело идет не о поселениях, то есть делах служебных, и того менее о личных интересах, а прежде всего о спокойствии государя и его безопасности.

Витт был вызван по высочайшему соизволению в Таганрог, где 18 октября увиделся с царем и доложил о сделанных им

открытиях. Он представил также полученное им якобы анонимное письмо, помеченное 3 августа. Скорее всего, оно было сфабриковано Бошняком по указанию Витта либо (что менее вероятно) кем-нибудь из других его агентов. Но кто бы ни писал этот документ, его содержание не могло остаться без внимания. Выставляя Витта верным слугой царя и отечества, зорким стражем своего владыки, автор письма рисовал далее «страшную картину заговора». Опасность близка, она ужасающе хорошо обдумана, предупреждал анонимный осведомитель и сообщал, что ему удалось проникнуть «во все недоступные изгибы» этого «черного заговора», задуманного «с поразительной предусмотрительностью».

Как реагировал на все это царь и его окружение? Из донесения начальника Главного штаба барона И. И. Дибича известно, что план Витта получил одобрение. Пока же ему приказали «продолжать открытия свои» и, если возможно, «усиливать оные». (К этому времени поступил донос и от Шервуда, также предупреждающего о наличии заговора.)

Вернемся, однако, немного назад — к тому моменту, когда Витт всячески пытался лично вступить в сношения с членами Южного общества.

Убедившись, что они колеблются и все еще не доверяют ему, мастер интриги решил действовать по-иному. От его имени Бошняк предупредил, что графу наскучила их недоверчивость и он полагает «предоставить их собственной судьбе». Такой оборот встревожил В. Л. Давыдова и его товарищей. На это, собственно, и рассчитывал Витт.

После сего демарша Бошняку, продолжавшему игру, нетрудно было уговорить Лихарева и Давыдова увидеться с Виттом на «контрактах» в Киеве в начале будущего года. Удостоверившись в верности графа Витта, убеждал Бошняк, они смогут обсудить «нужные меры в сообществе с главными начальниками заговора». Витт был близок к цели. Он надеялся, что удастся разузнать о контактах заговорщиков в военных поселениях, добыть данные о других ответвлениях заговора и иные сведения. Из-за «недовольной еще основательности оных» многое оставалось неясным.

Тем не менее Витт доложил обо всем царю. И что же тот? Как оценил усилия верного слуги? Заявил по поводу заговорщиков: «Не мне их судить». И как три года назад не дал хода делу о существовании тайного общества после доклада генерала И. В. Васильчикова, бросив в камин список заговорщиков, так и теперь не стал должным образом реагировать на донесение Витта.

Но сказать, что эти сведения не повлияли на него, и прежде

всего на состояние его здоровья, будет неверно. Узнав о том, что заговорщики намерены первым делом устранить его, Александра, он стал чрезвычайно подозрителен, опасался отравления. Когда его личный врач Виллис предлагал ему лекарства, он отказывался их принимать, ссылаясь на то, что главная причина его недомогания — это расстройство нервов. И только следуя воле Божией он согласился принять лекарства, от которых до сих пор отказывался.

Но уже ничто не могло ему помочь. У него началась сильная горячка, видимо, простудного характера, силы его таяли на глазах. И 14 ноября Александр исповедался, причастился и соборовался. 19 ноября 1825 года он скончался. Царица сама закрыла его глаза и перевязала челюсть платком.

А дальше начинается загадочная история, в которой до сих пор все неясно.

Врачи, лечившие царя, Виллис и Штофреген, а также князь П. М. Волконский и барон И. И. Дибич подписали свидетельство о смерти. На другой день составили акт вскрытия, который подписали девять медиков и генерал-адъютант Чернышев. Затем тело было набальзамировано, одето в мундир армейского генерала с орденами, на руки надели белые перчатки. В таком виде покойного положили в гроб и повезли через всю, можно сказать, Россию в Петербург. На всем пути следования траурного кортежа сани с гробом тащили обыватели в своем верноподданническом рвении.

Через месяц с лишним, в начале февраля, золотая колесница (гроб переложили с саней), покрытая черным балдахином, въехала в первопрестольную. Городской люд, которому нечасто случалось видеть подобное, заполнил улицы. Как писал современник, даже кровли покрыты были зрителями. По обеим сторонам улиц, расчищенных от сугробов, от заставы сплошной цепочкой стояли солдаты, причем, согласно секретному приказу, с заряженными ружьями. По городу усиленно ходили слухи, будто во время проезда траурного кортежа произойдут выступления недовольных.

Ничего подобного, однако, не случилось. Процессия, окутанная траурным флером, отчего на белом снегу выглядела сплошной черной лентой, мирно и печально проследовала от Серпуховской заставы через город.

Гроб был установлен в Архангельском соборе, где короновали и отпевали российских самодержцев.

Надо заметить, что на всем пути от Таганрога до Москвы во время перевозки гроба его неоднократно вскрывали и составляли протокол осмотра.

Из Москвы гроб перевезли в Петербург. Для прощания царской семьи с покойным гроб был открыт глухой ночью. Так повелел брат покойного Николай Павлович, будущий царь Николай I. Мать умершего, вдовствующая императрица Мария Федоровна, при вскрытии гроба признала в покойном своего сына.

Однако уже тогда пополз слух, что царь не умер, а еще в Таганроге ночью сел на английский корабль и отплыл на родину Христа, в Палестину. Иные утверждали, что из Таганрога доставили труп солдата, забитого шпицрутенами, со сломанным позвоночником. Другие уточняли, заявляя, что это был никакой не солдат, а кучер… Нашелся очевидец, солдат, стоявший на часах при квартире царя, который будто бы видел, как накануне смерти государя какой-то человек высокого роста пробирался в таганрогский дом, где тот жил. Солдат уверял, что это был царь!

Прошло десять лет. Однажды в Пермской губернии у дома кузнеца остановился всадник и попросил подковать коня. Незнакомец был высокого роста, благородной осанки, скромно одетый, на вид примерно шестидесяти лет. На вопрос, кто он, незнакомец отвечал, что зовут его Федором Кузьмичом, что у него нет ни дома, ни семьи, ни денег. За бродяжничество и нищенство его сослали в Томскую губернию. Он работал здесь некоторое время на винокурне, потом стал разъезжать с места на место.

Всех поражало сходство его с покойным Александром I. Старый солдат, однажды увидев его, бросился в ноги старцу с криком: «Царь! Это наш батюшка Александр! Так он не умер?!»

Поползли слухи один чище другого. Будто на столе у этого старца видели подлинник брачного контракта царя, почерк у него был как у Александра, на стене висела икона с буквой «А» и императорской короной. Более того, он был, как и покойный царь, немного глуховат. Отличался образованностью, знал несколько языков. Все, кто общался с ним, относились к нему с превеликим уважением и оказывали знаки величайшего почтения. И вскоре составилось общее мнение, что старец Федор Кузьмич — это покойный государь, который не умер, а скрылся и живет под другим именем.

Умер старец Федор Кузьмич в январе 1864 года, так и не назвав своего настоящего имени. Похоронен он был в ограде Богородице-Алексе-евского мужского монастыря. На его могиле поставили крест с такой надписью: «Здесь покоится прах великого и благословенного старца Федора Кузьмича».

Изучив почерк старца по сохранившимся нескольким его запискам, графологи пришли к выводу, что его почерк очень

похож на почерк Александра.

С тех пор проблема Федора Кузьмича вот уже много лет волнует историков. Тайна старца Федора Кузьмича интересовала Льва Толстого, и великий писатель увлекся легендой о превращении царя в бродягу, не помнящего родства. Занимала эта тайна и членов императорской семьи Романовых. Александр III, внук Александра I, хранил портрет Федора Кузьмича в своем рабочем кабинете, Николай II посетил его могилу во время своей поездки по Сибири. А великий князь Николай Михайлович написал в 1907 году целое исследование о таинственном старце.

Кончина преподобного

В канцелярских бумагах Высотского монастыря о монахе Авеле было записано, что он из крестьян, шестидесяти пяти лет, в монашество пострижен в 1797 году в Александро-Невском монастыре, из оного переведен в Соловецкий монастырь в 1801 году. Обучен российской грамоте — читать, петь и писать; в штрафах не был.

Хотя Авель в этом монастыре вел смиренный образ жизни, чем-то он пришелся не ко двору архимандриту Амвросию. Тот написал на него ложный донос митрополиту Филарету.

После этого Авель забрал все свои пожитки и в начале июня 1826 года, накануне предполагавшейся коронации нового царя, самовольно покинул монастырь. Куда он направился, никто не знал.

Вскоре, однако, Авель объявился в Москве. Здесь к нему обратилась вдова фельдмаршала графиня П. П. Каменская с вопросом: «Будет ли коронация и скоро ли?» Вопрос был продиктован, видимо, тем, что графиня надеялась во время коронации получить какую-нибудь награду и ей не терпелось узнать, когда она состоится.

На ее вопрос Авель ответил: «Не придется вам радоваться коронации». Слова провидца моментально разнеслись по Москве, и многие решили, что предсказание вещего Авеля касалось коронации Николая Павловича на царство.

На самом же деле Авель вложил в свои слова иной смысл. Он имел в виду, что графине Каменской не придется присутствовать (радоваться) на коронации, так как она прогневала государя и тот запретил ей приезд в Москву. А гневался на нее Николай из-за того, что в ее имении крестьяне устроили бунт, возмущенные жестокостью управителя.

Между тем Москва готовилась к коронации. Церемония эта,

обряд венчания на власть, как и многие другие давние обряды, проводились в Москве. Не одно столетие коронование совершалось в Успенском соборе Московского кремля. Здесь российские монархи принимали символы власти и императорские регалии — мантию и царский венец. Под торжественный трезвон и пушечную пальбу предстояло возложить на себя российскую корону и Николаю I.

16 июля царский поезд выехал в Москву.

Столица без двора, как называли первопрестольную, получила наконец возможность удовлетворить одряхлевшее тщеславие и исполнить свою привилегию, совершить традиционное таинство — обряд помазания на царство. День коронования со времени Петра I был объявлен праздничным, как дни рождения и тезоименитства царей. Ждали, как полагалось по обычаю, милостей и прощений и еще — гулянья с угощением и увеселением.

Приготовления к празднеству начались еще в конце июля. На Девичьем поле сколачивали балаганы, строили качели и карусели. Здесь должно было состояться так называемое народное гулянье. К Девичьему полю тянулись подводы с лесом, доносился стук топоров. И в один из дней разнесся слух, что прибыл государь и остановился в Петровском путевом дворце, за Тверской заставой. Обычай этот ввел августейший папаша Николая Павловича, первым сделавший остановку у границ города перед коронованием. Утром 25 июля состоялся торжественный въезд царя в древнюю столицу.

У Страстного монастыря и на Тверской собрались толпы народа, чтобы приветствовать государя. Оказался в толпе и Авель. Он обратил внимание на то, что Николай был мрачен. «Есть отчего, — подумал монах. — Начать царствование с пролития крови, с расправы над хотя и бунтовщиками, ничего хорошего не предвещает».

Происшествие 14 декабря — бунт на Сенатской площади — осуждали единодушно. Иначе как преступниками, изменниками и злодеями бунтовщиков не называли. И пуще всего опасались выказать участие тем, кто был взят и посажен в крепость, боялись произнести теплое слово о родных и друзьях, которым недавно жали руку. И многие страшились показываться среди людей, подозрительных для властей.

Вот почему в такой обстановке Авель, опасаясь за свои слова, сказанные графине Каменской, предпочел исчезнуть из Москвы. Но было уже поздно — царю донесли о нем. Последовало распоряжение: разыскать. Особого труда это не составило, так как Авель в общем-то и не помышлял прятаться.

Он жил в это время в Тульской губернии, близ Соломенных заводов, в деревне Акулово. Отсюда отправил два письма некоей Анне Тихоновне. Он писал: «Желаю и всему вашему семейству всякого благополучия, как телесного, так и душевного. Я, отец Авель, ныне нахожусь в Соломенных заводах, в деревне Акулово, от завода семь верст, проехачи завод налево. Ежели угодно вам ко мне приехать, тогда я вам всю историю скажу, что мне случилось в Высотском монастыре…» Далее он просил пересылать ему письма и сообщал, что намерен прожить тут «за болезнию от июня один год».

В другом письме, отправленном тогда же, Авель поведал, как его «Высотский отец архимандрит ложным указом хотел послать в Петербург к новому Государю. Нарышкин же доложил о том Его Величеству Николаю Павловичу» и рассказал ему всю историю монаха, как он сидел в шести тюрьмах и трех крепостях, а всего провел в застенках двадцать один год. На что царь приказал отцу Авелю «отдалиться от черных попов и жить ему в мирских селениях, где он пожелает». О чем Авелю и сообщил Д. Л. Нарышкин. И еще сей благодетель предложил ему «подать просьбу в Синод и взыскать в свою пользу штраф с высотского начальства тысячу рублей за ложное злословие, что якобы отца Авеля приказано было прислать в Петербург».

В том же году, в августе, последовал указ Синода со ссылкой на обер-прокурора князя П. С. Мещерского о том, что государь, ознакомившись с докладом по делу монаха Авеля, определил ему жить в суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре.

По существу это было новое заточение, ибо монастырь этот был не столько обителью для отказавшихся от мира подвижников, сколько острогом для духовных и светских лиц.

Здесь и довелось Авелю прожить остаток дней. Прорицатель скончался 29 ноября 1841 года после продолжительной и тяжелой болезни, напутствованный Святыми Таинствами, и был погребен за алтарем церкви Св. Николая.

Но оставались в памяти его пророчества о том, что ждет русских царей в будущем, какая судьба уготована Провидением Александру II и Николаю II. Ответ Авеля на вопрос Павла I хранился в запечатанном конверте и до поры был недоступен.

Храм на крови

За полвека до начала эпохи Александра II вещий Авель назвал будущего царя Освободителем. Что мог иметь в виду предсказатель? Только ли освобождение балканских народов от

османского ига? Или он прозревал великие реформы и освобождение крестьян? То есть отмену крепостного права, которого сам, как говорится, хлебнул с лихвой.

Александр II осуществил то, что задумал еще его дядя Александр I. Но именно на этого царя было совершено четыре покушения и — ирония российской истории — убит он был в 1881 году, когда собирался подписать конституцию. Историк В. О. Ключевский скажет о нем: «Он заметно отличался от своих ближайших предшественников отсутствием наклонности играть в царя. Александр II по возможности оставался самим собой и в повседневном, и в выходном обращении… Он не хотел казаться лучше, чем был, и часто был лучше, чем казался. Он не искал усиления, но умел ценить умных и образованных дельцов… Такие дельцы и вынесли на своих плечах тяжесть законодательной работы над крестьянской реформой. Он отличался мужеством особого рода. Когда он становился перед опасностью, мгновенно выраставшей перед глазами и обыкновенно ошеломляющей человека, он без раздумья шел ей навстречу, быстро принимал решения».

Но, как и у всякого живого человека, у Александра II были слабости. Нередко он колебался, решался на скорые, подчас необдуманные действия, а главное, был опасливо-мнительным. Как ни странно, мнительность становилась источником решимости. Больше всего он опасался восстания снизу и поэтому решился на революцию сверху.

За крестьянской реформой (1861) последовали реформы образования (1863), судебная (1864), местного самоуправления (1864, 1870), финансов и печати (1865), военная (1860–1870). Целый, как сказали бы мы сейчас, пакет реформ, продолжавших и дополнявших одна другую. Можно добавить, что при Александре II завершилось присоединение к России Кавказа (1864), Казахстана (1865), значительной части Средней Азии (1881).

Современному читателю, чтобы составить сколько-нибудь объективное представление о годах царствования Александра II, об эпохе России времен отмены крепостного права и Александре II как государе и человеке, нельзя ограничиться сухими строками школьного учебника.

Многое отличало нового царя от предшественников в день восшествия на престол. О нем знали сравнительно мало: этот человек любил путешествовать. Несмотря на военное прошлое, он слыл человеком миролюбивым, и на основании этой репутации биржи западных государств ознаменовали его воцарение общим повышением курса государственных бумаг. В 1855 году ему было уже тридцать семь лет. Это был сложившийся человек,

воспитанный более поэтически (его наставником стал известный поэт В. А. Жуковский), нежели прозаически, с привычкой к продуманному принятию государственного решения и без склонности играть в солдатиков, оловянных или живых.

Важную деталь подчеркивал А. И. Герцен в открытом письме государю 11 марта 1855 г. «Государь! — писал он. — Ваше царствование начинается под удивительно счастливым созвездием. На Вас нет кровавых пятен, у Вас нет угрызений совести.

Весть о смерти отца Вам принесли не убийцы его. Вам не нужно было пройти по площади, облитой русской кровью, чтобы сесть на трон. Вам не нужно было казнями возвестить народу Ваше восшествие.

Летописи Вашего дома едва ли представляют один пример такого чистого начала».

И дальше Герцен восклицал:

«Уму нашему тесно, мысль наша отравляет нашу грудь от недостатка простора, она стонет в цензурных колодках. Дайте нам вольную речь… Нам есть что сказать миру и своим.

Дайте крестьянам землю — она и так им принадлежит».

Казалось, Александр II по настроению своему и просвещенности был готов сделать и то и другое.

Как никто из российских самодержцев, Александр II был подготовлен к своей исторической роли. И дело даже не в том, был ли он либералом. Александр II был убежден, как и вся «интеллигентная» Россия, что отсталое его Отечество сможет занять подобающее место в мире лишь после глубокого преобразования, что это преобразование будет делом его личной славы и восстановлением императорского престижа.

В течение многих лет Александр II был законным наследником, в течение двадцати лет после совершеннолетия принимал довольно деятельное участие в делах правления (как то и было заведено при российском дворе, да не со всеми наследниками получалось, не все, к слову, и выказывали такое усердие, как великий князь Александр Николаевич). Он занимал ответственные военные должности, присутствовал в Государственном совете, был членом Синода.

Александр Николаевич даже прошел нечто вроде курса высших государственных наук, изучал не только военное дело, но и дипломатию, и законоведение, которое, кстати, читал ему выдающийся государственный деятель России, реформатор в отставке и человек драматической судьбы М. Сперанский, задолго до восшествия на престол государя-реформатора мечтавший о конституции для России.

Понимая необходимость радикальных реформ, начал новый российский император с реализации своих познаний в дипломатии: нужно было срочно покончить с тяжким наследием Крымской войны. Только после заключения Парижского мира, преодолев нудное сопротивление ближайшего окружения, создал Александр II в начале 1857 года Секретный комитет по крестьянскому вопросу, который должен был разработать план постепенного освобождения крестьян — «без крутых и резких переворотов». За эту формулировку — наказ государя составителям реформ — царя потом на протяжении многих десятилетий ругали. А в ней, возможно, и была главная мудрость правителя. Без переворотов худо-бедно, а реформа пошла. Ругали и за то, что велась работа по освобождению крестьян уж очень «секретно». Секретность же была необходима. И потому, что крепостники составляли тогда могучую оппозицию реформам, и потому, что освобождение могло начаться снизу. Для успеха реформы сверху, которая в силу своего эволюционного характера единственно могла иметь перспективу для России, нужна была «секретность».

Именно поэтому, выступая на приеме представителей московского дворянства 11 апреля 1856 года, Александр II заявил, что слухи о намерении правительства освободить помещичьих крестьян неосновательны. Однако вслед за тем он признал, что «рано или поздно» крепостное право придется отменить, и добавил: «Гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу».

Опасаясь народных волнений, Александр II требовал ускорения подготовки закона об отмене крепостного права. Он понимал и трезво оценивал обстановку. На заседании Государственного совета в январе 1861 года он заявил: «Всякое дальнейшее промедление может быть пагубно для государства».

Окончательный текст закона об освобождении крестьян был утвержден царем 3 марта (19 февраля) 1861 года. Одновременно им был подписан особый манифест об отмене крепостного права в России.

Условия, на которых были освобождены крестьяне, еще долгое время оставались предметом конфронтации различных социальных и политических сил страны. А тем временем стали отменяться мелкие притеснения николаевского режима, радовались паспортным облегчениям, возможности свободно выезжать за границу, были уничтожены военные поселения, слабела цензура и, соответственно, смелела литература…

Россия постепенно превращалась в буржуазную монархию. Пореформенные десятилетия ознаменовали собой период

капиталистической индустриализации. Значение при этом имело то, что Россия, вступив позднее других европейских стран на путь капитализма, могла использовать уже имевшиеся технический опыт и организационные формы промышленно-капиталистического развития. Не случайно даже В. И. Ленин признавал, что в то время «развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых странах Европы целые века».

В конце первого десятилетия после реформы Россия вступила в полосу усиленного учредительства предприятий, банков, акционерных обществ. Однако большая часть акционерных капиталов была вложена при этом не в промышленность, а в торговые предприятия, банковское дело и железнодорожное строительство. В результате во время кризиса 1873–1875 годов многие из акционерных компаний, возникших в обстановке биржевого ажиотажа, обанкротились.

Имя Освободителя было дано Александру II Герценом. Людская молва, а затем и официальная печать закрепила это звание.

Однако можно ли было не споткнуться, если сами реформы проводились в жизнь их противниками, представителями той государственной командно — административной системы, которая была создана за несколько десятилетий Николаем I. И главная сила поддержки государя — российские дворяне — в массе своей не были сторонниками последовательных и далеко идущих реформ.

Чтобы одолеть то, что сегодня ученые называют «террором среды», нужно было, видимо, иметь иное мужество, чем то, которым обладал Александр Николаевич Романов. Его ли одного винить в неудачах? С одной стороны, угроза дворянской оппозиции, с другой — угроза темного крестьянского бунта. Правда, во всех своих планах Александр Николаевич находил поддержку в семье, особенно у великой княгини Елены Павловны, Поддерживали государя и ближайшие его сподвижники.

Сопротивление реформам усиливалось. Кончилась «революция сверху» тем, что крестьян обложили платежами, превышающими стоимость перешедшей к ним земли. Помещики скоро прокутили выкупные суммы. Конечно, Александр II не желал этого, но получил после реформы нищих крестьян и бедных помещиков. Мечтал же он о создании двух крепких сословий. Таким образом, проблема, вокруг которой сталкивались их интересы, оказалась нерешенной.

Проще вышло с реформами военной, судебной, земской и реформой местного самоуправления. Хотя и здесь не обошлось

без серьезного сопротивления. Нередко красиво задуманная реформа местного самоуправления вырождалась, по словам бывшего вице-губернатора М. Е. Салтыкова-Щедрина, лишь в «лужение рукомойников» в больницах. Однако начало ограничения власти «помпадуров и помпадурш» российской провинции было доложено.

Лучшим же достижением Александра II — и это признают даже его противники — была судебная реформа. Колоссальная работа по составлению новых судебных уставов была проделана всего за одиннадцать месяцев. В некоторых отношениях реформа шла дальше европейских аналогов (например, выборное начало мирового суда имелось тогда лишь в Америке).

Сколько бы ни критиковали реформы Александра II за половинчатость, а его самого — за мнительность и нерешительность, дело двигалось. В апреле 1865 года появился наконец долгожданный новый закон о печати, который должен был, согласно высочайшему повелению, «дать отечественной печати возможные облегчения и удобства».

Однако и здесь сопротивление реакционеров проявилось не в открытых выступлениях против государственных реформ, а в торможении самого их процесса, облачении их во множество стягивающих пут. Так, глава управления по делам печати консерватор Валуев постепенно добился множества ограничении для печати, почти сводящих на нет задуманный закон.

Реформы буксовали. Но гражданам России, обеспокоенным этим фактом, было неведомо, что виной тому не трусливость или консерватизм царя, а жесткое сопротивление его реакционного окружения.

В результате 4 апреля 1866 года раздался выстрел в Летнем саду. Пуля была направлена в Александра II. Государь остался невредим. Но это было предостережение.

Начатый процесс «революции сверху» тем временем продолжался. Тормозилась одна реформа, удавалась другая. Хорошо пошла военная реформа. В те годы Россия приращивалась и на Кавказе, и в Средней Азии, и на Дальнем Востоке. Были присоединены Амурская область, Уссурийский край, Россия получила свободный выход к Тихому океану. В Средней Азии к России присоединили обширный край с городами Хивой, Бухарой, Ташкентом.

С успехом было завершено перевооружение российской армии, введен новый устав о воинской повинности. Вскоре армия показала чудеса храбрости и выносливости под Плевной и на Шипке в боях за освобождение балканских славян от османского ига.

Внутреннее же положение в России ухудшалось. Одни были недовольны тем, что реформы тормозятся, другие тем, что темпы постепенного упразднения реформ слишком медленны. Те и другие обвиняли в слабости царя. И уж совсем были недовольны его политикой представители нарождающегося российского пролетариата. Призыв к кровавому террору находил отклик у рабочих, а не чувство христианского непротивления. Виноватых во всех бедах искали и находили. И в еврейских местечках, и в Зимнем дворце.

В январе 1865 года московское дворянство большинством в 270 голосов против 36 приняло текст адреса, в котором просило императора «довершить государственное здание созванием общего собрания выборных людей от земли русской для обсуждения нужд, общих всему государству».

Спустя некоторое время одному из предводителей дворянства, Голохвастову, Александр II, обсуждая возможность введения в тот момент в России конституционного правления, заметил: «Я даю тебе слово, что сейчас, на этом столе, я готов подписать какую угодно конституцию, если бы был убежден, что это полезно для России. Но я знаю, что, сделай я это сегодня, завтра Россия распадется на куски. А ведь этого и вы не хотите».

Дело не столько в том, что он не верил в возможность приложения европейской модели парламентаризма к России, сколько в том, что считал: рано.

Когда же Александр II пришел к мысли, что время настало, оказалось: поздно! В разных местах города его подстерегали бомбисты. История не оставила времени дать России конституцию, закончить ею «революцию сверху». История оставила ему лишь часы, чтобы достойно и мужественно умереть.

Историк Н. Я. Эйдельман в книге «Революция сверху» в России» подметил: Александр начал свою «революцию сверху» не только тогда, когда это стало нужно (нужно было и раньше), но и тогда, когда это стало возможно. А если начатое дело не во всем удалось, то тому были причины и объективного, и субъективного характера. Но важен факт: то, что было им сделано, было сделано на благо России и пошло ей на пользу.

Драма России второй половины XIX века состояла еще и в том, что государственная власть, «реформаторы сверху» не сумели завязать диалог с либеральной интеллигенцией, разночинной демократией, энергичными земскими деятелями.

Драма Александра II как реформатора состояла, возможно, именно в неспособности использовать массу сочувствующих его реформам. А потерявшие веру «внутренние сторонники» в определенный момент становятся противниками.

Александр II был обречен, а вместе с ним и дело его жизни — «революция сверху».

На фоне чудовищного разгула терроризма жизнь в Зимнем дворце походила на идиллию.

Александр II все свободное от государственных дел время проводил с супругой Екатериной Михайловной и детьми. Сохранившиеся фотографии доносят до нас атмосферу, которая царила в семье, — тихая радость, полное согласие и счастье.

Именно в этот момент во время следствия над бомбистом Желябовым удалось узнать о том, что в ближайшие дни будет предпринята новая попытка убийства царя. Ему советовали особенно поостеречься и не выезжать 1 марта на традиционный воскресный парад в манеже, на развод, как тогда говорили. Особенно настаивал на этом министр внутренних дел Лорис-Меликов, прекрасно сознававший всю степень опасности, которой подвергался царь. Умоляла его не рисковать и Екатерина Михайловна. Но Александр возразил: «А почему же мне не поехать? Не могу же я жить как затворник в своем дворце».

В воскресенье, 1 марта, прослушав обедню, приняв министра внутренних дел и наскоро позавтракав, Александр пришел проститься с женой перед отъездом на развод. Сообщил ей, как он намерен провести день. Сначала поедет в Михайловский манеж на развод, после чего заедет к великой княгине Екатерине, живущей вблизи манежа, и вернется без четверти три: «Тогда, если хочешь, мы пойдем гулять в Летний сад». Екатерина Михайловна сказала, что будет ждать его.

Александр II выехал в закрытой карете. Его сопровождали шестеро терских казаков, седьмой поместился на козлах слева от кучера. За царской каретой в двух санях ехало трое полицейских, в том числе и начальник охраны государя полковник Дворжицкий.

По давней традиции император каждое воскресенье присутствовал на разводе караулов в манеже, где свободно могли разместиться несколько эскадронов. На разводе были также великие князья, генерал-адъютанты и послы, которые имели военный чин. Во время церемонии Александр II выглядел спокойным и уверенным. Покончив с разводом, он, как и намечал, посетил свою тетку великую княгиню Екатерину и выпил у нее чашку чаю.

В два часа с четвертью император вышел и сел в карету, приказав скорее ехать в Зимний. Его сопровождала та же охрана.

Миновав Инженерную улицу, карета выехала на Екатерининский канал и поехала вдоль сада Михайловского дворца. На улице было пустынно, и карета, запряженная

орловскими рысаками, шла очень быстро. Несколько полицейских агентов, расставленных по маршруту, наблюдали за улицей. Они видели мальчика, тащившего салазки с корзиной, офицера, двух или трех солдат и молодого человека со свертком в руках. Когда царская карета поравнялась с ним, он бросил его под ноги лошадей.

Раздался страшный взрыв, звон разбитого стекла. Из-за поднявшегося густого облака дыма и снега сразу ничего нельзя было разобрать. Слышались крики и стоны. Два казака и мальчик с салазками лежали в луже крови, около них убитые лошади.

Бомбиста схватили выскочившие из саней полицейские. (Им окажется народоволец Рысаков.) Сбежался народ.

Александр II остался цел и невредим, был лишь оглушен взрывом. Казалось, и на сей раз Бог миловал. Пошатываясь, царь направился к бомбисту, которого толпа грозила растерзать. Полковник Дворжицкий спросил царя: «Вы не ранены, ваше величество?» Он ответил: «Слава Богу, я цел». Подойдя к террористу, с минуту смотрел на него и наконец глухим, словно простуженным голосом спросил: «Ты бросил бомбу?» — «Да, я». — «Кто таков?» — «Мещанин Глазов». — «Хорош. — И уже по-французски повторил: — Un joli Monsieur» (Хорош господин!»).

Полковник Дворжицкий предложил государю скорее сесть в карету и ехать. Как бы отвечая на прозвучавший вопрос, «не ранен ли он», Александр медленно ответил, показывая на корчившегося в снегу раненого мальчика: «Я нет… Слава Богу… Но вот…» На что услышал угрожающие слова убийцы: «Не слишком ли рано вы благодарите Бога?» И действительно, едва царь двинулся дальше, как к нему из толпы приблизился другой террорист со свертком, в котором была бомба, и бросил ее под ноги Александру.

Новый взрыв, оглушительнее первого, потряс воздух. Александр и его убийца (им окажется народоволец Гриневицкий) лежали оба на снегу, смертельно раненные. Лицо царя было окровавлено, пальто изорвано. Кругом валялись куски вырванного мяса, он истекал кровью. Глаза его были открыты, губы шептали: «Помогите мне… Жив ли наследник?..»

Когда первое оцепенение прошло, к царю бросились кадеты, оказавшиеся рядом, и жандармский ротмистр Колюбакин. Тут же находился и третий террорист, некто Емельянов, тоже с бомбой в виде свертка. Должно быть, на случай, если предыдущий взрыв не достигнет цели.

Царя уложили в сани полковника Дворжицкого. Кто-то предложил перенести раненого в первый же дом, но Александр, услышав это, прошептал: «Во дворец… Там умереть…» Вид его был страшен: одежда частично сожжена, частично сорвана

взрывом, правая нога оторвана, левая раздроблена и почти отделилась от туловища, лицо и голова иссечены осколками.

На руках (носилок не оказалось) царя перенесли из саней во дворец. Все были перепачканы кровью, как мясники на бойне. В дверь дворца пройти толпой не удалось, тогда ее выломали, и по мраморной лестнице, по коридорам царя пронесли в кабинет. Он был без сознания.

Фельдшер Коган прижал артерию на левом бедре царя. Доктор Маркус при виде медленно раскрывшегося окровавленного левого глаза умирающего лишился чувств. Вошел лейб-медик, известный врач Боткин, но и он оказался не в силах помочь.

Когда Екатерине Михайловне доложили, что с царем несчастье, она, не теряя присутствия духа, подбежала к аптечке с лекарствами и, велев слуге нести их в кабинет, сама бросилась туда же. В это время царя как раз вносили. Казаки уложили кровавое месиво на кровать. С редким самообладанием Екатерина Михайловна принялась обмывать раны. Растирала виски эфиром, давала дышать кислородом и даже помогала хирургам перевязывать ноги, чтобы остановить кровотечение.

Прибыли наследник, великие князья и княгини. Неизменно у постели умирающего находилась супруга. Вскоре началась агония, длившаяся три четверти часа. Дыхание стало затруднительным, государь продолжал быть в бессознательном состоянии. «Есть ли надежда?» — спросил доктора Боткина наследник. Тот отрицательно покачал головой и проговорил: «Тише! Государь кончается». Протоиерей Рождественский успел еще до этого причастить умирающего.

В три с половиной часа пополудни руки женщины, которую он так любил, навсегда закрыли ему глаза. Все преклонили колени. Кто-то тихо рыдал…

В сладостную пору их всепоглощающей любви Александр II был так счастлив, что намеревался даже отказаться от престола и покинуть Россию. Став простым смертным, он мечтал поселиться где-нибудь во Франции, в Ницце, и прожить там в тихом счастье остаток дней своих вместе с женой.

После смерти мужа Екатерина Михайловна исполнила его желание и поселилась в Ницце, увы, без него. Здесь и прожила более тридцати лет всеми почти забытая. Впрочем, нет. Одно время за ней почему-то принялся следить начальник заграничной царской полиции Рачковский. Когда же он стал писать грязнейшие доносы как на нее, так и на ее детей, вмешался Александр III. Как-никак речь шла о его единокровных брате и сестрах. Рачковский получил жесточайший нагоняй и перестал

совать свой нос куда не следует. Это не помешало ему позже стать начальником личной охраны царя, сменив на этом посту влиятельного генерала Черевина.

Все годы, что жила за границей Екатерина Михайловна, она молилась за упокой души Александра. И не было дня, чтобы не вспоминала о нем, и ждала лишь часа, когда соединится с ним на небесах.

С особой радостью Екатерина Михайловна восприняла весть о том, что в Петербурге на месте убийства Александра II воздвигнут величественный храм Воскресения на крови. Он стал для нее лично не только данью памяти покойного государя, но, как она хотела думать, символом их трагической любви.

Миротворец

В беседах с Павлом I *Авель предсказал, что царю Освободителю, то есть Александру II, наследует сын его, правнук Павла, Александр III — Миротворец. Но царствование его будет недолгим.*

Так и случилось. Старший сын Александра II Николай Александрович скончался в Ницце от чахотки в 1865 году. Наследником престола стал второй сын царя, Александр Александрович. Ему и суждено было взойти на престол под именем Александра III.

Молодой царь совсем не походил на своего отца. Его характер и привычки во многом определил воспитатель, профессор-правовед К. П. Победоносцев, доставшийся ему «по наследству» от старшего брата. После его смерти, с 1865 года, оставив университет, где преподавал, этот умный, консервативных взглядов профессор занимал особое место в образовании будущего императора. Отношения между учителем и учеником установились близкие и доверительные.

Младший брат унаследовал от покойного цесаревича Николая не только учителя, но и невесту. Юная принцесса, дочь датского короля Дагмара, обручилась с ним в том же 1865 году и через год стала его женой, приняв имя Марии Федоровны.

Как все династические браки, этот брак был предрешен и продиктован высшими государственными интересами. Поговаривали, что, потеряв первого жениха, принцесса, не желавшая расставаться с мечтой стать российской императрицей, «завлекла в свои сети» нового наследника. Она быстро забыла о своем первом нареченном и всецело сосредоточилась на его брате, несмотря на то что младший явно уступал старшему в

красоте и живости характера.

Труднее было молодому Александру. Об этом свидетельствует его дневник. Надо заметить, что Александр Александрович имел характер скрытный и любил больше поверять мысли и чувства бумаге, чем друзьям. У него, тогда еще молодого наследника престола, была особая на то причина — ему приходилось таить свою любовь к княжне Марии Элимовне Мещерской, дочери дипломата и писателя, рано умершего.

От этого юношеского романа остались лишь трогательные письма к княжне да строки из дневника. Он писал: «Я только и думаю теперь о том, чтобы отказаться от моего тяжелого положения и, если будет возможно, жениться на милой М. Э. Я хочу отказаться от свадьбы с Dagmar, которую я не могу любить и не хочу. Ах, если бы все, об чем я теперь так много думаю, могло бы осуществиться! Я не смею надеяться на Бога в этом деле, но может быть, и удастся. Может быть, оно будет лучше, если я откажусь от престола. Я чувствую себя неспособным быть на этом месте, я слишком мало знаю людей, мне страшно надоедает все, что относится до моего положения. Я не хочу другой жены, как М. Э. Это будет страшный переворот в моей жизни, но если Бог поможет, то все может сделаться и, может быть, я буду счастлив с Дусенькой и буду иметь детей».

Спустя несколько дней новая запись: «В Лицее встретился с М. Э., которая шла к себе. Я ей сказал, что постараюсь после зайти к ней. Но она сказала, что это, может быть, не удастся и лучше теперь проститься. Я совершенно был согласен, и мы зашли в одну маленькую комнату. Там она бросилась ко мне на шею, и долго целовались мы с нею прямо в губы, крепко обняв друг друга. Она мне сказала, что единственного человека, которого она любила в своей жизни, это меня…»

Свадьба Александра и Марией Федоровной состоялась в 1866 году. И вскоре наследник понял, что влюблен в молодую жену, в свою очаровательную Минни, как он ее называл, и счастлив будет иметь от нее детей. И они появились — красивые и здоровые, четыре мальчика и две девочки. Жизнь потекла своим чередом, безоблачная и беззаботная. До того дня, пока террорист-народоволец не метнул бомбу в карету Александра II и не грянул взрыв на набережной Невы. Настал черед ему занять российский престол.

На другой день после убийства отца Александр Александрович, теперь уже Александр III, выступил с заявлением. Обращаясь к членам Государственного совета и высшим чинам двора, он сказал: «Я принимаю венец с решимостью. Буду пытаться следовать отцу моему и закончить дело, начатое им».

Как и предсказывал Авель, *новому царю удастся «осадить крамолу»*. Он жестоко расправился с убийцами отца народовольцами Перовской, Желябовым, Кибальчичем, Михайловым и Гельфман. Многие были отправлены на каторгу или сосланы. Произошли, естественно, перемены и в окружении царя. Самыми близкими ему людьми становятся двое — уже известный нам К. П. Победоносцев, назначенный обер-прокурором Синода, и генерал П. А. Черевин. С этим придворным, верным начальником своей охраны, царь проводил часы досуга, играл в шахматы, рыбачил и охотился, вместе они выпивали, чем в конце концов Александр III расстроил свое здоровье.

Иметь надежного телохранителя, начальника охраны царю было просто необходимо. Все вокруг страшились революционного подполья, терактов и убийств. Неудивительно, что царь стал мнительным и подозрительным. Он хорошо помнил о том, как погиб его отец от рук врагов, как «свои» убили и его прапрадеда Павла I. К последнему он питал особую привязанность.

Александр III часто наведывался в кабинет Павла в Гатчинском дворце, где все сохранялось так, как было при его жизни. На стене висел портрет императора в облачении гроссмейстера Мальтийского ордена, писанный во весь рост, работы Тончи. На столике лежало Священное Писание. Здесь Александр III любил молиться.

Да и жить император предпочитал не в роскошных апартаментах Гатчинского дворца, а в комнатках с низкими потолками, предназначавшихся в свое время для гостей, если не для прислуги. Здесь обитал и Павел I. В этом укрепленном средневековом замке Александр III чувствовал себя спокойнее, чем в других царских дворцах.

Что касается государственных дел и состава правительства, то в этом новый царь руководствовался советами все того же Победоносцева. Сам царь, неплохо разбиравшийся в людях, сетовал на недостаток личностей честных, правдивых и светлых, считал, что они «огромная редкость». «А пожалуй, и есть, — иронизировал он, — да из ложного стыда скрываются».

Авантюристов же при дворе хватало. Чего стоил один только Н. М. Баранов, петербургский градоначальник. Хитрец и пройдоха, он решил сыграть на страхе царя перед революционерами и изобразить себя в роли его спасителя и охранителя. Он врал, без стеснения выдумывал якобы существующие заговоры, доносил о злоумышленниках и бомбистах, будто бы скрывающихся в Зимнем дворце, на подступах к Гатчине и в других местах роющих подкопы,

закладывающих мины и готовящих покушения. Иначе говоря, силился изобразить бдительного борца с крамолой. Но был разоблачен, укрепив царя во мнении, что мало кому можно доверять.

Отсюда и ужесточенные меры по охране порядка, которые Александр ввел сразу же после того, как занял престол. В марте 1881 года была создана так называемая «Священная дружина» — добровольная тайная организация по защите царя, некий карающий орган. Во главе ее стоял великий князь Владимир Александрович.

Дружина имела список лиц, подлежащих уничтожению, куда заносились не только русские, но и европейские деятели, главным образом революционеры. Она создала целую сеть шпионов и провокаторов. Одним из способов уничтожения нежелательных элементов был наем специальных, как мы сегодня сказали бы, киллеров, вызывавших на дуэль намеченные жертвы. С кодексом дворянской чести это плохо согласовывалось, но зато было безопасно.

В конце концов Александр III понял опасность такой организации, взявшей на себя функции карательного органа, но действовавшей вне закона и по-своему подрывавшей авторитет власти, ее монополию на репрессии. Это не значило, что царь намеревался проводить либеральную политику. Наоборот, вскоре он показал, что избирает жесткий путь на укрепление самодержавия.

Как бы подтверждая свой новый курс, он назначил министром внутренних дел графа Д. А. Толстого, известного своим обскурантизмом. Это означало разрыв с политикой преобразований отца и укрепление неограниченной монархии.

Казалось, что с народовольцами, провозгласившими террор своим принципом, покончено. Последняя из них, Вера Фигнер, схвачена и приговорена к вечной каторге.

Поэтому, когда в октябре 1888 года царь вместе с семьей отправлялся на поезде с юга домой в столицу, он не думал о возможной катастрофе. И не внял предупреждению путейца Витте, кричавшего перед отъездом коменданту поезда, что подаст в отставку, но не позволит царскому эшелону идти быстрее курьерского.

У станции Борки Курско-Азовской железной дороги локомотив и вагоны сошли с рельсов, произошло страшное крушение. Царская семья уцелела чудом. Вернее, благодаря богатырской силе своего главы — императора Александра III. Могучими руками он поднял железную крышу искореженного вагона и вытащил родных.

Потом в царском манифесте это событие назовут знаком Божьего благодарения. «Неисповедимыми путями Божественного Промысла совершилось над нами чудо милости Божьей, — возвещал царь народу. — Там, где не было никакой надежды на спасение человеческое, Господу Богу угодно было дивным образом сохранить жизнь мне, императрице, цесаревичу, всем детям моим». О ранениях, полученных царскими детьми, из которых особенно пострадала Ксения, оставшаяся горбатенькой, в манифесте не упоминалось.

Стоя среди хаоса обломков, самодержец России вспомнил имя того путейца, который предупреждал, что путь небезопасен, и оказался прав. Так, благодаря случаю, Сергей Юльевич Витте оказался приближенным к царю. С тех пор и пошла в гору карьера одного из крупнейших государственных деятелей России конца XIX — начала XX века.

Родился Сергей Юльевич Витте в 1849 году в Тифлисе в состоятельной семье. В 1870 году окончил математический факультет Новороссийского университета. Служил в управлении юго-западных железных дорог. Был умен, энергичен, самолюбив. Одной из самых удивительных черт этого человека была способность быстро становиться профессионалом практически в любой области государственной деятельности. Так, не имея железнодорожного образования, он сумел поставить строительство и эксплуатацию железных дорог в России на небывалую высоту. Не будучи финансистом, провел крупнейшую финансовую реформу. Не будучи дипломатом, сумел после русско-японской войны заключить выгодный для России Портсмутский мир.

В 1889 году, вскоре после катастрофы в Борках, Витте становится директором департамента железнодорожных дел, а в 1892 году — министром финансов.

Следует заметить, что Александру III досталась очень расстроенная казна. Годовой дефицит 1880 года составлял сорок четыре с половиной миллиона рублей. Надо было думать об увеличении доходов, но что именно делать — царь не знал. Пока министром финансов не сделался Витте.

Финансовая система России середины прошлого века строилась на серебряных деньгах. На них свободно обменивались ходившие параллельно кредитные билеты. Иными словами, кредитный рубль был равен серебряному. Однако расходы, связанные с ведением Крымской (1853–1856) и русско-турецкой (1877–1878) войн заставили правительство выпустить значительное количество кредитных рублей без их серебряного обеспечения. Это привело к тому, что в 1859 году кредитный

рубль потерял 20 процентов, а к 1880 году — 33 процента своей стоимости в серебре. Размен на серебро прекратился, и оно стало уплывать за границу. Серебряный рубль перестал быть основой монетной системы. Счет велся на кредитные рубли и на ходившие золотые монеты — империал (пятнадцать кредитных рублей) и полуимпериал (семь с половиной кредитных рублей).

Между тем открытие золотых россыпей в Калифорнии, Австралии и Африке и успехи отечественной золотопромышленности значительно увеличили запасы золота в стране. Это создало условия для перехода к золотому монометаллизму. То есть к системе, при которой мерилом ценности признается какой-нибудь один благородный металл.

Витте принял за основу монетной системы золотой рубль, который как отдельная монета не существовал. Стоимость империала он приравнял к пятнадцати серебряным рублям, полуимпериала — к семи с половиной. Кроме того, он выпустил в обращение десяти- и пятирублевые золотые монеты. Реформа была связана с изъятием прежних кредитных билетов и обменом их на звонкую монету.

Впрочем, это было завершено уже при следующем царе, в 1897–1900 годах. Тогда реформа была доведена до конца, и новые бумажные деньги, выпущенные тогда же, обеспечивались не серебром, а золотом. В результате финансовой реформы Витте русский рубль стал едва ли не самой уважаемой валютой в мире!

Что касается отношения Витте к монарху, то он его уважал и находил у него «громадный, выдающийся ум сердца».

Если в области экономики, железнодорожного строительства Россия при Александре III шла вперед, ти во многом другом Александр поворачивал вспять. Он ограничил деятельность судебных учреждений, хотя полностью отменить судебную реформу 1864 года не успел. Это не мешало ему считать свое правление просвещенным и гуманным. За 1883–1890 годы царские суды вынесли 58 смертных приговоров, из которых только 12 были приведены в исполнение. Зато царь открыл в 1884 году «государеву тюрьму» — Шлиссельбургскую крепость, где содержались особо опасные преступники, в том числе и политические.

Иногда царь проявлял великодушие и миловал убийц. Так, он «простил» корнета Бартенева, убившего актрису Висновскую. При этом Александр руководствовался не материалами дела, а своим настроением и личным впечатлением. Его тронула история русского офицера, дворянина, полюбившего актрису Варшавского драматического театра.

Жениться на ней офицер не решался — все-таки полька,

католичка, женщина достаточно легкого поведения. Но и забыть ее не мог. Дело слушалось в 1891 году в Варшавском окружном суде. С блестящей речью в защиту обвиняемого выступил знаменитый адвокат Плевако. Возможно, именно эта речь произвела впечатление на Александра, и он одним взмахом пера изменил приговор суда. Вместо восьми лет каторги Бартенева лишь разжаловали в солдаты. Царь не задумывался над тем, что грубо нарушает юридические нормы. (И. А. Бунин использовал этот случай в рассказе «Дело корнета Елагина».)

Александру, видимо, казалось, что таким образом он разрешает сложную проблему взаимодействия «человеческого» и «государственного» в монархе. Однако он мог быть и непреклонным. Когда его племянник великий князь Николай Николаевич решил жениться на неродовитой, да к тому же разведенной дворянке, Александр воспротивился, поскольку это нанесло бы ущерб царской фамилии. Точно так же он запретил брак великого князя Михаила Михайловича, так как его избранница не отвечала династическим требованиям. После того как великий князь ослушался, он был отлучен от царской семьи и лишен всех должностей и званий.

Царь любил проводить время в кругу семьи, вечерами бывал в театре вместе с супругой, присутствовал на домашних концертах, участвовал в любительских спектаклях. Можно сказать, вел патриархальную, размеренную жизнь. Но это не уберегло его от болезни почек — нефрита.

В октябре 1894 года Александр находился в крымской Ливадии. Здесь он перенес грипп, который дал осложнение на почки. Для него это было смерти подобно. И она наступила 20 октября. Ему не было еще пятидесяти лет.

Венец терновый

С того дня, как Авель по просьбе Павла I предсказал «судьбу державы российской» вплоть до правнука его, то есть Николая II, и пророчество было вложено в конверт и запечатано, оно хранилось в небольшом зале Гатчинского дворца. Никто не смел нарушить завещание Павла I, написавшего на конверте: «Вскрыть Потомку Нашему в столетний день Моей кончины».

В зале дворца, где хранился документ, посередине на возвышении стоял довольно большой узорчатый ларец с затейливыми украшениями. Ларец был заперт на ключ и опечатан. Вокруг ларца на четырех столбиках с кольцами был протянут толстый красный шелковый шнур, преграждавший к

нему доступ. Всем было известно, что в этом ларце хранится предсказание дому Романовых, сделанное вещим Авелем. Знали и о том, что вскрыть и прочесть его можно будет только тогда, когда исполнится сто лет со дня кончины императора Павла I. Притом только тот сможет это сделать, кто в тот год будет занимать царский престол в России.

Вскрыть ларец и узнать, что в нем хранится вот уже целых сто лет, выпало на долю царствующего в тот год Николая II.

11 марта, в столетнюю годовщину смерти Павла I, состоялась заупокойная панихида. Петропавловский собор был полон молящихся. «Не только сверкало здесь шитье мундиров, присутствовали не только сановные лица, — писал очевидец. — Тут были во множестве и мужицкие сермяги, и простые платки, а гробница императора Павла Петровича была вся в свечах и живых цветах. Эти свечи, эти цветы были от верующих в чудесную помощь и предстательство почившего царя за потомков своих и весь народ русский». Сбылось предсказание вещего Авеля, что народ будет особо чтить память царя-мученика и притекать будет к гробнице его, прося заступничества, прося о смягчении сердец неправедных и жестоких.

Утром того дня царь и царица были очень оживленны и веселы, вспоминала приближенная царицы. Им предстояло вскрыть вековую тайну, и это почему-то их забавляло. К поездке в Гатчину они готовились, как к праздничной интересной прогулке, обещавшей доставить незаурядное развлечение. «Поехали они веселы, но возвратились задумчивые и печальные».

…Царь вскрыл заветный ларец, извлек бумагу, в нем хранящуюся, и несколько раз прочел предсказание вещего Авеля о том, что ждет его и Россию в будущем. Он побледнел, когда узнал свою терновую судьбу, узнал, что недаром родился в день Иова Многострадального и что много придется ему вынести — и кровавые войны, и смуту, и великие потрясения государства российского. Его сердце чуяло и тот проклятый черный год, когда он будет обманут, предан и оставлен всеми.

В ушах звучали прочитанные вещие слова: *«На венец терновый сменит он корону царскую, предан будет народом своим, как некогда Сын Божий. Война будет, великая война, мировая… Накануне победы рухнет трон царский. Кровь и слезы напоят сырую землю. Мужик с топором возьмет в безумии власти, и наступит воистину казнь египетская…»*

О том, что прочел в бумаге, хранящейся в ларце, Николай никому ничего не сказал. Только однажды, лет восемь спустя, у него состоялся разговор с П. А. Столыпиным, о чем вспоминал французский посол М. Палеолог. На предложение председателя

правительства провести важную меру внутренней политики царь, задумчиво выслушав его, скептически махнул рукой, как бы говоря: «Это ли или что другое, не все равно?!» После чего произнес с глубокой грустью:

— Мне, Петр Аркадьевич, не удается ничего из того, что я предпринимаю.

Столыпин было запротестовал, но царь у него спросил:

— Читали ли вы Жития святых?

— Да, по крайней мере частью, так как, если не ошибаюсь, этот труд содержит около двадцати томов.

— Знаете ли вы также, когда день моего рождения?

— Разве я мог бы его не знать? 6 мая.

— А какого святого праздник в этот день?

— Простите, Государь, не помню!

— Иова Многострадального.

— Слава Богу! Царствование вашего величества завершается со славой, так как Иов, смиренно претерпев самые ужасные испытания, был вознагражден благословением Божиим и благополучием.

— Нет, поверьте мне, Петр Аркадьевич, у меня более, чем предчувствие, у меня в этом глубокая уверенность: я обречен на страшные испытания. Но я не получу моей награды здесь, на земле. Сколько раз применял я к себе слова Иова: «Ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня, и чего я боялся, то и пришло ко мне».

Это придет к нему июльской ночью 1918 года. Он будет расстрелян вместе с женой и детьми в подвале дома купца Ипатьева в Екатеринбурге, где находился под арестом после отречения. Его главный палач, фельдшер-недоучка большевик Юровский, назначенный комендантом дома, где содержались арестованные, как сумасшедший палил в царя из своего пистолета, который, кстати говоря, много лет спустя будет подарен Н. С. Хрущеву потомком одного из участников преступления.

Жестокое и бессмысленное убийство было совершено с одобрения московского В Ц И К и лично Ленина и Свердлова. Сегодня это несомненно. Документальные источники свидетельствуют, что Николай II и его семья были казнены по решению Уральского областного Совета. В протоколе № 1 заседания В ЦИК от 18 июля 1918 года записано:

«Слушали: Сообщение о расстреле Николая Романова (телеграмма из Екатеринбурга). Постановлено: Президиум В ЦИК признает решение Уральского областного Совета — правильным…»

Как писал В. П. Милютин, в то время нарком земледелия РСФСР, в тот же день, 18 июля 1918 года, в Кремле поздно вечером проходило очередное заседание С НК под председательством В. И. Ленина. «Во время доклада товарища Семашко… в зал заседаний вошел Я. М. Свердлов. Он сел на стул сзади Владимира Ильича. Семашко закончил свой доклад. Свердлов подошел, наклонился к Ильичу и что-то сказал.

— Товарищи, Свердлов просит слова для сообщения, — объявил Ленин.

— Я должен сказать, — начал Свердлов обычным своим ровным тоном, — получено сообщение, что в Екатеринбурге по постановлению областного Совета расстрелян Николай… Николай хотел бежать. Чехословаки подступали. Президиум ЦИК постановил: одобрить.

Молчание всех…»

Подлинник протокола подписан В. И. Лениным.

О последних днях и часах жизни Николая II — Иова Многострадального — сегодня известно по многим книгам, исследованиям и статьям.

До самого последнего трагического дня императрица вела дневник, который был не так давно найден. Это документ поразительной эмоциональной и обличительной силы.

Незадолго до расстрела, точнее говоря, 4 июля, в доме Ипатьева, где содержалась царская семья, произошло событие. Получил отставку комендант, слесарь Авдеев. Его пьяные похождения и систематическое воровство царского имущества вызвали тревогу в Москве.

Царица записала в тот день: «Очень жарко: 21,5 градуса в комнате уже в 9 часов утра. Во время обеда пришел Х. (видимо, председатель местного Совета. — Р. Б.) и с ним еще несколько человек. Авдеев смещен, и вместо него у нас теперь новый начальник охраны (первый раз он пришел осмотреть ногу Бэби, а второй раз — нашу комнату. С ним был молодой помощник). В отличие от своего отвратительного вульгарного предшественника этот кажется хорошо воспитанным. Всех стражников из внутренней охраны также услали. (Вероятно, открылось, что они крали наши вещи из сарая.) Эти двое потребовали предъявить им наши украшения, и молодой переписал их все. Украшения у нас забрали. (Куда их собираются поместить, на какое время и почему? Неизвестно.) Мне оставили лишь два браслета дяди Лео, которые я не смогла снять, как, впрочем, не смогла снять и обручальное кольцо Николая».

На следующий день, 5 июля, императрица пишет: «День провела как обычно. Приходил комендант с нашими

украшениями, запечатал их и оставил у нас на столе. Теперь каждый день он будет приходить и проверять, не вскрыли ли мы пакет».

В субботу, 6 июля, отметив, что она играла в карты с Бэби и доктором Боткиным, Александра уточняет, что снова приходил комендант и на этот раз принес украденные ранее часы Николая, которые он нашел в одной из комнат, в кожаном футляре, как они и были. «Зовут коменданта Юровский», — заключает она без комментариев.

Яков Юровский, в прошлом фотограф, во время войны служивший санитаром, в революцию сделался областным комиссаром юстиции. Ему в это время было около сорока лет, и он казался любезным, скромным и образованным человеком. Проявляя вежливость по отношению к царской семье, Юровский в то же время очень строго относился к соблюдению безопасности. Он постепенно удалил всех авдеевских солдафонов, а на их место поставил отряд из десяти латышских стрелков, безмолвных, как истуканы. Их разместили на первом этаже здания. Монахинь, приносивших продукты, часовые перестали пропускать, а услуги доброго доктора Деревенкова больше уже не рассматривались как необходимые.

Там, на воле, «друзья» обеспокоены сменой охраны дома Ипатьева. «Смена охранников и коменданта помешала написать вам, — жалуется анонимный корреспондент Николая II в своем четвертом и последнем письме ему, словно не обращая внимания на предыдущие указания царя об отказе бежать и надежде на освобождение силой. — Знаете ли вы, по какой причине это было сделано? Отвечаем на ваши вопросы. Мы — группа офицеров русской армии, не забывших сознания долга перед царем и Отечеством. Не сообщаем вам более подробной информации по причинам, которые вы поймете, но ваши спасшиеся друзья Д. (Деревенков? — *Р. Б.)* и Ч. (возможно, бывший камердинер царя Чемодуров, находившийся в это время в тюремной больнице Екатеринбурга. — *Р. Б.)* нас знают. Час освобождения близится, и дни узурпаторов сочтены.

Славянские армии движутся к Екатеринбургу. Они уже в нескольких верстах от города. Наступает критический момент, и не надо бояться кровопролития. Не забывайте, что в последний момент большевики будут готовы к любым преступлениям. Этот момент настал. Нужно действовать. Будьте уверены: пулемет на втором этаже не представляет опасности. Что касается коменданта, то мы сумеем его убрать. Ждите свистка в полночь. Это будет сигналом». Подпись: офицер.

На этот раз ответа не было. Было ли письмо перехвачено

латышскими охранниками в момент, когда его пытались переправить царю через нового посредника? Был ли открыт заговор? Или же (если все письма «офицера» все-таки были провокацией большевиков, призванной оправдать будущее преступление) царь разоблачил провокацию большевиков?

Протокол исполнительного комитета местного Совета, заседавшего 18 июля, на следующий день после казни Романовых, похоже, подтверждает первую версию. «Был раскрыт, — говорится в этом документе, — новый контрреволюционный заговор с целью вырвать из рук советской власти коронованного палача… Документальные свидетельства заговора отправлены в Москву специальным курьером». Не вызывает сомнений, что речь здесь идет о письмах, найденных в архивах. Заметки Александры от 11 июля подтверждают, что планы офицера русской армии были, по всей видимости, раскрыты.

«Четверг, 11 июля. Комендант Зубр (этим именем Александра отныне называла Юровского. — *Р. Б.)* настоял, что он хочет видеть нас всех к 10 часам, однако нам пришлось ждать около двадцати минут, пока он завтракал и ел сыр. В 10 час. 30 мин. появились рабочие, которые закрыли единственное наше открытое окно железной решеткой. Несомненно, они боятся, что мы можем выбраться через окно или войдем в контакт с часовыми».

Мирный период в отношениях пленников с Юровским закончился. Отныне осталась только ненависть жертв к своему палачу.

Стремление Юровского изолировать Романовых совпало с усилением внешней опасности. Около 12 июля военная обстановка вокруг Екатеринбурга становится резко напряженной. Уже в течение нескольких дней к Екатеринбургу движется контрреволюционная армия — белая армия адмирала Колчака.

«Мы постоянно слышим, — записала Александра 12 июля, — как мимо нас проходит артиллерия, пехота, а два раза слышали кавалерию».

Перед лицом этой угрозы местный военный комиссар Голощекин отправляется в Москву, требуя приказа Ленина (с которым был знаком по ссылке) относительно царской семьи. Согласно заявлению Троцкого, который впоследствии передал свой разговор со Свердловым, именно в этот момент было принято решение о ее уничтожении. «Ильич сказал, что мы не должны оставлять белым живое знамя, особенно в данных обстоятельствах», — говорил ему Свердлов.

«Суббота, 13-е. Прекрасное утро. День провела, как и вчера, не вставая с постели, — стоит пошевелиться, начинает болеть

спина. Остальные два раза выходили гулять. Днем со мной сидела Анастасия. Говорят, что Нагорный и Седнев высланы правительством и нам их больше не вернут. В 6 с половиной часов Бэби первый раз после Тобольска принял ванну. Ему удалось самому зайти и выйти из нее. Он сам забирается в постель и сам спускается с нее. Но пока может только неподвижно стоять на ногах. В 9 час. 45 мин. я снова в постели. Идет дождь. Ночью слышала три револьверных выстрела».

Как могла Александра вообразить невообразимое? Нагорный, бравый матрос и доверенный друг царевича Алексея, уже никогда не придет. Он был расстрелян через короткое время после их прибытия в Екатеринбург. И собственная их судьба уже почти решена.

Исполнительный комитет городского Совета несколько дней назад принял решение — перед лицом белой угрозы немедленно казнить всех Романовых. Организация убийства была поручена испытанному революционеру, рабочему с соседнего Верхисетского завода Петру Ермакову. Впрочем, было решено подождать возвращения из Москвы военного комиссара Голощекина.

«Воскресенье, 14 июля. Прекрасное летнее утро. Почти не спала из-за болей в спине и ногах. В 10 час. 30 мин. большая радость — во второй раз пришел молодой священник.

11 час. 30 мин — 12 час. Все вышли погулять. Со мной осталась Ольга. Я снова весь день не вставала с постели. Днем со мной сидела Татьяна, читала Евангелие.

4 час. 30 мин. Чай. Остаток дня проговорили и раскладывали пасьянсы. Вечером немного поиграли в безик. В большой комнате постелили огромный соломенный матрас, чтобы мне было менее мучительно сидеть.

10 час. Приняла ванну и отправилась спать».

Юровский, который уже знал о том, что семья будет ликвидирована, разрешил визит священника. Этот священник позже рассказал о последней для Романовых церковной службе. Императрица, казалось, чувствовала себя немного лучше, потому что маленький Алексей, в свою очередь, тоже был в несколько лучшей форме и даже смог сам сесть в кресло. Царя, напротив, казалось, одолевали какие-то сомнения. Он выглядел похудевшим и почему-то частично постриг бороду. И великие княжны изменили прически.

Может быть, в это время пленники сознательно старались изменить внешность, чтобы облегчить будущий побег? Если это так, то было слишком поздно, потому что военный комиссар Голощекин уже вернулся в Екатеринбург. Не вызывает никаких

сомнений, что он привез приказ ЦК, подписанный Лениным и Свердловым, с предписанием местному Совету немедленно ликвидировать императорскую семью до того, как ее смогут освободить белые. В тот же вечер состоялось заседание Екатеринбургской ЧК, на котором присутствовали председатель местного Совета Белобородов, а также Голощекин и Юровский.

«Понедельник, 15 июля. Серое утро. Позже выглянуло солнце. Я обедала в большой комнате на своем матрасе, как раз в это время пришли женщины мыть полы. Потом я снова легла в постель, и мы с Марией читали. Они дважды ходили гулять, как обычно. Утром Татьяна читала мне Евангелие.

В 6 час. 30 мин. Бэби во второй раз принял ванну. Безик. Пошла спать в 10 час. 15 мин.

11 час. 30 мин. Стало жарко, и я встала с постели… Ночью слышала артиллерийскую канонаду и частые револьверные выстрелы».

Именно в этот самый понедельник Юровский, видимо с целью рассеять подозрения относительно той судьбы, которую он уготовил пленникам, приказал монахиням из монастыря принести на следующий день молоко и яйца. Он даже передал им просьбу Татьяны достать ей ниток для шитья.

«Вторник, 16 июля. Татьяна читала мне Евангелие. Каждое утро в наши комнаты приходит комендант. На этот раз он хотя бы принес мне для Бэби яиц — в первый раз за неделю.

8 часов. Ужин. Мику Седнева (юный помощник повара. — Р. Б.) внезапно услали проведать своего дядю, и он так и не вернулся. Мы спрашиваем себя, правда ли это и увидим ли мы когда-нибудь мальчика снова. Играли в безик с Николаем. 10 часов 30 мин. Спать. 15 градусов».

Следующая страница осталась нетронутой…

Что же произошло в ту страшную ночь с 16 на 17 июля, некоторое время спустя после того, как императрица записала в дневник эти последние строчки? По рассказам охранников дома Ипатьева, которые были взяты в плен белыми буквально через несколько дней, 25 июля, прямо на месте преступления, Юровский ранним вечером предупредил их, что царская семья должна быть расстреляна. Юный поваренок Мика Седнев, отъезд которого так взволновал императрицу, не ездил к своему дяде. Юровский, решивший пощадить его, накануне отправил мальчика к охранникам. Вместе с несколькими яйцами, поданными на завтрак Алексею в утро его убийства, это был единственный жест милосердия палача к своим жертвам.

Около 8 часов Юровский потребовал у начальника охраны Павла Медведева отобрать у часовых револьверы и сдать их ему.

Приказ был выполнен. В 10 часов Медведев предупредил своих людей, чтобы они не волновались, когда услышат выстрелы. Для того чтобы убедить Романовых спуститься на первый этаж дома, Юровский объяснил им, что на втором этаже находиться небезопасно из-за приближающейся стрельбы.

«В полночь, — расскажет позже захваченный в плен Медведев, впоследствии казненный белыми (по другим данным, он был арестован и умер в омской больнице — Р. Б.), — Юровский разбудил пленников. Примерно через час семья была готова.

Еще до того, как он отправился их будить, в дом Ипатьева пришли два чекиста. Одного из них, как я потом узнал, звали Петр Ермаков, имя второго осталось мне неизвестно.

В два часа все узники вышли из своих комнат. Государь нес Алексея на руках. Оба были одеты в кители, на голове фуражки. Императрица с дочерьми были без пальто, без шляп. Император с сыном шли первыми. За ними шли императрица и дочери, за ними все остальные. Их сопровождали Юровский, его помощник и двое чекистов.

Они спустились во двор, затем прошли к подвалу. Дорогу показывал Юровский. Он привел их к комнате, что была по соседству с чуланом, и велел принести стулья. Помощник принес три стула — для императора, императрицы и цесаревича. Императрица села возле стены у окна, как раз рядом с арочным столбом. За ней стояли три дочери. Император и наследник сидели рядом друг с другом, почти в самом центре комнаты.

Позади Алексея стоял доктор Боткин. Горничная стояла напротив левого косяка двери, ведущей в чулан, а сбоку от нее стояла четвертая великая княжна. Двое слуг держались в левом углу от входа, тоже возле стены. В руках у горничной была подушечка. Великие княжны тоже принесли каждая по маленькой подушечке. Одну из них они положили на стул, где сидела императрица, другую — на стул цесаревича.

В это время в комнату вошли одиннадцать человек: Юровский, его помощники, двое чекистов и семеро латышских стрелков…»

Медведев утверждал, что в самый момент казни его в комнате не было. Но, согласно многочисленным свидетельствам, он тоже участвовал в кровавой расправе.

Вначале Юровский зачитал бумагу, затем добавил от себя: «Николай Александрович!

Ваши попытались вас спасти, но им не удалось. Мы вынуждены вас расстрелять». Царь, казалось, никак не мог понять, о чем идет речь. «Разве нас никуда не повезут?» Вместо

ответа Юровский открыл стрельбу из своего револьвера. Начали стрелять и чекисты с латышами. Император и Алексей упали первыми.

«Когда я вернулся, — рассказывал Медведев, — я увидел на полу распростертые и во многих местах простреленные тела царя, императрицы, четырех их дочерей и наследника. Кровь лилась ручьями. Доктор, двое слуг и горничная тоже были убиты. Когда я вернулся, цесаревич был еще жив и стонал. Юровский приблизился к нему и два или три раза выстрелил в него в упор».

Позже убийцы поймут, почему им понадобилось столько пуль, чтобы довести до конца свою грязную работу. Раздевая тела перед тем, как попытаться сжечь их, они оцепенели: оказалось, в одежде великих княжон были зашиты драгоценности, которые сыграли роль пулезащитных жилетов.

Несмотря на то что расстрел производился в самом центре города, никто ни о чем не догадался.

В наши дни многое стало известно об этом страшном преступлении. Были найдены останки несчастных убиенных. Воистину, нет ничего тайного, что не сделалось бы явным. В июле 1991 года, после краха коммунистического режима, в окрестностях Екатеринбурга вскрыли захоронение, в котором оказались останки девяти человек. По этому факту Генеральная Прокуратура РФ возбудила уголовное дело.

Судебно-медицинские эксперты отождествили останки с убитыми в Ипатьевском доме в 1918 году. Это подтвердила и экспертиза английских ученых. В июле 1996 года Центральный отдел записи актов гражданского состояния Санкт-Петербурга зарегистрировал смерть последнего русского царя и его семьи. Таким образом, гибель царской семьи наконец-то официально оформлена. А в июле 1998 года предстоит торжественное захоронение останков невинно убиенных в Петропавловском соборе в Петербурге.

И вновь вспомнилось пророчество Авеля о том, что Николай II сменит корону царскую на венец терновый, примет страдания нечеловеческие и станет царем-мучеником. Ибо недаром он родился в день Иова Многострадального.

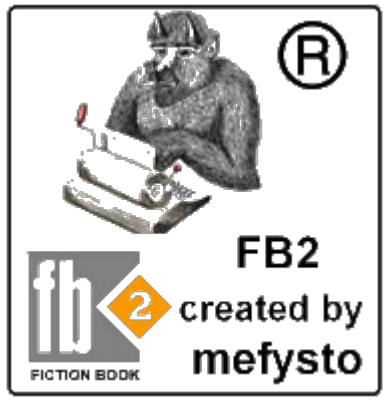
Более двадцати лет отсидел в шести тюрьмах и трех крепостях отец Авель за свои предсказания русским монархам об их смертях и убийствах. Павел I запечатал конверт с его прогнозом "Судьбы державы российской" и написал на нем: "Вскрыть Потомку Нашему в столетний день моей кончины". Его вскрыли в означенное время. Вещий Авель был прав: царскую корону последний российский император сменил на терновый венец.

О многострадальной жизни провидца, об отечественной истории как исполнении его пророчеств рассказывает эта книга.

ISBN 5-237-00938-7

9 785237 009385

АСТ
издательство



notes

Примечания

1

Екатерина вообще любила отсутствовать во время всех «непредвиденных» ею катастроф. Она отсутствовала во время переворота, свергнувшего Петра III и потом лишившего его жизни; она нарочно уехала из Петербурга на день казни Мировича (это известно из официальных бумаг); она отсутствовала, когда назначено было привезти княжну Тараканову в Петропавловскую крепость.